

М.И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ • ГРАММАТИКА НОРВЕЖСКОГО ЯЗЫКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М.И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

ГРАММАТИКА
НОРВЕЖСКОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1957

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

ГРАММАТИКА
НОРВЕЖСКОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

1 9 5 7

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

В. П. БЕРКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга была первоначально задумана как нормативная грамматика, предназначенная для изучающих норвежский язык. Однако автор вскоре увидел, что не может приступить к систематизации даже элементарных грамматических фактов, не разобравшись предварительно в некоторых вопросах теоретической и общей грамматики. Пришлось обратиться к этим вопросам, и это нашло отражение в книге: факты нормативной грамматики излагаются во всех ее разделах, но во многих ее разделах есть отступления от нормативного изложения фактов и экскурсы в общую грамматику. Получилась книга, двойственная по своему заданию, книга, рассчитанная и на изучающих норвежский язык, и на интересующихся теоретическими вопросами грамматики. В принципе книга могла бы распасться на «Нормативную грамматику норвежского языка» и «Очерки по теоретической грамматике норвежского языка и общей грамматике». Практически, однако, такое разделение оказалось неосуществимым.

В своих теоретических экскурсах автор исходил из убеждения, что основной задачей грамматиста является критический анализ используемых им традиционных терминов.

Дело в том, что действительность, которую приходится исследовать грамматисту, чрезвычайно сложна и противоречива. Систематизировать и описать факты этой действительности исключительно трудно. В сущности, любая грамматическая система, принятая для описания фактов этой действительности, навязывает им стройность, которую автор такой системы хотел бы в них видеть, но которой в них на самом деле нет. Почти все основные грамматические понятия (например такие, как «грамматическое значение», «слово», «часть речи», «предложение», «существительное», «подлежащее» и т. д.) не поддаются бесспорному определению и, следовательно, приближительны, расплывчаты. У очень многих грамматических терминов при ближайшем рассмотрении оказывается не одно, а два или даже больше значений наплывающих друг на друга.

Некритически используемые, эти термины в сущности скорее образуют завесу, заслоняющую от нас действительность, чем способствуют ее пониманию. Не случайно споры по теоретическим вопросам грамматики так часто оказываются по существу спорами чисто терминологическими и сводятся к тому, что тот же термин по-разному понимается или тот же факт по-разному называется. Не случайно также ни в одной другой науке нет такого соблазна увлечься созданием новых терминов и принять новые термины за новое по существу и ни в одной другой науке нет столько лишних терминов, или терминов, основное назначение которых заключается в том, чтобы придать изложению более наукообразный, более ученый характер (часто такое назначение имеют, например, термины «категория», «категориальный» или термины «система», «лексема», «семантема» и т. п.). Поэтому автор считал, что задача грамматиста заключается также в том, чтобы избегать не только новых, но и лишних старых терминов.

Теоретические экскурсы в настоящей книге не имеют своей целью познакомить читателя с разнообразными мнениями, существующими по тем или иным вопросам грамматической теории. Для того, чтобы познакомить читателя с такими мнениями, потребовалась бы книга совсем другой структуры. Мнения грамматистов-теоретиков (преимущественно скандинавских грамматистов-теоретиков, как более знакомых автору и более интересных для изучающих скандинавский язык) приводятся в книге только спорадически и только, чтобы оттенить точку зрения автора.

Возникновению этой книги способствовали исследования, которые были проделаны студентами-скандинавистами Ленинградского университета в их дипломных и курсовых работах, а также аспирантами-скандинавистами в Ленинграде и Москве. Так, в области предлога могли быть использованы наблюдения, сделанные в диссертациях В. В. Леушевой и В. И. Тур, в области артикля — в диссертациях З. Д. Голубевой и В. П. Батанина, в области залога — в диссертации В. П. Беркова, в области времени — в дипломной работе Г. В. Терентьевой. Возникновению этой книги способствовало также и то, что автор имел возможность выступать с докладами в Институте языкознания Академии Наук и выслушивать критические замечания товарищей по институту. Всем им, а также товарищам по Кафедре германской филологии Ленинградского университета, читавшим книгу в рукописи и высказавшим свои критические замечания, автор приносит свою глубокую благодарность.

НОРВЕЖСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

§ 1. В современной Норвегии существуют две формы литературного языка.¹ Одна из этих форм норвежского литературного языка образовалась в результате взаимодействия датского литературного языка и говора столицы Норвегии Осло. В XIX в. эта форма норвежского литературного языка называлась «датско-норвежским языком» (dansk-norsk). В 1890 г., по предложению известного норвежского писателя Бьёрнстjerne Бьёрнсона, она стала называться «риксмол» (riksmål, букв. 'государственный язык') и с тех пор так обычно и называется. С 1929 г. ее официальное название, впрочем, «букмол» (bokmål, букв. 'книжный язык'). Другая форма норвежского литературного языка образовалась в результате искусственного синтеза норвежских местных диалектов. Создателем этой формы норвежского литературного языка считается норвежский языковед Ивар Осен (1813—1896 гг.). Ее официальное название nynorsk (букв. 'новонорвежский'). Однако употребительно также ее установившееся еще в XIX в. название «лансмол» (landsmål, букв. 'язык страны', т. е. 'общенародный язык').

Как риксмол, так и лансмол признаны в Норвегии государственными формами литературного языка. Народные школы в Норвегии имеют широкую языковую автономию. Школьные общины сами решают, какая из двух форм литературного языка — риксмол или лансмол — должна быть принята в школьных пособиях и в письменных работах учащихся, хотя во всех школах учащиеся обучаются чтению как на риксмол, так и на лансмол.

¹ О происхождении такой необычной двойственности литературного языка см.: М. И. Стеблин-Каменский. История скандинавских языков. М.—Л., 1953, стр. 73 сл.

Все же фактически официальной литературной нормой остается риксмол, а не лансмол. Поэтому и в настоящей книге под норвежским языком подразумевается риксмол, а не лансмол, и не риксмол и лансмол вместе. Все формы, которые в ней приводятся, характерны для риксмолы или по меньшей мере допустимы в нем. Формы, характерные для лансмолы, приводятся в ней только постольку, поскольку это необходимо для понимания морфологии риксмолы.

Риксмол господствует в деловой жизни, в науке, в прессе, в частности он господствует в органе норвежской коммунистической партии «Фрихетен» (Friheten). Он преобладает в норвежской художественной литературе. Основной опорой лансмолы является народная школа, особенно в западнорвежских фюльках. Основной опорой риксмолы является столица Норвегии Осло.

Между риксмомом и лансмомом, как между разными формами литературного языка одной нации, имеет место тесное взаимодействие. Поэтому невозможно говорить о риксмоле, не касаясь лансмолы, и наоборот. Долгое время между сторонниками риксмолы и лансмолы шла упорная борьба. Затем эта борьба в значительной мере потеряла свою остроту, и стало казаться, что две формы норвежского литературного языка развиваются в направлении сближения друг с другом. Особенно показательно в этом отношении последние орфографические реформы риксмолы (1917 и 1938 гг.), которые имели целью по возможности сблизить риксмол и лансмол. Попытки ликвидировать двойственность литературного языка делались и позднее. Однако пока что безрезультатно.

Различие между риксмомом и лансмомом наиболее велико в фонетическом составе слов и грамматических форм. В значениях слов и грамматических форм между риксмомом и лансмомом, как правило, нет различия. В синтаксисе различие между риксмомом и лансмомом ничтожно. Что же касается состава фонетической системы (т. е. области, в которой различие между разными языками или разными диалектами одного языка наиболее заметно), то и здесь различия между риксмомом и лансмомом, в сущности, нет. Различия в составе фонетической системы в пределах норвежского языка связаны с различием между местными диалектами или говорами, но не с различием между разными формами литературного языка.

Некоторые утверждают, что различие между риксмомом и лансмомом достаточно велико для того, чтобы говорить о двух разных языках. Однако, повидимому, не абсолютная величина

языкового различия определяет, имеем ли мы дело с двумя формами одного языка или с двумя разными языками, а то, как это различие реализуется в общении. Риксмол и лансмол используются по произвольному выбору в пределах одной нации и специфичны именно для этой нации. Поэтому риксмол и лансмол — это две формы одного литературного языка, скорее, чем два языка. Напротив, риксмол и датский язык это несомненно два разных языка, поскольку они используются в двух разных нациях и специфичны для этих разных наций, хотя абсолютное различие между риксмомом и датским литературным языком в ряде случаев меньше, чем между риксмомом и лансмомом.

Поскольку в Норвегии существуют две взаимодействующие между собой формы литературного языка, естественно, что ни одна из этих форм не обладает той устойчивостью и единообразием, которые обычно бывают характерны для литературного языка. Риксмол может быть более «норвегизированным», т. е. более близким к лансмому, или менее «норвегизированным», т. е. менее близким к лансмому и более близким к датскому литературному языку. Орфографические реформы 1917 и 1938 гг. официально разрешали эти колебания, предлагая на выбор разные варианты слов или грамматических форм. Вообще орфография риксмолы очень пестра, что и нашло отражение в примерах, приводимых в настоящей грамматике и сохраняющих орфографию подлинников. Еще в XIX в., до официальных орфографических реформ риксмолы, отдельные норвежские авторы вырабатывали себе свои индивидуальные орфографии. Так, индивидуальны и орфография Ибсена, и особенно орфография Бьёрнсона.

Основной чертой первой официальной орфографической реформы риксмолы, которая была проведена в 1907 г., была замена поствокальных b, d, g на p, t, k (løpe, slite, leke вместо løbe, slide, lege). Реформа 1907 г. легализовала также окончания -et в претерите слабых глаголов первого класса вместо датского -ede (kastet вместо kastede), окончания -dde и -dd в претерите и причастии II слабых глаголов четвертого класса вместо датских -ede и -et (nådde, nådd вместо nåede, nået) и окончания -eg для общего рода и нулевые окончания для среднего рода во множественном числе существительных, имевших в датском языке во множественном числе окончание -e (dager, hus вместо dage, huse).

Основной чертой второй официальной орфографической реформы риксмолы, проведенной в 1917 г., было введение обозначения долгих согласных в конце слова посредством удвое-

ния буквы (*natt* вместо *nat*) и упразднение немых согласных в ряде слов (*vann* вместо *vand* и т. д.). Вместе с тем, реформа 1917 г. предложила ряд форм, приближающих риксмол к лансмолу (форм с дифтонгами, форм женского рода, форм претерита и причастия II на -а и т. д.), а реформа 1938 г. легализовала эти формы для ряда слов и ввела много новых, более «норвегизированных» написаний отдельных слов. В результате этих реформ орфография риксмолы стала значительно более «норвегизированной», но отнюдь не более единообразной.

Неустойчивость норвежского литературного языка сказывается и в неразработанности его грамматики. Работ по грамматике лансмолы вообще нет, если не считать учебников и руководств по лансмолу (которые, как правило, содержат лишь элементарные сведения по морфологии и преследуют чисто практические цели). В несколько лучшем положении находится риксмол. В 1921 г. вышла грамматика Вестерна,¹ которая до сих пор остается, в сущности, единственной научной грамматикой риксмолы. В ней собран богатый материал, в значительной степени сохраняющий свою ценность, но не всегда удачно систематизированный (Вестерн пытался провести в своей книге идеи Йесперсена относительно соотношения формы и содержания в грамматике). В 1952 г. вышла грамматика Неса,² которая охватывает и риксмол и лансмол. Однако эта грамматика является только исторической грамматикой. Следует, впрочем, иметь в виду, что, в силу близкого родства между скандинавскими языками (особенно между риксмолем и датским литературным языком), работы по грамматике других скандинавских языков проливают свет и на грамматику норвежского литературного языка в обеих его формах.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ И ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЯ

§ 2. Язык состоит из звукового выражения значений и самих этих значений. То и другое вместе образует неразрывное единство. Различают значения грамматические и лексические. Грамматическими значениями занимается грамматика. Лексическими значениями занимается семасиология (иначе семантика).

¹ A. Western. Norsk riksmåls-grammatikk for studerende og lærere. Kristiania, 1921.

² Olav Næs. Norsk grammatikk, 1. Ordlære, Bokmål og nynorsk på bakgrunn av språkhistorie og dialekter. Bergen, 1952.

Определяя, что такое грамматическое значение и чем оно отличается от лексического, нередко исходят из того предположения, что основное различие между грамматическим и лексическим значениями лежит в их форме,¹ т. е. в способе их выражения, а именно в том, что лексическое значение выражается отдельным словом или словосочетанием, а грамматическое значение выражается любыми другими средствами. Этими другими средствами для норвежского языка являются форма самого слова, т. е. внешняя или внутренняя флексия, способность слова соединяться с теми или иными словами, порядок слов, иногда словесное ударение.

Беда, однако, заключается в том, что среди средств, выражающих грамматическое значение, надо упомянуть и слова, которые не имеют другого значения, кроме грамматического, хотя и обладают такой же отделимостью от других слов, какой обладают и слова с лексическим значением. Таким словом является, например, так называемый определенный артикль, который в норвежском языке может выступать то как отдельное слово, то как флексия, сохраняя при этом совершенно то же самое значение. Так, окончание -et в слове *akademiet* 'академия' придает этому слову совершенно то же значение «определенности», что и слово *det* в сочетании *det norske akademi* 'норвежская академия'. Таким образом, в этом случае отдельное слово (артикль *det*) оказывается формальным показателем грамматического значения, которое выражается также и флексией (окончанием -et).

Но раз один и тот же элемент языка — отдельное слово — может быть внешним выразителем как лексического, так и грамматического значений, очевидно, что нельзя определить различие между этими значениями через различие в их внешнем выражении. Таким образом, хотя бесспорно, что есть различие в способах выражения грамматического и лексического значений (для лексического значения это т о л ь к о отдельное слово или сочетание слов, для грамматического значения — это р а з н ы е средства, в частности и отдельное слово), для решения спорных вопросов, т. е. для решения того, является ли

¹ Необходимо, впрочем, иметь в виду, что «формой» называют в грамматике не только то, посредством чего выражается грамматическое значение (иначе его внешний выразитель или формальный показатель), но также и то единство, которое образует грамматическое значение вместе со своим формальным показателем (например, когда говорят «надеж есть грамматическая форма», и т. д.).

значение данного слова грамматическим или лексическим, это различие ничего не дает.

Отсюда следует также и то, что нельзя определить, что такое грамматический формальный показатель, не определив раньше, что такое грамматическое значение, если, конечно, не удовольствоваться определением вроде того, что «формальный показатель есть то, посредством чего выражается грамматическое значение, а это значение есть то, что выражается посредством формального показателя», т. е. определением, в котором, как в порочном круге, два неизвестных определяются взаимно друг через друга.

Определяя, что такое грамматическое значение и чем оно отличается от лексического значения, нередко исходят также из предположения, что основное различие между грамматическим и лексическим значениями лежит в самом их содержании, а именно в том, что лексическое значение является «вещественным» или «конкретным» по содержанию, а грамматическое значение «общим» или «обобщенным», иначе «отвлеченным» или «абстрактным» по содержанию.

Это противопоставление имеет, очевидно, только тот смысл, что грамматическое значение не может быть любым по своему содержанию. Оно не может иметь своим содержанием такие понятия, как «книга», «стол», «земля», «огонь» и т. п., т. е. оно не может быть «вещественным» или «конкретным» по своему содержанию. Неверно, однако, что лексическое значение является всегда «вещественным» или «конкретным» по своему содержанию, потому что, как нетрудно убедиться, лексическое значение, в противоположность грамматическому, может быть любым по своему содержанию. Оно может иметь своим содержанием далеко не только такие понятия, как «книга», «стол» и т. д. Оно может иметь своим содержанием какие угодно общие и какие угодно отвлеченные понятия, например такие, как «отношение», «категория», «форма», «величина», «причина», «логарифм» и т. д. Любое понятие, каким бы общим или отвлеченным оно не было, может быть содержанием лексического значения. Напротив, такие «вещественные» или «конкретные» понятия, как «книга», «стол» и т. д., образуют содержание только небольшой группы лексических значений.

Очевидно, поэтому, что когда называют грамматические значения «общими» или «обобщенными», «отвлеченными» или «абстрактными» (а их называли так очень часто в последние годы, принаровняясь к тому определению грамматики, которое дал Сталин), то вовсе не выражают сущность отличия грамма-

тических значений от лексических, но, напротив, затемняют ее.

В ряде случаев лексическое значение является даже более общим по своему содержанию, чем грамматическое значение. Так, лексическое значение слова «отношение» является более общим по своему содержанию, чем значение любого падежа, поскольку всякий падеж выражает лишь какое-то определенное отношение, а не отношение вообще.

Возможны и такие случаи, когда лексическое и грамматическое значения имеют то же самое содержание. Так, лексическое значение слова «неоднократно» имеет своим содержанием то же самое, что грамматическое значение многократного вида («говорил неоднократно» = «говаривал»).

Таким образом, во внешнем выражении и содержании лексического и грамматического значений обнаруживается обратное соотношение: лексическое значение ограничено в своем выражении, оно выражается только отдельным словом или словосочетанием, но оно не ограничено в своем содержании, в частности оно может быть и каким угодно общим или отвлеченным; напротив, грамматическое значение ограничено в своем содержании, оно может быть только отвлеченным, но оно не ограничено в своем выражении, оно может выражаться и отдельным словом. Но тем самым очевидно, что хотя есть различие как в выражении, так и в содержании грамматического и лексического значений, это различие ничего не дает для решения спорных случаев, т. е. для решения того, является ли значение данного отвлеченного слова (например слова, выражающего какое-либо отношение) лексическим или грамматическим, поскольку отвлеченным по своему содержанию могут быть как грамматическое, так и лексическое значения, и как грамматическое, так и лексическое значения могут выражаться отдельным словом.

Что же является наиболее существенным различием между грамматическим и лексическим значениями? Очевидно, то, что эти значения играют неодинаковую роль по отношению к нашей мысли в процессе речи. На лексических значениях сосредоточена наша мысль в процессе речи. Они образуют основной материал нашей мысли и только в этом смысле и являются «вещественными» или «конкретными», т. е. они «вещественны» или «конкретны» не в буквальном, а в очень специфическом, фигуральном смысле. На грамматических же значениях наша мысль никогда не бывает сосредоточена в процессе речи. Они не называют и не фиксируют содержание нашей мысли,

как это делают лексические значения, а лишь сопутствуют лексическим значениям и оформляют их. Они являются не содержанием нашей мысли, а лишь формой по отношению к ее содержанию. Они придают нашей мысли оформленность. Не без основания лексические значения называются также «основными», а грамматические «сопутствующими» или «формальными».

Естественно поэтому, что содержание отдельного грамматического значения гораздо менее отчетливо выделено в нашем сознании, чем содержание отдельного лексического значения, и не может быть определено так, как может быть определено содержание отдельного лексического значения. О содержании некоторых грамматических значений написаны тысячи страниц, и, несмотря на это, оно продолжает оставаться спорным.

Естественно также, что содержание грамматического значения никогда не может быть определено само по себе, независимо от лексического значения, которому оно сопутствует. Нельзя например, сказать, не искажая функции грамматического значения, что окончание -ег значит «множественность» или что окончание -s значит «отношение принадлежности», но приходится говорить: «окончание -ег служит для выражения того, что данное существительное...» и т. д. Напротив, лексическое значение обычно можно определить независимо от сопутствующего ему грамматического значения или сочетающихся с ним других лексических значений. Можно сказать: «дом» значит «жилое строение», «сплю» значит «нахожусь в состоянии сна», «вне» значит «за пределами чего-либо» и т. д.

Если такова природа грамматического значения, то очевидно, что служебное слово — это слово носитель грамматического значения (это явствует, впрочем, из самого его названия), как знаменательное слово — это слово носитель лексического значения. Значения служебных слов обладают той же природой, что и грамматические значения. Так же как грамматические значения, они «формальны» по своей функции. Так же как грамматические значения они не могут быть определены независимо от тех знаменательных слов, которым они сопутствуют (это, однако, отнюдь не значит, конечно, что они, как иногда ошибочно полагают, вообще не имеют значения, что они «пустые» слова). Характерны такие типичные определения служебных слов, как, например: «при форме прошедшего времени образует сослагательное наклонение» или «обозначает противопоставление предложений по несходству» или «употребляется в начале придаточного предложения,

которое...» и т. д. Во всех таких определениях (их можно найти в любом словаре) имеются ссылки на знаменательное слово или знаменательные слова, которым сопутствует данное служебное слово.

«Грамматичность», или «формальность», значения служебного слова сказывается также в том, что служебное слово не может быть самостоятельным элементом высказывания и поэтому не может быть членом предложения. Так, не бывают членами предложения артикли, союзы, предлоги и другие служебные слова. С точки зрения обычной функции служебного слова совершенно парадоксальным является тот случай, когда оно выступает в качестве своего рода члена предложения (например, норвежское *det* в функции так называемого «формального» подлежащего в *det regner* 'идет дождь' и т. п.

Что же касается того, что служебное слово по содержанию своего значения может совпадать со знаменательным словом (например содержание значения предлога может совпадать с содержанием значения наречия и т. д.), то это лишь подтверждает положение, что не содержание является существенным признаком грамматического значения.

Естественно, однако, что хотя всякое грамматическое значение по своей природе существенно отличается от лексического значения, среди грамматических значений тоже есть различия в степени их «грамматичности», или «формальности». Грамматические значения можно было бы расположить в ряд по степени их «грамматичности», причем наиболее «грамматичными» оказались бы, вероятно, такие значения, как «предметность» или «существительность» (см. § 5) и т. п., значения предлогов оказались бы менее «грамматичными», чем значения артиклей, пространственные значения предлогов — менее «грамматичными», чем их другие значения, и т. д.

Между грамматическими значениями есть также существенные различия в степени зависимости их содержания от содержания лексического значения, которому они сопутствуют, и эти различия отнюдь не обязательно совпадают с различиями по степени их «грамматичности». Такие грамматические значения как «существительность», повидимому, совсем не зависят по своему содержанию от содержания лексического значения, которому они сопутствуют. Такие грамматические значения, как значение множественного числа существительного (см. § 12), зависят по своему содержанию от содержания лексического значения, которому они сопутствуют, однако эта зависимость довольно ограничена. Наконец, такие грамматические зна-

чения как значения падежа (см. § 16, стр. 47) в очень сильной степени зависят по своему содержанию от содержания лексического значения, которому они сопутствуют.

МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС

§ 3. Проблема последовательного разграничения этих двух основных разделов грамматики имеет длинную историю. В грамматической литературе было сделано много попыток выдвинуть такой принцип членения грамматики, который позволил бы последовательно разграничить ее основные разделы. В сущности, однако, можно сказать, что все выдвигавшиеся до сих пор принципы членения грамматики как науки представляют собой лишь разновидности двух взаимно исключающих принципов. Согласно первому из них, объектом морфологии (или учения о форме) является формальная сторона грамматического строя, т. е. грамматические показатели, а объектом синтаксиса (или учения о значении) является содержательная сторона этого строя, т. е. грамматические значения. Согласно второму из них, объектом морфологии (или учения о слове) является отдельное слово с точки зрения его грамматической природы, а объектом синтаксиса (или учения о предложении и словосочетании) является предложение и словосочетание.

В скандинавской литературе по теории грамматики представлены оба эти принципа. Последовательным сторонником первого из этих принципов был наиболее известный из шведских лингвистов — А. Норен, который в своей капитальной грамматике современного шведского языка отделяет морфологию (учение о форме) от семологии (учения о значении).¹ Сходное членение грамматики предлагал известный датский лингвист О. Йеспersen, в понимании которого морфология и синтаксис имеют один объект исследования, но морфология идет «от формы к содержанию», тогда как синтаксис идет «от содержания к форме».² Последовательным сторонником второго из описанных выше принципов членения грамматики был, например, другой известный датский лингвист-теоретик — В. Брёндаль.³ Что касается подавляющего большинства скандинавских практических грамматик, то в них обычно имеет

¹ A. Noreen. Vårt språk, bd. I. Lund, 1903, стр. 50 сл.

² O. Jespersen. The philosophy of grammar. London, 1924, стр. 39 сл.

³ V. Brøndal. Morfologi og syntax. København, 1932.

место смешение обоих принципов, т. е. последовательного разграничения морфологии и синтаксиса в них вообще нет.

Очевидным препятствием к последовательному проведению первого из рассматриваемых принципов членения грамматики является то, что в грамматике, как уже было сказано выше, формальная сторона, т. е. грамматические показатели, и содержание, т. е. грамматические значения, образуют неразрывное единство и не могут быть оторваны друг от друга. Допустить возможность полного отрыва формальной стороны грамматического явления от его содержания значит приравнять взаимоотношения этих двух сторон грамматического явления к отношениям графина и находящейся в нем воды, т. е. значит совершенно исказить природу грамматического явления, не понять его сущности.

В самом деле, всякий кто исследует, например, падеж, как бы он ни хотел полностью отвлечься от значения исследуемой им формы, не может не назвать ее «падежом». Но назвав ее «падежом», он уже в какой-то мере определил ее значение, так как известно, что падеж это форма, которая в ы р а ж а е т о т н о ш е н и я м е ж д у с л о в а м и, а не какие-либо другие отношения. Назвав же исследуемые формы «именительным», «родительным» или каким-либо другим падежом, что тоже неизбежно, он тем самым определил, что эти формы различны именно по значению и назвал их значения. Точно так же, как бы исследователь падежа не стремился полностью отвлечься от формальной стороны исследуемой им формы, назвав ее «падежом» он уже определил характер показателя, выражающего данное значение, так как известно, что падеж это ф о р м а с л о в а. Таким образом, в морфологии нельзя не коснуться грамматических значений, так же как в синтаксисе нельзя не коснуться грамматических показателей. Другими словами, полное отделение формальной стороны грамматического явления от его содержания практически вообще невозможно.

Поэтому, когда предлагают отнести формальную сторону грамматических явлений к морфологии, а их содержание — к синтаксису, то фактически имеют в виду лишь некоторое компромиссное применение этого принципа, которое сводится к тому, что в морфологии исчерпывающе описывается формальный показатель данного грамматического значения и только в общих чертах намечается само это значение, тогда как в синтаксисе, наоборот, исчерпывающе описывается данное грамматическое значение и только в общих чертах намечается его формальный показатель.

Такое компромиссное разделение, повидимому, действительно в многих случаях возможно. В ряде практических грамматик оно проводится, например, в применении к падежу: в морфологии подробно рассматриваются окончания, характерные для данного падежа, и только называется его значение: «именительный», «родительный», и т. д., тогда как в синтаксисе подробно рассматривается значение данного падежа и, поскольку это значение относится к тому или иному падежу, т. е. форме слова, определяется общий характер формального показателя данного значения.

Но дело в том, что разные грамматические формы имеют разные внутренние структуры, т. е. разные соотношения формального показателя и значения с точки зрения одинаковости или неодинаковости того и другого для данной формы. Так, структура падежа в русском языке может быть схематически изображена следующим образом:

$$\begin{array}{c} \overbrace{a', a'', a'''} \dots \\ \updownarrow \\ \overbrace{b', b'', b'''} \dots \end{array} \quad (1)$$

В этой схеме $a', a'', a''' \dots$ обозначают разные формальные показатели данного падежа (например окончания $-a, -ы, и$, и т. д. для родительного падежа в русском языке), а $b', b'', b''' \dots$ обозначают разные значения падежа (например родительный принадлежности, родительный отделительный, родительный времени и т. д.). Понятно, что благодаря тому, что падеж имеет такую структуру, вполне возможно, определив принадлежность данного ряда окончаний к одному комплексу грамматических значений, подробно рассмотреть эти окончания, а затем в другом разделе грамматики подробно рассмотреть данный комплекс значений.

Однако вполне возможны грамматические формы и других структур. Так, структура формы множественного числа существительного в норвежском языке будет

$$\begin{array}{c} \overbrace{a', a'', a'''} \dots \\ \updownarrow \\ b \end{array} \quad (2)$$

Здесь $a', a'', a''' \dots$ обозначают разные формальные показатели множественного числа ($-er, -г, -е$ и т. д.), а b обозначает

значение множественного числа, которое остается для данной формы неизменным.

Наоборот, структура предлога как в русском, так и в норвежском языке будет

$$\begin{array}{c} a \\ \updownarrow \\ \overbrace{b', b'', b'''} \dots \end{array} \quad (3)$$

Один и тот же формальный показатель (любой предлог) связан здесь с целым комплексом значений.

Наконец, теоретически возможна и структура типа

$$\begin{array}{ccc} a' & a'' & a''' \dots \\ \updownarrow & \updownarrow & \updownarrow \\ b' & b'' & b''' \dots \end{array} \quad (4)$$

При такой внутренней структуре всякое изменение формального показателя будет сопровождаться изменением значения.

Для грамматических форм со структурой (2), (3) и (4) и компромиссное применение рассматриваемого принципа членения грамматики невозможно. О грамматической форме со структурой (2) в синтаксисе было бы нечего сказать, так как, назвав ее, мы уже сказали все, что можно сказать об ее значении. Наоборот, о грамматических формах со структурой (3) нечего было бы сказать в морфологии, так как, назвав их, мы уже сказали все, что можно о них сказать, как о формальных показателях. Что же касается грамматических форм со структурой (4), то, повидимому, о них пришлось бы говорить то же самое в морфологии и синтаксисе.

Таким образом, и компромиссное применение рассматриваемого принципа практически неосуществимо.

Интересно отметить, что хотя Н. Я. Марр так и не внес ясности в свое понимание морфологии и синтаксиса, очевидно, что в характерном для него самого и его учеников пренебрежении к морфологии, как к сугубо «формалистической» части грамматики, и возвеличении синтаксиса, как сугубо «идеологической», «надстроечной» части грамматики, явно сквозит рассматриваемый принцип членения грамматики, но только плохо понятый или понятый с позиций вульгарного материализма.

Остается рассмотреть, возможно ли последовательное применение второго принципа членения грамматики, т. е. возможно

ли последовательное отграничение морфологии как раздела грамматики, в котором рассматривается отдельное слово с точки зрения его грамматической природы, от синтаксиса как раздела грамматики, в котором рассматривается предложение и словосочетание.

Нетрудно показать, что препятствия к последовательному применению этого принципа есть. Таким препятствием является, прежде всего, невозможность оторвать слово от его контекста.

Грамматическая природа всякого слова проявляется полностью только в контексте, т. е. в предложении или словосочетании. Сама классификация слов по их грамматическим свойствам, т. е. классификация слов по так называемым частям речи, не может не учитывать синтаксических свойств отдельного слова, т. е. его способности соединяться с другими словами или выступать в той или иной роли в предложении или словосочетании, потому что эти синтаксические свойства — существенный элемент грамматической природы всякого отдельного слова. Так что, хотя распределение слов по частям речи — несомненно грамматика отдельного слова, т. е. морфология, это распределение не может не быть в известной мере «синтаксичным».

Мало того. Существуют грамматические формы, которые по своему формальному показателю связаны с отдельным словом, поскольку этот формальный показатель — составная часть слова (например его окончание), и в то же время выражают отношение данного слова к другим словам, т. е. реализуют свое значение только в предложении или словосочетании. Классическим примером такой грамматической формы является падеж. Формальный показатель падежа — это обычно то или иное окончание (в частном случае и нулевое окончание), т. е. составная часть слова, значение же падежа — это обычно определенное отношение между словами, т. е. нечто, выходящее за пределы отдельного слова. Поэтому падеж, как правило, «морфологичен» только по своему показателю, но «синтаксичен» по своему значению.

Таким образом очевидно, что необходимо либо разорвать такие грамматические формы, как падеж, между морфологией и синтаксисом и рассматривать их показатели в морфологии, а их значение в синтаксисе, либо примириться с компромиссным применением рассматриваемого принципа членения грамматики и отнести значение таких форм, как падеж, к морфологии, несмотря на то, что это значение в сущности «синтаксично».

Но этим не ограничиваются препятствия к последовательному применению рассматриваемого принципа членения грамматики. Последовательно отграничить морфологию как грамматику отдельного слова трудно еще и потому, что проблема отдельного слова является одной из наиболее сложных проблем языкознания и что само понятие отдельного слова до сих пор не получило такого определения, которое бы стало общепризнанным.

В свете того, что было сказано в предыдущем параграфе о грамматическом и лексическом значениях, очевидно, что для всякого знаменательного слова характерно наличие лексического значения, которому сопутствует одно или несколько грамматических значений. Знаменательное слово представляет собой, таким образом, ту минимальную единицу, в которой имеет место сочетание лексического и грамматического значений и которая в силу этого и образует минимальный самостоятельный элемент речи. Так, например, русское выражение «железная дорога», хотя и означает одно понятие, представляет собой в грамматическом отношении два слова, а не одно, потому что в этом выражении есть два сочетания лексического и грамматического значений («железная» и «дорога»), или, иначе, в этом выражении есть грамматические значения, которые не относятся ко всему выражению как целому (например значение прилагательного в «железная» и значение существительного в «дорога»). Норвежское же *jernbane*, хотя оно и означает то же понятие, представляет собой одно слово, потому что в нем нет грамматических значений, которые бы не относились к нему всему как к целому (значение существительного имеет, очевидно, *jernbane* в целом, а не отдельные его элементы).

Совершенно иначе обстоит дело со служебным словом. Для всякого служебного слова характерно наличие одного или нескольких грамматических значений при отсутствии лексического значения. Поэтому служебное слово, в собственном смысле, не может быть самостоятельным элементом речи. По своему значению оно может быть лишь связующим звеном между самостоятельными элементами речи или, если оно относится только к одному самостоятельному элементу речи, его составной частью. В последнем случае служебное слово по своему значению может быть совершенно тождественно составной части знаменательного слова. Сравни уже приводившийся выше пример из норвежского языка: *det norske akademi* — «норвежская академия» и *akademiet* — «академия», где отдельное слово

det (свободный определенный артикль) имеет совершенно то же значение, что и окончание -et (суффиксированный определенный артикль).

Существование служебных слов, т. е. слов не самостоятельных по значению, и является тем, что делает такой сложной проблему отдельного слова. В самом деле, знаменательное и служебное слова настолько различаются между собой со стороны своего значения, что, хотя служебное слово и осознается нами как отдельное слово, а не часть слова, т. е. как элемент речи, который так же отделим от других элементов речи, с которыми он связан в данном контексте, как и знаменательное слово, — невозможно установить такие свойства значения отдельного слова, которые были бы общими для знаменательного и служебного слова.

Слово может быть как названием понятия (например «трамвай», «квадрат»), так и выразителем отношения между словами (например «и», «с»), но названием понятия может быть и сочетание слов (например «речной трамвай», «равносторонний прямоугольник»), а выразителем отношения между словами может быть и часть слова (например любое падежное окончание). Обычно слово настолько самостоятельно по своему значению, что оно может выступать и как целое предложение (например «пожар!»), но есть слова настолько несамостоятельные по своему значению, что они не могут выступать даже как члены предложения (все служебные слова). Между тем очевидно, что удовлетворить нас могло бы только такое определение слова, которое охарактеризовало бы его и со стороны значения, так как всякое слово — это несомненно единство звука и значения.

Существование служебных слов является вместе с тем препятствием и к последовательному отграничению морфологии, как грамматики отдельного слова, от синтаксиса, как грамматики словосочетания и предложения.

Сочетание лексического значения с одним или несколькими грамматическими значениями, которое характерно для всякого знаменательного слова, совершенно аналогично тому сочетанию грамматического и лексического значений, которое может иметь место в сочетании слов, а именно в сочетании служебного слова со знаменательным, в том случае, если данное грамматическое значение относится только к данному лексическому значению (т. е., например, в таком сочетании слов, как сочетание артикля с существительным, к которому этот артикль относится, или вспомогательного глагола с именной формой знаменательного глагола, вместе с которой этот вспомогатель-

ный глагол образует так называемую сложную глагольную форму).

Другими словами, сочетание служебного слова со знаменательным, хотя и «синтаксично» по форме, поскольку оно является сочетанием отдельных слов, а не частей слов (только по недоразумению в школьных грамматиках некоторые из таких сочетаний — например сложные глагольные формы — называются «формами слова») может быть «морфологично» по значению. Такие «морфологические» словосочетания естественно отнести к морфологии. Таким образом, в применении рассматриваемого принципа членения грамматики неизбежен двойкий компромисс. С одной стороны, к морфологии приходится отнести формы слова, которые «морфологичны» только по своему формальному показателю (например падеж), а с другой стороны, к морфологии приходится отнести сочетания слов, которые «морфологичны» только по своему значению (например сложные глагольные формы). Таким образом, в одних случаях критерием «морфологичности» грамматической формы является ее формальный показатель, тогда как в других случаях таким критерием оказывается ее значение.

Значит ли это, что рассматриваемый принцип членения грамматики вообще несостоятелен? Неизбежность двойного компромисса в применении рассматриваемого принципа членения грамматики обусловлена не столько несостоятельностью самого этого принципа, сколько характером материала, который изучает грамматика, а именно тем, что, хотя составные части грамматического строя неразрывно между собой связаны и что грамматический строй в целом образует сложное и противоречивое единство, «система» есть, повидимому, только в его форме, но едва ли в его содержании.

ЧАСТИ РЕЧИ

§ 4. Высказывания по вопросу о том, что является основанием традиционного распределения слов по частям речи, многочисленны, разнообразны, и очень часто неясны и противоречивы. Но уже из того факта, что можно спорить о том, что является основанием, по которому выделяются части речи, совершенно очевидно, что распределение слов по частям речи не является результатом логической операции, называемой классификацией, поскольку последняя, как известно, подчиняется всем правилам деления объема понятия и, в частности, тому основному правилу, что деление должно производиться по одному и тому же существенному и, конечно, совершенно определенному основанию. Там, где само основание деления является неочевидным, нуждающимся в определении, там, конечно, не может быть речи о классификации в научном смысле слова. Еще Л. В. Щерба в своей статье «О частях речи в русском языке» сказал: «Хотя, подводя отдельные слова под ту или иную категорию (часть речи), мы и получаем своего рода классификацию слов, однако само различение „частей речи“ едва ли можно считать результатом „научной“ классификации слов».¹

Распределение слов по частям речи явно не удовлетворяет и другому основному правилу деления объема понятия, а именно — тому правилу, что члены деления должны взаимно исключать друг друга. Так, местоимение оказывается в то же время существительным или прилагательным (в обычной терминологии «местоименные существительные» и «местоименные прилагательные»). И это было уже отмечено Л. В. Щербой. «Если

¹ Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке. Сб. «Русская речь», вып. II, 1928, стр. 5.

в вопросе о частях речи, — говорит он в той же статье, — мы имеем дело не с классификацией слов, то может случиться, что одно и то же слово окажется одновременно подводимым под разные категории».¹

Было сделано немало попыток истолковать традиционное распределение по частям речи как некую стройную и последовательную «систему», т. е. классификацию. Из этих попыток наибольшее влияние на зарубежную скандинавистику оказала попытка датского лингвиста Брёндаля, который утверждал, что распределение слов по частям речи основано исключительно на подводимости слов под одну из четырех логических категорий — сущность, отношение, качество и количество (в его обозначении R, r, d, D) — или сочетание этих логических категорий.² Так, по Брёндалю, значение предлога — это отношение (r), имени собственного — сущность (R), наречия — качество (d), числительного — количество (D), глагола — сочетание отношения и качества (rd), местоимения — сочетание сущности и количества (RD), союза — сочетание отношения и количества (rD), отглагольного имени — сочетание отношения, качества и сущности (rdR), производного глагола — сочетание количества, отношения и качества (Drd), и т. д. Таким образом, части речи превратились у Брёндаля в хитроумную систему всевозможных комбинаций четырех логических категорий, т. е. в нечто внеязыковое. Априорность этой системы совершенно очевидна. Однако, в сущности, априорно и всякое истолкование частей речи как стройной «системы» — все равно, семантической, морфологической, синтаксической или даже семантико-морфолого-синтаксической.

Распределение слов по частям речи это только констатация того, что среди слов есть группировки, объединенные теми или другими общими и более или менее существенными, но не всегда ясными признаками. Эти группировки выделяются по разным основаниям: по свойственному слову грамматическому значению, выразителем которого являются морфологические и синтаксические свойства этого слова (существительные, глагол, прилагательные и наречие); по лексическому значению слова (числительные в широком смысле); по лексическому значению в сочетании с морфологическими и синтаксическими особенностями (числительные в узком смысле); по содержанию и функции лексического значения (местоимение); по синтакси-

¹ Л. В. Щерба, ук. соч., стр. 8.

² V. Brøndal, ук. соч.

ческой функции слова, которая в этом случае совпадает со значением слова (предлог и союз); по отсутствию в слове лексического и грамматического значений в обычном смысле (междометие). Таким образом, обычно основанием является один ведущий признак. Однако и из этого правила есть исключение (числительное в узком смысле). Единственное, что объединяет все эти основания, — это то, что все они из области значения. Но, разумеется, любая группировка слов, если она не является чисто фонетической, не может не объединяться чем-то общим из области значения, поскольку только наличие значения и делает слово словом.

Характерно, что нередко не все перечисленные выше группировки считаются заслуживающими наименования «части речи». Некоторые лингвисты различают «части речи» и «частицы речи» и т. д. Такие терминологические ограничения являются проявлением вполне естественного стремления подчеркнуть различие в основаниях, по которым выделяются соответствующие группировки слов. Но такие терминологические ограничения могут раскрыть это различие только очень односторонне и неполно. Для того чтобы полно отразить различие в основаниях, по которым выделяются различные части речи, пришлось бы, пожалуй, говорить не только о «частях речи» и «частицах», но еще и о «частищах», «частичках», «частёнках» и т. п.

Таким образом, частью речи может быть как грамматическая, так и лексико-грамматическая или даже лексическая группировка слов, обладающая каким-либо существенным общим признаком или признаками, не входящая как составная часть в другую часть речи и не включающая в себя целиком другие части речи.

Не надо думать, однако, что раз части речи не образуют стройной и последовательной системы, то значит они вообще должны быть осуждены и отброшены. То, что части речи не образуют стройной и последовательной системы, означает только, что грамматическая природа слов настолько сложна, что слова не поддаются последовательной грамматической классификации.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 5. Группировку слов, называемых существительными, объединяет наличие в словах, относящихся к этой группировке, особого грамматического значения — значения «предметности», иначе «существительности», которое сопутствует лекси-

ческому значению слова. Вне сочетания с этим грамматическим значением лексическое значение существительного бесформенно. Функция этого грамматического значения, очевидно, в том и заключается, чтобы придать определенную форму тому, что является материалом нашей мысли. Другими словами, значение это как бы формально по самому своему содержанию. Именно поэтому такое грамматическое значение невозможно отделить от лексического значения, которому оно сопутствует, и содержание этого грамматического значения чрезвычайно трудно определить. В сущности, это грамматическое значение и не может быть определено иначе, как путем описания его функции.

Так, можно сказать, что любое существительное, даже если оно обозначает не отдельную вещь или предмет внешнего мира (т. е. нечто, обладающее известной самостоятельностью или отдельностью и в объективной действительности), а качество, действие, отношение или любое отвлеченное понятие (т. е. нечто, в объективной действительности такой самостоятельностью не обладающее), — все же представляет это качество, действие, отношение и т. д. таким же самостоятельным или отдельным предметом мысли, каким оно всегда представляет отдельную вещь или предмет внешнего мира. Поэтому, определяя существительное как слово, обозначающее предмет, мы, в сущности, лишь приводим пример типичного слова с данным грамматическим значением, но не раскрываем самого этого грамматического значения. Иначе говоря, желая дать представление о том, как оформлен материал нашей мысли в существительном, мы лишь даем представление о том, как о нем материал нашей мысли бывает всегда оформлен в существительное.

Определение существительного как слова, обозначающего предмет, есть признание того, что непосредственное определение грамматического значения существительного невозможно в силу формальности этого значения и что приходится ограничиться некоторым суррогатом такого определения. Однако это элементарное определение существительного отнюдь не хуже, чем встречающиеся в научных грамматиках определения существительного как слова, выражающего «предметность» (а что такое «предметность»? — То, что выражает существительное, т. е., очевидно, «существительность?»), как слова, выражающего «предмет в грамматическом смысле слова» (а что такое «предмет в грамматическом смысле слова»? — Очевидно опять-таки грамматическое значение существительного, т. е. «существительность?») и тому подобные определения, которые, как

в порочном круге, определяют неизвестное через само это неизвестное (примерно: «существительное есть слово, имеющее значение существительности»).

Вместе с тем, из того, что содержанием лексического значения существительного только в сравнительно небольшом количестве случаев бывает предмет (например в таких существительных, как «стол», «стул», «карандаш» и т. п.), а очень часто бывает качество, действие, отношение и т. д. (например в существительных «красота», «высота», «хождение», «езда», «связь», «равенство» и т. п.), — очевидно, что существительное всегда «предметно» только в своем грамматическом значении, тогда как в своем лексическом значении оно может быть как «предметно» («стол», «стул» и т. д.), так и «непредметно» («красота», «равенство» и т. д.), т. е., что «предметность» существительного есть его грамматическое, а не лексическое значение.

Нередко говорят, что основанием, по которому слова выделяются в грамматическую группировку существительных, является не только значение «предметности» (при этом часто забывают оговорить, что речь идет о грамматическом, а не о лексическом значении), но также и определенные морфологические и синтаксические свойства слова (т. е., например, в норвежском языке — характерные для существительного словообразовательные элементы, а также связь с родом, числом, падежом и артиклем, определенного рода сочетаемость с другими словами, способность выступать в качестве подлежащего и дополнения, и т. д.). Однако нетрудно убедиться в том, что грамматическое значение существительного и его морфологические и синтаксические свойства отнюдь не в равной мере являются его признаками. Это очевидно хотя бы из того, что нет языка, в котором не было бы существительных, и что грамматическое значение существительных, т. е. значение «предметности», во всех языках одинаково, т. е. обязательно, тогда как морфологические и синтаксические свойства существительных очень различны в разных языках, т. е. ни один из них в отдельности не обязателен.

Грамматическое значение «предметности», как и всякое грамматическое значение, имеет определенные внешние выражители или формальные показатели. Если бы оно не имело таких внешних выразителей, оно бы не было значением, т. е. языковым явлением. Такими внешними выразителями грамматического значения «предметности» и являются морфологические и синтаксические свойства существительного. Таким образом, морфологические и синтаксические свойства существительного

являются его признаками только постольку, поскольку они — внешние выразители присущего существительному грамматического значения «предметности». Другими словами, только наличие в слове грамматического значения «предметности» делает это слово существительным, но о наличии в слове этого значения мы не можем узнать иначе, чем через посредство определенных внешних выразителей этого значения, т. е. через посредство присущих существительному формальных (морфологических и синтаксических) свойств. Так, норвежское слово *frihet* 'свобода' является существительным потому, что в отличие от слова *fri* 'свободный' оно обладает грамматическим значением 'предметности', но о том, что оно обладает этим значением, мы знаем благодаря его суффиксу, его связи с родом, числом, падежом и артиклем, его роли подлежащего или дополнения и т. д.

Отсюда очевидно, что неправ Брёндаль, который утверждает, что принадлежность слова к существительным (или к другой части речи) совершенно не связана с его морфологическими или синтаксическими свойствами и основана только на значении слова. Отрывая грамматическое значение существительного от его морфологических и синтаксических свойств, он игнорирует природу грамматического значения. Значение «предметности» и морфологические и синтаксические свойства существительного — это разные стороны одного целого. У Брёндаля значение существительного — это логическое понятие, т. е. нечто, лишенное языковой специфики.

С другой стороны, поскольку как морфологические, так и синтаксические свойства существительного являются в равной мере лишь внешними выразителями значения «предметности», очевидно, что вовсе не обязательно в каждом отдельном случае наличие как морфологических, так и синтаксических показателей. Очень часто один морфологический показатель (например суффикс, характерный для существительного в словах *frihet* 'свобода', *nyhet* 'новость', *godhet* 'добродетель' и т. д.) заставляет осознать слово как существительное. Однако не менее часто (особенно в языках аналитического строя) одна синтаксическая функция слова заставляет осознать его в данном контексте как существительное (например норвежское *lys* в *se i et annet lys* 'видеть в другом свете', но сравни *en lys natt* 'светлая ночь'). Таким образом, грамматическое значение «предметности», с одной стороны, и морфологические и синтаксические особенности существительного, с другой, — это признаки отнюдь не равноправные.

Большинство существительных в норвежском языке не имеет никаких словообразовательных элементов. Так, их не имеют, например, такие существительные, как *tre* 'дерево', *hus* 'дом', *kiste* 'ящик', *minne* 'память' и т. п. Поэтому, хотя многие существительные в норвежском языке имеют специфичные для данной части речи словообразовательные элементы — суффиксы (например *-het*, *-skap*, *-dom*, *-ing*, *-eri*, *-else*, *-sel*, *-nad* и т. п.), основным морфологическим признаком существительного в норвежском языке являются не такие словообразовательные элементы, а связь с родом, числом, падежом и артиклем.

Род

§ 6. В норвежском языке действуют две альтернативные родовые системы: двухродовая и трехродовая. Согласно первой, каждое существительное принадлежит к одному из двух грамматических родов: общему или среднему. Согласно второй, каждое существительное принадлежит к одному из трех грамматических родов: мужскому, женскому или среднему. Двухродовая система имеет место в риксмале в его консервативной форме и в датском литературном языке (но не во всех датских местных диалектах). Трехродовая система имеет место в риксмале в его более «норвегизированной» форме и в лансмале. Трехродовая система характерна и для норвежских местных диалектов, откуда она и проникает в литературный язык.

При переходе от двухродовой системы к трехродовой часть тех существительных, которые при двухродовой системе относились к общему роду, отходит к женскому роду, а другая их часть — к мужскому роду. Однако, поскольку мужской род трехродовой системы по своим формальным показателям всегда совпадает с общим родом двухродовой системы, переход от двухродовой системы к трехродовой на практике выражается в том, что некоторые из тех существительных, которые при двухродовой системе относились к общему роду, принимают теперь формальные показатели женского рода. Так, *boken* или *en bok* 'книга' (общий род) превращается в *boka* или *ei bok* (женский род).

Характерно, однако, что из слов, которые при переходе к трехродовой системе могли бы, согласно делению, которое господствует в норвежских местных диалектах, отойти к женскому роду, обычно далеко не все реализуют эту возможность. В первую очередь реализуют эту возможность слова, вошедшие

в литературный язык в результате его «норвегизации», т. е. слова, вообще чуждые датскому литературному языку (как, например: *jente* 'девушка', *såte* 'стог', *li* 'склон горы', *bikje* 'сука'), слова, которые в датском языке имеют другую форму (как, например: *geit* 'коза', *bjørk* 'береза', *furu* 'сосна', сравни датск. *ged*, *birk*, *fyr*) или слова, которые в норвежском языке имеют и другой вариант, по написанию совпадающий с датским словом (как, например: *korg* 'корзина', *mjolk* 'молоко', *dokke* 'кукла', *kjelde* 'источник', *vogge* 'колыбель', сравни норв. и датск. *kurv*, *melk*, *dukke*, *kilde*, *vugge*). С другой стороны, характерно, что слова, которые в первую очередь реализуют возможность перехода в женский род, это обычно слова крестьянского обихода или слова, обозначающие нечто специфическое для норвежской природы или норвежского быта (как, например: *ku* 'корова', *geit* 'коза', *hytte* 'избушка', *furu* 'сосна', *hei* 'безлесное плоскогорье', *li* 'склон горы' и т. п.). Вообще формы женского рода имеют, как правило, определенную стилистическую окраску. Всего обычнее они в просторечии. Напротив, в поэзии они редки и в высоком стиле едва ли возможны.

§ 7. Принадлежность существительного к тому или другому грамматическому роду выражается в норвежском языке либо в согласуемых с этим существительным артиклях, а также местоимениях и прилагательных, либо в формах самого этого существительного (суффиксированный артикль). Сравни, например: *en hest* или *hesten* 'лошадь' (общий род) и *et hus* или *huset* 'дом' (средний род); *en gammel hest* или *den gamle hesten* 'старая лошадь' (общий род) и *et gammelt hus* или *det gamle huset* 'старый дом' (средний род); *hvor er Olavs hest?* — *Den er der* 'где лошадь Улава? — Она там' (общий род) и *Hvor er Olavs hus?* — *Det er der* 'где дом Улава? — Он там' (средний род); *ei bok* или *boka* 'книга' (женский род).

Таким образом, описание форм артиклей (§ 17), местоимений (§ 31) и прилагательных (§ 20) является вместе с тем описанием формальных показателей грамматического рода существительного.

Следует отличать то, чем выражается принадлежность существительного к определенному роду, т. е. формальные показатели рода, от того, чем определяется принадлежность существительного к определенному роду, т. е. от принципа распределения существительных по грамматическим родам.

Распределение существительных по грамматическим родам не основана в норвежском языке (как и в других индоевропей-

ских языках) на каком-либо последовательно проведенном принципе, т. е. совершенно условна. Принадлежность существительного к тому или иному грамматическому роду только в некоторых случаях определяется значением существительного. Эти случаи рассматриваются ниже (§ 9). В остальных случаях невозможно указать, чем мотивирована принадлежность существительного к тому или иному роду. Невозможно указать, например, почему существительные *vindu* 'окно', *hus* 'дом', *år* 'год', *hjerter* 'сердце', *tilfelle* 'случай' принадлежат к среднему роду, а существительные *bru* 'мост', *bok* 'книга', *mug* 'болото', *gate* 'улица', *klokke* 'часы' принадлежат к общему или (при трехродовой системе) к женскому роду. Правда, в некоторых случаях (они рассматриваются ниже, § 8) принадлежность существительного к определенному роду определяется его суффиксом. Но такая мотивировка принадлежности существительного к определенному роду отнюдь не делает родовую классификацию менее условной, так как связь того или иного суффикса с определенным родом в свою очередь ничем не мотивирована.

Повидимому, однако, условность родовой классификации не мешает роду выполнять свою основную грамматическую функцию, так как функция эта заключается не в том, чтобы выражать какие-либо смысловые различия между существительными, а в том, чтобы обеспечить возможность выражения синтаксической связи между существительным и согласованными с ним словами посредством родовых формальных показателей, т. е. связи между существительным и относящимися к нему артиклями, местоимениями и прилагательными.

В грамматиках, в разделах, посвященных роду, нередко приводятся различные сведения, касающиеся рода отдельных слов — перечни слов с колеблющимся родом, перечни случайных групп слов одного рода, и т. д. Если пойти по этому пути до конца, то следовало бы дать в грамматике сведения о роде вообще каждого слова. Очевидно, однако, что все это, так сказать, «грамматика отдельного слова» и что такой «грамматике отдельного слова» место в словаре, а не в грамматике в собственном смысле.

§ 8. Принадлежность существительного к тому или иному роду определяется нередко суффиксом этого существительного. Следует, однако, иметь в виду, что приводимые ниже правила не охватывают всех суффиксов: некоторые суффиксы характерны для слишком небольшого количества слов, в отношении других суффиксов пришлось бы приводить слишком много исключений.

К общему роду относятся существительные с суффиксами: *-ans*, *-anse*, *-ant*, *-d*, *-de*, *-dom*, *-else*, *-en*, *-ens*, *-ent*, *-er*, *-esse*, *-het*, *-ikk*, *-ing*, *-inne*, *-is*, *-isme*, *-ist*, *-ling*, *-nad*, *-ner*, *-ning*, *-sel*, *-sjon*, *-ske*, *-st*, *-tet*, *-tor*, *-ur*, *-ør*. Исключениями являются слова *et spøkelse* 'привидение', *et værelse* 'комната', *et bissel* 'узечка', *et varsel* 'предостережение', *et universitet* 'университет', а также другие слова на *-tet*, обозначающие какое-либо учреждение.

К среднему роду относятся существительные с суффиксами: *-dømme*, *-ende*, *-eri*, *-ment*, *-mål*, *-skap*, *-um*, а также отглагольные имена действия с нулевым суффиксом (как, например: *rykk* 'толчок', *sving* 'взмах', *bukk* 'поклон', сравни *rykke* 'дергать', *svinge* 'махать', *bukke* 'кланяться'). Исключениями являются *en henseende* 'отношение', *en tidende* 'известие', *en kompliment* 'комплимент', а также существительные на *-skap*, обозначающие качество или отвлеченное понятие, как *en egenskap* 'свойство', *en morskap* 'забава', *en vitenskap* 'наука', *en drukkenskap* 'пьянство'. Слова *en dans* 'танец', *en feil* 'ошибка', *en lek* 'игра', *en spott* 'насмешка', *en tvil* 'сомнение', *en takk* 'благодарность', *en vev* 'ткань' и некоторые другие того же типа в сущности не являются исключениями, так как они не образованы от соответствующих глаголов (*å danse* 'танцевать', *å feile* 'ошибаться', *å leke* 'играть', *å spotte* 'высмеивать', *å tvile* 'сомневаться', *å takke* 'благодарить', *å veve* 'ткать').

К женскому роду относятся (или, вернее, могут относиться) существительные с суффиксами: *-d*, *-ing*, *-ning*, *-t*, *-løyse*.

§ 9. Принадлежность существительного к тому или иному роду определяется значением этого существительного в следующих случаях.

К общему роду относится большая часть названий живых существ — людей, животных, а также деревьев и цветов. Например: *en student* 'студент', *en bjørn* 'медведь', *en sau* 'овца', *en nisse* 'гном'. Исключениями являются слова *et barn* 'ребенок', *et dyr* 'животное', *et ekorn* 'белка', *et esel* 'осел', *et fruentimmer* 'женщина', *et fjell* 'жеребенок', *et får* 'овца', 'баран', *et kje* 'козленок', *et kveg* 'скотина', *et kvinnfolk* 'женщина', *et lam* 'ягненок', *et mannfolk* 'мужчина', *et menneske* 'человек', *et naut* 'скотина', *et svin* 'свинья', *et tre* 'дерево', *et troll* 'тролль'. Многие из этих исключений не являются исключениями с точки зрения трехродовой системы, так как в этой системе существа среднего рода противопоставляются существам мужского и женского рода как нейтральные в отно-

шении различия пола. Отсюда средний род в таких словах, как, например: *et barn* 'ребенок', *et føll* 'жеребенок', *et menneske* 'человек', *et kveg* 'скотина' и т. п.

К среднему роду относится большая часть названий веществ и собирательных существительных. Например: *stålet* 'сталь', *vannet* 'вода', *gresset* 'трава', *folket* 'народ'. Сравни, однако, *eddiken* 'уксус', *fløyelen* 'бархат', *halmen* 'солома', *kaffen* 'кофе', *malmen* 'руда', *mulden* 'земля', *oljen* 'растительное масло', *silken* 'шелк', *sinken* 'цинк', *sirupen* 'сироп', *talgen* 'сало', *teen* 'чай', *vinen* 'вино', *ullen* 'шерсть', и т. д.

К женскому роду относятся названия существ женского пола. Например: *ei jente* 'девушка', *ei ku* 'корова', *ei kvinne* 'женщина', *ei geit* 'коза', *ei bikkje* 'сука', *ei frue* 'госпожа'.

Таким образом, различие между общим и средним родом может в известных случаях выражать различие между живым существом и мертвой материей, между лицом и чем-то безличным, между отдельным предметом и чем-то массовидным, несчитаемым.

Такое различие выступает вполне отчетливо в так называемых субстантивированных прилагательных, т. е. существительных, образованных из прилагательных путем конверсии. Сравни, например: *gamlen* или *den gamle* 'старик' (общий род) и *alt er ved det gamle* 'все по-старому' (средний род), *den onde* 'злой дух' (общий род) и *det onde* 'зло' (средний род), *styggen* 'урод' (общий род) и *det stygge* 'уродливое' (средний род).

В некоторых случаях это различие выступает и в родовой дифференциации омонимов. Сравни, например: *et råd* 'совет' и *en råd* 'советник', *et grep* 'хватка' и *en grep* (также *greip*) 'вилы', *et verge* 'защита' и *en verge* 'защитник', 'опекун'.

С другой стороны, поскольку различие между общим и средним родом в ряде случаев связано с различием между лицом и чем-то безличным, т. е. «низшим» по сравнению с лицом, средний род в применении к человеку (например в таких словах, как *et esel* 'осел', *et svin* 'свинья', *et dyr* 'животное', *et fe* 'скотина', 'болан', *et best* 'зверь', 'бестия', *et kreatur* 'скотина', 'креатура') может осознаваться как имеющий уничижительный смысл.

§ 10. Двухродовая и трехродовая системы, т. е. системы, которые выражаются в согласуемых с существительным артиклях, местоимениях и прилагательных, сосуществует в норвежском языке с еще одной системой — четырехродовой, которая выражается только в согласуемых с существительным личных и отчасти вопросительных местоимениях. Эта система харак-

терна и для других скандинавских языков — датского и шведского. Согласно этой системе, все существительные принадлежат к личному роду (существительные, согласуемые с личными местоимениями *han* 'он', *hun* 'она' и вопросительным местоимением *hvem* 'кто') или безличному роду (существительные, согласуемые с личными местоимениями *den* 'он', 'она', *det* 'оно' и вопросительным местоимением *hva* 'что'), а в пределах личного рода — к мужскому личному (существительные, согласуемые с личным местоимением *han* 'он') или женскому личному (существительные, согласуемые с личным местоимением *hun* 'она'), в пределах же безличного — к общему безличному (существительные, согласуемые с личным местоимением *den* 'он', 'она') или среднему безличному (существительные, согласуемые с личным местоимением *det* 'оно').

В соответствии с этим, к мужскому личному роду относятся существительные *gutt* 'мальчик', *mann* 'мужчина' и т. д. (например: *Olav er en gutt*, *han er tolv år* 'Улав мальчик, ему двенадцать лет'), к женскому личному — существительные *pike* 'девочка', *kvinne* 'женщина' и т. д. (например: *Sigrid er en pike*, *hun er bare ti år* 'Сигри девочка, ей только 10 лет'), к общему безличному — существительные *bok* 'книга', *feil* 'ошибка', *bjørn* 'медведь' и т. д. (например: *her er boken*, *den er interessant* 'вот эта книга, она интересная'), а к среднему безличному существительные *hus* 'дом', *rykk* 'толчок', *menneske* 'человек' и т. д. (например: *her er huset*, *det er stort* 'вот дом, он большой').

Деление на личный и безличный род, а также деление на мужской личный и женский личный, всегда определяется значением существительного. К личному роду относятся только люди (в разговорном или поэтическом языке также животные, трактуемые как личности), к мужскому личному — мужчины, к женскому личному — женщины. Деление же безличного рода (к которому относится все остальное) на общий безличный и средний безличный совершенно условно, т. е. не основано на значении существительного, и служит только для выражения связи между существительным и согласуемым с ним местоимением.

Число

§ 11. Для существительного в норвежском языке характерны грамматические значения единственного и множественного числа.

Множественное число существительного выражается посредством различных формальных показателей, ни один из которых не является общим для всех существительных. По своему характеру показатель множественного числа — это, как правило, внешняя флексия, которая закреплена за определенным типом существительных или за отдельными существительными. Показателем множественного числа может быть в некоторых случаях и внутренняя флексия в соединении с внешней флексией или сама по себе. Показателем множественного числа может быть также музыкальное и динамическое ударения, обычно в соединении с внешней флексией. Показателем множественного числа существительного являются и соответствующие формы артикля, местоимения или прилагательного, согласованные с существительным.

Для единственного числа формальными показателями являются соответствующие формы артикля, местоимения или прилагательного, согласованные с существительным, при нулевой флексии самого существительного.

Ниже дается обзор отдельных показателей множественного числа существительного (за исключением артиклей, местоимений и прилагательных, согласуемых с существительным, которые рассматриваются в соответствующих разделах).

Внешняя флексия, т. е. то или иное окончание, является показателем множественного числа в подавляющем большинстве существительных. Принимая окончание множественного числа, существительное, как правило, не претерпевает каких-либо внутренних изменений. Другими словами, окончание множественного числа присоединяется к целому слову, а не к какому-то его видоизменению или его части. Единственным исключением является то, что, принимая окончания множественного числа, 1) существительные на *-el*, *-er* (если *-er* не является явным суффиксом), а также слова *alen* 'локоть', *foged* 'форт' и *jøtun* 'великан', теряют гласный конечного слога (например: *fabel* 'басня', мн. ч. *fabler*; *finger* 'палец', мн. ч. *fingrer*; *åker* 'поле', мн. ч. *åkrer*; *teater* 'театр', мн. ч. *teatre* или *teatrer*; *søster* 'сестра', мн. ч. *søstre*; но сравни *lærer* 'учитель', мн. ч. *lærere*; *sanger* 'певец', мн. ч. *sangere*; 2) существительные на *-um*, *-us* теряют этот слог. Например: *museum* 'музей', мн. ч. *museer*; *punktum* (также *punkt*) 'точка', мн. ч. *punkter* (также *punktumer*); *kursus* (также *kurs*) 'курс', мн. ч. *kurser*; *genius* 'гений', мн. ч. *genier*.

Окончание *-er* [—ə] является наиболее широко распространенным показателем множественного числа существитель-

ного. Оно характерно для подавляющего большинства существительных общего (мужского и женского) рода. Например: *dag* 'день', мн. ч. *dager*; *dumhet* 'глупость', мн. ч. *dumheter*; *preposisjon* 'предлог', мн. ч. *preposisjoner*. Это окончание характерно также для большинства дву- и многосложных слов среднего рода и для некоторых односложных слов среднего рода. Например: *bryllup* 'свадьба', мн. ч. *brylluper*; *pronomen* 'местоимение', мн. ч. *pronomen*; *brev* 'письмо', мн. ч. *brev* (обычно *brev*); *punkt* 'точка', мн. ч. *punkter*.

В датском языке около $\frac{2}{3}$ всех существительных имеют во множественном числе это окончание. Однако в датском языке это окончание множественного числа распространено все же значительно меньше, чем в норвежском. «Норвегизация» датского литературного языка, т. е. образование норвежского риксмоды, сопровождалась распространением окончания *-er* во множественном числе существительных общего рода за счет окончания *-e*. Уже первая норвежская орфографическая реформа (т. е. реформа 1907 г.) рекомендовала окончание *-er* во множественном числе существительных общего рода во всех спорных случаях (например *dager* 'дни' вместо *dage* и т. п.).

Окончание *-r* [—r] является, в сущности, лишь вариантом окончания *-er*. Оно характерно для всех существительных общего (мужского и женского) рода, оканчивающихся на безударное *-e*, и для большинства существительных среднего рода, оканчивающихся на безударное *-e*. Например: *bakke* 'горка', мн. ч. *bakker*; *skilsmisse* 'развод', мн. ч. *skilsmisser*; *hjerter* 'сердце', мн. ч. *hjerter*. Это окончание имеют также некоторые односложные существительные на гласный, для большинства которых характерна внутренняя флексия (см. стр. 37). Например: *kne* 'колени', мн. ч. *kne* (или *kne*); *tre* 'дерево', мн. ч. *trær* (или *tre*); *sko* 'ботинок', мн. ч. *skor* (или *ske*); *gå* 'путь', мн. ч. *gater*; *tå* 'палец на ноге', мн. ч. *tær*; *glo* 'горящий уголь', мн. ч. *glør*; *ku* 'корова', мн. ч. *kuer* (или *kuer*).

Окончание *-e* [—ə] во множественном числе имеют обычно существительные общего рода с суффиксом *-er*. Например: *lærer* 'учитель', мн. ч. *lærere*; *sanger* 'певец', мн. ч. *sangere*. Это окончание принимают также следующие существительные, которые при этом теряют (в отношении слов *bror*, *mor* и *far* вернее сказать: раньше теряли) гласный конечного слога: *bror* (раньше *broder*) 'брат', мн. ч. *brødre*; *mor* (раньше *moder*) 'мать', мн. ч. *mødre* (также *mødrer*); *datter* 'дочь', мн. ч. *døtre* (также *døtrer*); *far* (раньше *fader*) 'отец', мн. ч. *fedre*; *søster*

'сестра', мн. ч. *søstre* (также *søstrer*). Это окончание могут принимать и существительные среднего рода на *-er*, которые при этом тоже теряют гласный конечного слога. Например: *teater* 'театр', мн. ч. *teatre* (также *teatrer* или *teater*); *orkester* 'оркестр', мн. ч. *orkestre* (также *orkestrer* или *orkester*). Окончание *-e* было раньше возможным и в некоторых односложных словах среднего рода. Например: *hus* 'дом', мн. ч. *huse*; *brev* 'письмо', мн. ч. *breve*. Окончание *-e* в ряде случаев чередуется с другими окончаниями как менее устойчивое. В датском языке оно представлено значительно шире, чем в норвежском.

Нулевое окончание имеют во множественном числе большинство односложных и некоторые дву- и многосложные существительные среднего рода. Например: *ord* 'слово', мн. ч. *ord*; *år* 'год', мн. ч. *år*; *tilfelle* 'случай' (мн. ч. также *tilfeller*), *høve* 'случай', мн. ч. *høve*; *døme* 'пример', мн. ч. *teater* 'театр' (мн. ч. также *teatre* или *teatrer*). Нулевое окончание имеют и некоторые существительные общего рода. Например: *feil* 'ошибка', мн. ч. *feil*; *mann* 'мужчина' (мн. ч. *menn*), *tvil* 'сомнение', мн. ч. *ting* 'вещь', мн. ч. *ting*; *ski* 'лыжа' (мн. ч. также *skier*), мн. ч. *liter* 'литр', мн. ч. *alen* 'локоть' (мн. ч. также *alner*), мн. ч. *meter* 'метр', мн. ч. *lus* 'вошь', мн. ч. *mus* 'мышь', мн. ч. *maur* 'муравей', мн. ч. *mygg* 'комар', мн. ч. *møll* 'моль', мн. ч. *torsk* 'треска', мн. ч. *sild* 'селедка', мн. ч. *sopp* 'гриб'. Когда существительное имеет во множественном числе нулевое окончание, особенно заметной становится роль артиклей, местоимений и прилагательных, согласуемых с существительным, как показателей числа существительного. Сравни, например: *gode ord* 'хорошие слова' и *et godt ord* 'хорошее слово'; *høre lyd* 'слышать звуки' и *høre en lyd* 'слышать звук'; *det høye hus* 'высокий дом' и *de høye hus* 'высокие дома'.

Прочие окончания множественного числа характерны только для отдельных существительных. Так, *øye* 'глаз', мн. ч. обычно *øyene* (с суффиксированным артиклем *øyene*); *øre* 'ухо', мн. ч. *ører*, раньше иногда *øren*. Наконец, некоторые иностранные слова могут принимать во множественном числе окончания, специфичные для языка, из которого они заимствованы. Например: *faktum* 'факт', мн. ч. *fakta*; *maksimum* 'максимум', мн. ч. *maksima*; *terminus* 'термин', мн. ч. *termini*; *modus* 'наклонение', мн. ч. *modi*; *genus* 'род', мн. ч. *genera*; *komma* 'запятая', мн. ч. *kommata*; *paradigma* 'парадигма', мн. ч. *paradigmata*; *cello* 'виолончель', мн. ч. *celli*.

Таким образом, общая тенденция распространения окончаний множественного числа заключается в том, что для большинства существительных общего (мужского и женского) рода

характерно окончание *-er*, тогда как для большинства существительных среднего рода характерно нулевое окончание.

Внутренняя флексия как выражение множественного числа характерна только для десятков трех существительных. Эта внутренняя флексия дает следующие чередования гласных, с современной точки зрения фонетически никак не обусловленные: *a* — *ε*, *a* — *e*; *a* — *æ* (в написании *a* — *e*); *u* — *ö*, *u* — *ö*; *o* — *ø*; (в написании *o* — *ø*); *a* — *ö* (в написании *a* — *ø*); *o* — *ε*, *o* — *ε*, *o* — *e*; *o* — *æ*; (в написании *ö* — *e* или *ö* — *æ*); *u* — *y*; (в написании *u* — *y*).

Такая внутренняя флексия имеет место в следующих словах: *and* 'утка', мн. ч. *ender*; *bok* 'книга', мн. ч. *bøker*; *bonde* 'крестьянин', мн. ч. *bønder*; *bot* 'заплата', мн. ч. *bøter*; *brø* 'штаны', мн. ч. *brøker*; *bror* 'брат', мн. ч. *brødre*; *datter* (или *dotter*) 'дочь', мн. ч. *døtre* (или *døtrer*); *far* 'отец', мн. ч. *fedre*; *fot* 'нога', мн. ч. *føtter*; *glo* 'горящий уголь', мн. ч. *glør*; *gås* 'гусь', мн. ч. *gjess* (или *gjæser*); *hånd* (или *hand*) 'рука', мн. ч. *hender*; *kraft* 'сила', мн. ч. *krefter*; *ku* 'корова', мн. ч. *kyr* (или *kuer*); *mann* 'мужчина', мн. ч. *menn*; *mark* 'марка' (мера веса), мн. ч. *merker*; *mor* 'мать', мн. ч. *mødre* (или *mødrer*); *natt* 'ночь', мн. ч. *netter*; *not* 'невод', мн. ч. *nøter*; *rand* 'край', мн. ч. *render*; *rot* 'корень', мн. ч. *røtter*; *rå* 'рея', мн. ч. *rær*; *skåk* 'дышло', мн. ч. *skjæker*; *stad* 'город', мн. ч. *steder*; *stand* 'сословие', мн. ч. *stender*; *stang* 'шест', мн. ч. *stenger*; *strand* 'берег', мн. ч. *strender* (или *strander*); *tang* 'щипцы', мн. ч. *tenger*; *tann* 'зуб', мн. ч. *tenner*; *tå* 'палец на ноге', мн. ч. *tær*; *tåg* 'волокну', мн. ч. *tæger*; *ås* 'ак' (древнескандинавский бог), мн. ч. *æser*. Таким образом, внутренняя флексия этого рода, как правило, сопровождается и внешней флексией (т. е. окончанием *-er* и др.). Только в словах *gås* 'гусь', мн. ч. *gjess* и *mann* 'мужчина' (мн. ч. *menn*) внутренняя флексия не сопровождается внешней флексией.

В словах *fot* (мн. ч. *føtter*), *gås* (мн. ч. *gjess*) и *rot* (мн. ч. *røtter*) чередование гласных сопровождается чередованием краткого и долгого согласного.

Фонетически обусловленная внутренняя флексия имеет место в словах: *kne* 'колени' (мн. ч. *knaer*), *tre* 'дерево' (мн. ч. *trær*). В этих словах *æ* есть результат расширения *e* под влиянием последующего *r*.

Музыкальное ударение является показателем числа существительного постольку, поскольку это ударение обычно различно в односложных и двусложных словах. Сравни, напри-

мер: *gutt* ['gut:] 'мальчик', мн. ч. *gutter* ['gut:ər], *hest* ['hɛst] 'лошадь', мн. ч. *hester* ['hɛstər]. Такого различия нет в тех односложных существительных, принимающих во множественном числе окончание -er, которые раньше имели окончание -г, а не -er, т. е. были односложными и во множественном числе. Сравни, например: *bok* ['bu:k] 'книга', мн. ч. *bøker* ['bø:kər] и др.-норв. *bók*, мн. ч. *bókr*. Сравни также *brøker* 'штаны', *bønder* 'крестьяне', *bøter* 'заплаты', *ender* 'утки', *føtter* 'ноги', *geiter* 'козы', *hender* 'руки', *merker* 'марки' (меры веса), *netter* 'ночи', *nøter* 'неводы', *nøtter* 'орехи', *render* 'края', *rotter* 'корни', *skjæker* 'дышла', *stenger* 'шесты', *strender* 'берега', *tenger* 'щипцы', *tenner* 'зубы', *tæger* 'волókна'.

В тех случаях, когда за существительным с суффиксированным артиклем в той же ритмической группе следует гласный, который сливается с безударным конечным гласным, музыкальное ударение становится единственным отличительным признаком категории числа. Сравни, например: *gutten er ute* ['gut:nær'ɛ:te] 'мальчик на улице' и *guttene er ute* ['gut:nær'ɛ:te] 'мальчики на улице'; *leggen er brukket* ['lɛg:nær'bruk:ət] 'нога сломана' и *leggene er brukket* ['lɛg:nær'bruk:ət] 'ноги сломаны'; *hesten er gått hjem* ['hɛst nær'gɔt:jəm] 'лошадь ушла домой' и *hestene er gått hjem* ['hɛst nær'gɔt:jəm] 'лошади ушли домой'.

Динамическое ударение является показателем числа существительного в соединении с внешней флексией в словах *professor* 'профессор', мн. ч. *professorer*; *doktor* 'доктор', мн. ч. *doktorer*; *motor* 'мотор', мн. ч. *motorer*.

§ 12. Специфика грамматического значения числа существительного заключается в том, что его содержанием является свойство предмета, обозначаемого данным словом, а именно его единичность или множественность. Поэтому различие между формами единственного и множественного числа одного слова может быть близко или аналогично по своему содержанию различию между разными словами. Так, различие между формами 'человек' и 'люди' или 'зерно' и 'зёрна' близко или аналогично различию между словами 'человек' и 'толпа' или 'горошина' и 'горох'.

Некоторые существительные обозначают предметы, которые обычно встречаются как определенная совокупность. Форма множественного числа от этих существительных имеет ту особенность, что она означает не множественность вообще, но либо определенную совокупность предметов — пару, набор, комплект и т. д. (например: *øyne* 'глаза', *føtter* 'ноги', *støvler*

'сапоги', *lenker* 'оковы'), либо их вещественную совокупность (например: *ansjoser* 'анчоусы', *sardiner* 'сардинки').

Такое значение множественного числа может перерасти в новое лексическое значение. В этом случае форма множественного числа будет означать некоторую совокупность более или менее разнородных единиц или отдельных элементов или явлений и отличаться от соответствующей формы единственного числа по своему лексическому значению. Сравни, например: *middel* 'средство' и *midler* 'средства', 'состояние', 'деньги'; *bredden* 'широта' и *bredder* 'широты'; *tropp* 'отряд' и *tropper* 'войска', *klede* 'сукно', 'платок' и *klær* 'одежда'.

Если при этом форма единственного числа у данного существительного вообще отсутствует, то получается то, что называется *pluralium tantum*. Например: *foreldre* 'родители' (т. е. 'отец и мать'), *forfedre* 'предки', *søsken* 'братья и сестры', *grønnsaker* 'зелень', 'овощи', *småsaker* 'мелочи', *høns* 'куры', *penger* 'деньги', *førtiene* 'сороковые годы', *meslinger* 'корь', *røde hunder* 'краснуха', *benklær* 'брюки', *innvoller* 'внутренности', *spillopper* 'проделки', *løyer* 'шутки', *fakter* 'ужимки'. В ряде случаев норвежский язык здесь расходится с другими языками, в частности с русским. Так, в норвежском языке, в противоположность русскому, формы и единственного и множественного числа имеют существительные *klokke* 'часы стенные', мн. ч. *klokker*; *ur* 'часы карманные или стенные', мн. ч. *ur*; *slede* 'сани', мн. ч. *sleder*; *tang* 'щипцы', мн. ч. *tenger*; *brok* 'штаны', мн. ч. *brøker*; *bukse* 'брюки', мн. ч. *bukser* (впрочем, последняя форма употребляется чаще как *pluralium tantum*).

Названия вещества, отвлеченные названия качества, действия, состояния и т. п., а также собственные имена не могут связываться с представлением числа, т. е. нейтральны в отношении числа, или несчитаемы. Такие существительные в норвежском языке, как правило, не имеют формы множественного числа. Вместе с тем форма единственного числа означает в таких существительных в сущности не единственное число, а нейтральность в отношении числа. Таковы, например, существительные: *gull* 'золото', *sjørokk* 'морские брызги', *korthet* 'краткость', *lykke* 'счастье' и т. п. Отсутствие формы множественного числа и особое значение формы единственного числа выделяют эти существительные в особую категорию несчитаемых существительных.

Несчитаемые существительные характеризуются обычно также тем, что они несоединимы с количественными числительными и со словами *mange* 'многие', *få* 'немногие', *flere* 'больше'. Напротив, считаемые существительные несоединимы со словами *meget* 'много', *litt* 'немного', *mer* 'больше'. Считаемые существительные, обозначающие меру, часто употребляются в сочетании с количественными числительными в форме единственного числа. Например: *1000 mann til fots* '1000 человек пехоты'; *2 finger bred* 'в два пальца шириной'. Характерно, что во многих названиях мер (например в существительных *liter* 'литр', *meter* 'метр', *alen* 'локоть', *kvart* 'четверть', *gram* 'грамм', *mil* 'миля', *foot* 'фут', *øre* 'эре') единственное число совпадает по форме с множественным. Не принимают формы множественного числа также некоторые считаемые существительные в выражениях типа *tusen og en natt* 'тысяча и одна ночь', *halvannen krone* 'полторы кроны', *to og en halv time* 'два с половиной часа' и т. п.

Многие существительные являются несчитаемыми только в одном из своих значений. Сравни, например: *dumhet* 'глупость' (как отвлеченное название качества) и 'глупый поступок', 'глупое высказывание', мн. ч. *dumheter*; *vittighet* 'остроумие' и 'острота', мн. ч. *vittigheter*; *skjønnhet* 'красота' и 'красавица', мн. ч. *skjønnheter*; *hår* 'волосы' и 'волосок', мн. ч. *hår*; *vin* 'вино' и 'сорт вина', мн. ч. *viner*; *tobakk* 'табак' и 'сорт табака', мн. ч. *tobakker*.

Многие считаемые существительные, если они употребляются как имеющие только форму единственного числа, тем самым превращаются в несчитаемые, т. е. в название вещества, и т. п. Так употребляются многие названия животных, растений, плодов и т. п. Например: *fisk* 'рыба', *fugl* 'птица', *bjørk* 'береза', *bær* 'ягода', *sten* 'камень'. Характерно, что в существительных, так употребляемых, единственное число нередко совпадает с множественным числом по форме. Например, оно совпало в существительных *mus* 'мышь', *sild* 'селедка', *laks* 'лосось' и т. п. Как несчитаемые употребляются также считаемые существительные во многих фразеологических сочетаниях. Например: *mange ting har vært årsak til...* 'многое было причиной того...'; *dere må holde munn* 'вы должны держать язык за зубами'.

Наконец, в некоторых существительных формы единственного и множественного числа различаются не столько по значению, сколько по стилистической окраске. Сравни, например, *gamle tider* 'старые времена' и *gammel tid* 'старое время'.

Падеж

§ 13. Падежом называют форму существительного, которая выражает отношения этого существительного к другим словам в речи. Существительное в норвежском языке имеет два падежа: общий, или основной, и родительный. Общий падеж характеризуется нулевым окончанием, родительный — окончанием *-s* [*-s*], а в сочетании с *г* также [*-ʃ*], например: *års* ['o:ʃ] 'года', *gutters* ['gʊt:əʃ] 'мальчиков'. Существительное принимает окончание родительного падежа как в единственном, так и во множественном числе. Например: *gutt* 'мальчик', род. п. *gutts*; *gutter* 'мальчики', род. п. *gutters*; *barn* 'дети', род. п. *barns*. Таким образом, в отличие от падежных окончаний в русском языке, окончание родительного падежа в норвежском языке не является одновременно и показателем числа или рода. Падеж всегда выражается в норвежском языке своим собственным показателем.

От окончаний, характеризующих множественное число, окончание родительного падежа отличается прежде всего тем, что оно одинаково для всех существительных. Единственным исключением является то, что у существительных на *-s* окончание родительного падежа не *-s* [*-s*], а *-es* [*-əs*]. Например: *hus* 'дом', род. п. *huses*. В собственных именах на [*-s*] это окончание пишется также *'s*. Например: *Tomas* 'Томас', род. п. *Tomas's*.

Окончание родительного падежа отличается от окончаний множественного числа также тем, что в случае существительного с суффиксированным артиклем оно следует за этим артиклем. Например: *gutten* 'мальчик', род. п. *guttens*; *guttene* 'мальчики', род. п. *guttene's*; *guttene's* 'мальчики', род. п. *guttene's*; *barnet* 'дети', род. п. *barnets*; *barna* 'дети', род. п. *barnas*. Таким образом, окончание родительного падежа не только всегда присоединяется к целому слову, а не к его видоизменению или части, но притом и к любой форме целого слова.

В сравнительно редких случаях окончание родительного падежа может присоединяться и к целому словосочетанию, которое в таком случае выполняет ту же синтаксическую функцию, что и отдельное существительное в родительном падеже. Например: *Henrik Ibsens far* 'отец Хенрика Ибсена'; *for gud i himmelens skyld* 'ради бога'; *høst og vinters lange netter* 'длинные ночи осени и зимы'; *i menn som Hagerups hender* 'в руках человека, как Хагеруп'. В этих случаях окончание родительного падежа как бы перестает оформлять отдель-

ное слово, т. е. перестает быть «окончанием» в собственном смысле. Однако, поскольку, за исключением этих редких случаев, окончание родительного падежа всегда остается неотделимым от слова, которое оно оформляет, оснований считать, что это окончание превратилось в служебное слово, все же нет.

В некоторых застывших выражениях сохранились формы существительного в родительном падеже, в которых и существительные и суффиктированный артикль принимают окончание родительного падежа, причем артикль среднего рода в родительном падеже совпадает с артиклем общего рода (как это имело место в древнем языке). Например: *av alle livsens* (вместо обычного *livets*) *krefter* 'изо всех сил'; *du er dødsens* (вместо обычного *dødens*) 'ты погибший человек'; *hjertens* (вместо *hjertets*) *venn* 'друг сердца'; *hjertens glede* 'сердечная радость'; *landsens* (вместо *landets*) 'деревенский'.

В ряде предложных оборотов сохранились также формы существительного с окончанием -e. Например: *av gårde* 'прочь', *på veie* 'в пути', *i live* 'живой', *i søvne* 'во сне', *i tide* 'во время', *på tide* 'пора', *i hende* 'в руки', *på tinge* 'на тинге', *til døde* 'до смерти', *til stede* 'на месте', *til syne* 'в поле зрения'. Эти реликтовые формы (дательного и родительного падежей) совершенно выпадают из современной норвежской падежной системы. Существительное в таком обороте с точки зрения современного языка представляет собой, в сущности, просто элемент сложного слова — наречия или предикативного прилагательного.

§ 14. Общий падеж в норвежском языке объединяет в себе синтаксические функции, которые в тех индоевропейских языках, где, помимо именительного, есть несколько косвенных падежей, распределяются между именительным и косвенным падежами. Именно поэтому назвать его «именительным» (как он обычно называется в норвежских грамматиках, т. е. *nominativ* или *nevneform*) представляется нежелательным. Название «общий» лучше передает универсальность функций этого падежа.

Общий падеж выражает синтаксические отношения не сам по себе, а всегда либо в сочетании с определенной структурой предложения, либо в сочетании с тем или иным предлогом. Таким образом, поскольку переменной величиной при этом оказываются структура предложения и предлоги, именно они и являются основными выразителями отношений между словами, тогда как существительное в общем падеже не имеет никакого самостоятельного грамматического значения.

Существительное в общем падеже, не управляемое предлогом, может быть и подлежащим, и предикативным членом, и дополнением, и определением, и обстоятельством, в зависимости от своего отношения к другим словам в предложении. Но то или иное отношение к другим словам в предложении специфично, не для существительного в общем падеже, а для соответствующего члена предложения. Поэтому условия, в которых существительное в общем падеже, не управляемое предлогом, выполняет ту или иную синтаксическую функцию, должны рассматриваться не в морфологии существительного, а в синтаксисе членов предложения. С другой стороны, существительное в общем падеже стоит в различных синтаксических отношениях к другим словам в речи, в зависимости от того, какой предлог им управляет, т. е. в какой предложный оборот оно входит. Но предложный оборот должен рассматриваться не в морфологии существительного, а в синтаксисе словосочетания: он «синтаксичен» не только по форме (поскольку он представляет собой сочетание слов, а не отдельное слово), но и по значению (поскольку предлог не связан по значению только с одним словом, а выражает отношение между словами).

§ 15. Функции родительного падежа в норвежском языке довольно ограничены. Как правило, существительное в родительном падеже является определением к другому существительному. Всего чаще родительный падеж выражает то или иное отношение принадлежности, а именно отношение владения (например: *guttens bok* 'книга мальчика', *folkets hus* 'народный дом'), отношение принадлежности части к целому (например: *livets solside* 'солнечная сторона жизни', *i sin sjels innerste* 'в глубине своей души', *verdens kanter* 'концы света'), отношение принадлежности по происхождению (например: *Ibsens verker* 'произведения Ибсена', *utlandets ingeniører* 'заграничные инженеры', *kjærlighetens barn* 'дитя любви') или отношение принадлежности в более отвлеченном смысле. Например: *Bergens museum* 'Бергенский музей', *Norges handelsflåte* 'торговый флот Норвегии', *mannens ære* 'честь человека', *nasjonenes krefter* 'силы наций', *våre dagers litteratur* 'литература наших дней', *gullets glans* 'блеск золота', *nattens mørke* 'мрак ночи', *isens tilstand* 'состояние льда', *farens stund* 'время опасности', *arbeidets glede* 'радость труда', *høflighetens lov* 'закон вежливости'. Так как отношения принадлежности наиболее характерны для родительного падежа в норвежском языке, его часто и называют «притяжательным падежом» (*eieform*).

Существительное в родительном падеже может также определять другое существительное, выражающее действие, со стороны производителя или объекта этого действия (так называемые субъектный и объектный родительный). Например: *stortingets beslutning* 'решение стуртинга'; *folkets innsats for fred* 'вклад народа в дело мира'; *kampens gang* 'ход борьбы'; *blomstens duft* 'запах цветка'; *Amerikas oppdagelse* 'открытие Америки'; *lønnens forhøyelse* 'повышение заработной платы'; *husets eier* 'владелец дома'. В объектном родительном (последние три примера) уже невозможно усмотреть какое-либо отношение принадлежности.

Нет отношения принадлежности и в тех случаях, когда существительное в родительном падеже раскрывает содержание того, что обозначено другим существительным (так называемый родительный изъяснительный, например: *musikkens kunst* 'искусство музыки', *taushetens is* 'лед молчания', *en times tid* 'один час', *Bergens by* 'город Берген', *Norges rike* 'королевство Норвегия') или определяет другое существительное со стороны его продолжительности (например: *en times hvil* 'часовой отдых', *et øyeblikks angst* 'мгновенный страх', *mitt livs arbeide* 'работа всей моей жизни'), степени или возраста (например: *et par graders frost* 'мороз градуса в два', *en nittenårs gutt* 'парень девятнадцати лет'), материала (например: *et eketres spisebord* 'обеденный стол из дубового дерева', *de springfjærs madrasser* 'пружинные матрацы') или качества (например: *en fandens historie* 'чертовская история', *et pokkers leven* 'дьявольский шум', *en helvetes kar* 'сущий черт', *den helvetes lampen* 'чертова лампа', *dødsens virkelighet* 'сущая правда'). В этих последних случаях, однако, существительное в родительном падеже стоит на пути превращения в прилагательное, что сказывается, в частности, в том, что определяемое им существительное может иметь при себе артикль, хотя, как правило, существительное, определяемое другим существительным в родительном падеже (в отличие от существительного, определяемого прилагательным) не имеет при себе артикля (см. стр. 58).

В отдельных выражениях родительный качества может быть употреблен и при прилагательном, причастии или наречии. В этом случае существительное в родительном падеже стоит на пути превращения в наречие. Например: *pokkers så vanskelig* 'чертовски трудно', *djevels godt gjort* 'дьявольски хорошо сделано', *hertens god* 'очень добрый', *dødsens angst* 'смертельно испуганный'.

Родительный падеж характерен в основном для письменного языка и официального стиля речи. В разговорном языке родительный падеж употребляется почти исключительно в выражениях типа *om et års tid* 'через год', в застывших выражениях (например: *ikke noen verdens ting* 'ничего на свете') или от собственных имен (например: *Garborgs bøker* 'книги Гарборга', *Trondheims domkirke* 'Тронхеймский собор'). Отношения принадлежности, а также другие отношения, выражаемые в письменном языке родительным падежом, могут без искажения общего смысла высказывания быть выражены либо словосложением (например: *hustaket* 'крыша дома', *tariffrevisjonen* 'пересмотр тарифа'), либо, в разговорном языке, оборотом с притяжательным местоимением (например: *gården hans* 'двор Улава', *gutten sin hatt* 'шапка мальчика'), либо словосочетанием типа *byen Bergen* 'город Берген', либо всего чаще всевозможными предложными оборотами. Например: *boken til gutten* 'книга мальчика', *trappen til lysthuset* 'лестница беседки', *hodet på hesten* 'голова лошади', *navnet på byen* 'название города', *subjektet i en setning* 'подлежащее предложения', *professor i universitetet* 'профессор университета', *toppen av fjellet* 'вершина горы', *en mann av ære* 'человек чести', *Ibsens verker fra 60-årene* 'произведения Ибсена 60-х годов', *skjønnheten hos denne piken* 'красота этой девушки', *enken etter doktoren* 'вдова доктора', *lederen for ekspedisjonen* 'руководитель экспедиции', *meningen med forslaget* 'смысл предложения', *studerende ved universitetet* 'учащиеся университета', *en oversikt over regler* 'обзор правил'. Наконец, в ряде случаев можно, без искажения общего смысла высказывания, вообще избежать необходимости выражать данное отношение.

Являясь определением, существительное в родительном падеже всегда стоит перед существительным, которое оно определяет. В отдельных случаях, однако, определяемое существительное может быть опущено. Например: *til sist hørte vi stemmer. . . Det var farens og morens* (B.) 'наконец мы услышали голоса. . . это были голоса отца и матери'. Сравни также выражения *å spise aftens* (первоначально *aftensmat*) 'ужинать', *etter aftens* 'после ужина'. Постоянное опущение определяемого *familie* 'семья' при фамилии той или иной семьи привело к тому, что родительный падеж от фамилии стал обычным собирательным обозначением семьи, носящей данную фамилию. Например: *Her er nu brev fra Christensens* (B.) 'есть письма от Кристенсенов'; *Tønnesens var nemlig foreldreløse* (I.) 'дело в том, что у Тённесенов не было родителей'. Таким образом,

показатель родительного падежа в этом случае превратился в показатель собирательности.

В ряде застывших оборотов с предлогом *til* существительное имеет окончание родительного падежа. Например: *til bords* 'за столом', *til bunn* 'до дна', *til fjells* 'в горах', *til fots* 'пешком', *til måls* 'в цель', *til sengs* 'в постели', *til sjøs* 'в море', *til skogs* 'в лесу', *til værs* 'вверх', *til års* 'в годах'. В этих оборотах существительное в родительном падеже было первоначально управляемо предлогом. С точки зрения современного языка оно представляет собой лишь элемент сложного слова — наречия или предикативного прилагательного.

§ 16. Падеж представляет собой грамматическое явление, которое в теоретическом отношении представляет большие трудности.

Первая теоретическая трудность, связанная с падежом, заключается в том, что, как правило, падеж многозначен, т. е. имеет целый комплекс значений, причем в этом комплексе отдельные значения связаны между собой и нечетко отграничены друг от друга. Так, в норвежском родительном падеже связаны между собой не только все разновидности значения принадлежности, но также и значение принадлежности с объектным, качественным или изъяснительным значениями. Различия между отдельными значениями норвежского родительного падежа настолько нечетки, что в частных случаях его значение можно истолковывать по-разному. Например, отношение в *arbeidernes fører* 'вождь рабочих' можно истолковывать и как объектное, и как притяжательное, отношение в *tvilens tid* 'время сомнения' можно истолковывать и как изъяснительное, и как качественное, и т. д.

Очевидно, что нельзя считать частные значения норвежского родительного падежа («родительный принадлежности», «родительный объекта», «родительный качества» и т. п.) за отдельные падежи, потому что различия между частными значениями одной падежной формы это совсем другие, несравненно менее четкие различия, чем различия между значениями общего и родительного падежей в норвежском языке.

Но если частные значения одной падежной формы являются как бы значениями одного падежа, если они образуют вместе какое-то единство, если их можно расположить в один ряд, в котором смежные значения сливаются друг с другом, то нельзя ли установить «общее» значение данной падежной формы, частными случаями которого будут все значения данной падежной формы, реально представленные в речи?

Попытки установить такие «общие» значения падежей делались еще античными и средневековыми грамматистами. С тридцатых годов нашего века такие попытки участились. В связи с успехами фонологии распространилось убеждение, что устанавливаемое фонологией соотношение между фонемой и ее вариантами должно быть аналогично соотношению между «общим» значением падежа и его частыми значениями. Однако основанные на таком убеждении попытки установить «общее» значение падежа до сих пор не привели к сколько-нибудь убедительным результатам. Дело в том, что структура смысловой стороны языка, повидимому, вовсе не аналогична структуре его звуковой стороны.

Схематизм и априорность, всегда характерные для попыток установить «общее» значение падежа, хорошо иллюстрирует теория падежей датского лингвиста Л. Ельмслева. Повторяя в усложненной форме выдвинутую еще византийскими грамматистами локалистическую теорию падежей, т. е. теорию, согласно которой основные значения падежей — это элементарные пространственные отношения (удаление — в родительном падеже, приближение — в винительном падеже, покой — в дательном падеже), Ельмслев устанавливает 216 (т. е. 6^3) пространственных отношений, возможных в трехмерном пространстве, а следовательно 216 возможных падежей.¹ Из двух падежей датского языка — родительного и общего — первый, по Ельмслеvu, выражает удаление, а второй — удаление, приближение и покой. Языковые факты явно не укладываются в эту априорную схему.

Специфика грамматического значения падежа заключается в том, что его содержание в очень сильной степени зависит от содержания лексических значений, которым оно сопутствует. То, что в данном словосочетании реализуется то или иное частное значение падежа, всегда обусловлено лексическим содержанием этого словосочетания. Так, родительный падеж может иметь значение владения только в том случае, если существительное, стоящее в родительном падеже, означает лицо или лица, а определяемое существительное означает нечто материальное, т. е. нечто, могущее быть объектом владения; «субъектный родительный» возможен только в том случае, если определяемое существительное означает действие, а опре-

¹ L. Hjelmslev. La catégorie des cas, Étude de grammaire générale. Aarsskrift for Aarhus universitet, VII, 1935; IX, 1937.

деляющее существительное то, что может быть производителем действия; в случае «объектного родительного», наоборот, определяющее существительное должно означать то, что не может быть производителем действия, и т. д.

Что же касается «общего» значения падежа, т. е. того отношения, которое падеж выражает в отвлечении от лексического содержания словосочетания, в котором значение падежа реализуется в речи, то определить его обычно оказывается вообще невозможным, потому что, как правило, даже в наиболее развитых языках нет слов, выражающих такие отвлеченные отношения. Можно, правда, определить общее значение, например, родительного падежа как «родительность», и т. п., но ведь такое определение будет совершенно бессодержательно. То же, что выдается за «общее» значение падежа, всегда оказывается лишь одним из его частных значений, например его более часто встречающимся, его более важным или основным значением, и т. д. Поэтому определить значение падежа значит определить весь составляющий его комплекс частных значений, а тем самым и его лексический охват, т. е. тот лексический материал, в котором это значение реализуется.

Вторая теоретическая трудность, связанная с падежом, заключается в том, что помимо падежа во всех индоевропейских языках есть еще другое грамматическое средство, специальностью которого тоже является выражение отношений между словами, а именно — предлог. Известно, что нередко отношения между словами, которые в одном языке выражаются падежом, в другом выражаются предлогом. Сравни, например: *kanten av veien* и «край дороги», *å nikke med hodet* и «кивать головой», *å ønske til lykke* и «желать счастья», *å reise på hodet* и «поднять голову», *en gutt på ti år* и «мальчик десяти лет», *å glede seg over presangene* и «радоваться подаркам». Нередко и в одном и том же языке одно и то же отношение между словами может быть выражено как падежом, так и предлогом. Так, в норвежском языке предложное словосочетание в ряде случаев синонимично родительному падежу. Сравни, например: *boken til gutten* и *guttens bok* «книга мальчика», *verket av Ibsen* и *Ibsens verker* «произведения Ибсена», *taket på huset* и *husets tak* «крыша дома». Падеж и предлог образуют таким образом одну систему выражения отношений между словами, причем известно, что с исторической точки зрения в большинстве индоевропейских языков удельный вес предлога возрастает, тогда как удельный вес падежа убывает и может совсем свестись к нулю.

Не значит ли это, что падеж — это грамматическое значение, которое может выражаться как флексией, так и предлогом? Повидимому, многие лингвисты действительно думают так. Во всяком случае, в грамматической литературе довольно обычны утверждения, что предлог якобы выражает «падежные отношения», что он представляет собой «падежный показатель» и что предлоги «грамматизируются», т. е. приобретают «падежные значения», что предложный оборот есть «предложный падеж» в противоположность «флексивному падежу», что «падеж может быть выражен не только флексией, но и предлогом», и т. д. Некоторые лингвисты включают в парадигму падежей не только «предложный падеж», но и «падеж, выраженный порядком слов». Так, Ельмслев находит в датском языке целых три таких падежа — «субъективный», «дательный» и «транслятивный», в соответствии с местоположениями, характерными для подлежащего, косвенного и прямого дополнения. Например: *drengen* (субъективный падеж) *sendte sin ven* (дательный падеж) *bøgerne* (транслятивный падеж) «мальчик послал своему другу книги».

Все эти утверждения подразумевают, что падежное значение (которое иногда просто называется «падежом») существует совершенно независимо от своего формального показателя, т. е. флексии; другими словами, что грамматическое значение вовсе не образует неразрывного единства со своим формальным показателем, а существует независимо от него. Таким образом, эти утверждения игнорируют основное свойство всякого грамматического значения — то, что оно не существует без своего формального показателя — и, следовательно, искажают сущность его природы.

Последовательно проведенное, такое понимание взаимоотношения предлога и падежа приводит к утверждению, что в языке столько «падежей», сколько в нем существует средств для выражения отношений между словами (в норвежском языке, например, не только общий и родительный, но также и целый ряд «предложных падежей» или «падежей, выраженных порядком слов» и т. д.), или же столько «падежей», сколько в нем возможно отношений между словами (т. е. в любом языке почти бесчисленное количество). Так, А. Норен, которому в данном случае нельзя отказать в последовательности, разлагает падеж, в обычном понимании, на два понятия: семологическое — «статус», т. е. любое отношение, которое находит выражение в языке, и морфологическое — «касус», т. е. любое выражение статуса, например, флексия, суффиксы, словосложение, предлоги,

последологи, союзы.¹ Падеж растворяется, с одной стороны, в значениях, оторванных от того, что их выражает, а с другой стороны, в формальных показателях, оторванных от того, что они выражают, т. е. вообще ликвидируется как грамматическая форма.

Однако, если предлог и падеж — это разные грамматические формы, а не разные выражения одного грамматического значения, то в чем же различие между ними? Разве они не могут действительно совпадать по значению?

Значение предлога, так же как и значение падежа, это комплекс значений и притом часто очень сложный комплекс (см. § 79, стр. 153). Поэтому очевидно, что как целое предлог и падеж не могут совпасть по значению. Они могут совпасть только в своих частных значениях. Но для каждого частного значения падежа, так же как и для каждого частного значения предлога, отнюдь не безразлично, в какой комплекс оно входит, поскольку частные значения падежа (так же как и частные значения предлога) связаны между собой. Для частного значения падежа или предлога смежные значения служат как бы его «внутренней формой», т. е. формой, в которой данное значение представляется нам. Например в *husets tak* 'крыша дома', в отличие от *taket på huset* внутренней формой для данного отношения между словами является отношение владения или принадлежности (крыша представляется как бы принадлежащей дому; сравни *guttens bok* 'книга мальчика'), тогда как в *taket på huset* внутренней формой для того же отношения является пространственное отношение (крыша представляется как бы лежащей на доме, сравни *fuglen sitter på taket* 'птица сидит на крыше'). Следовательно, и в частных значениях совпадение между падежом и предлогом только относительное, так как оно может сопровождаться различием в том, что выше было названо внутренней формой.

Если же между частным значением падежа и частным значением предлога нет различия во внутренней форме (внутренняя форма могла и в том и в другом «стереться», т. е. перестать осознаваться), то различие между ними будет в той последовательности, в которой вводятся части данного сочетания, т. е. в том, что выделяется на первый план, что подчеркивается или может быть подчеркнuto. Сравни, например: *Ibsens verker er mer interessante enn P. A. Jensens* 'произведения Ибсена интереснее, чем произведения П. А. Йенсена' и *verker av Ibsen er*

¹ A. Noreen. Vårt språk, bd. 5. Lund, 1904, стр. 178 сл.

mer interessante enn hans biografi 'произведения Ибсена интереснее, чем его биография'.

Наконец, в норвежском языке между родительным падежом и предложным оборотом того же значения всегда будет стилистическое различие. Первый характерен для письменного языка и официального стиля речи, второй — для разговорного языка.

Таким образом, значения предлога и падежа не совпадают друг с другом, а только несколько наплывают друг на друга. Предлог не может иметь «падежного значения», оставаясь предлогом, т. е. служебным словом, также как падеж не может иметь «предложного значения», оставаясь падежом. Предлог и падеж — две разные грамматические формы, различные не только по своему выражению, но и по своему значению, хотя они и тесно переплетаются.

Артикль

§ 17. Артикль в норвежском языке может быть и отдельным словом (так называемые неопределенный артикль и свободный определенный артикль), и частью слова (так называемый суффиксированный определенный артикль). Являясь отдельным словом, артикль образует вместе с существительным, к которому он относится, морфологическое словосочетание (см. § 3, стр. 21).

Артикли имеют в норвежском языке следующие формы:

СУФФИГИРОВАННЫЙ ОПРЕДЕЛЕННЫЙ АРТИКЛЬ

Единственное число

Общий или мужской род: -en [-ən, после переднеязычных -n], (у существительных на -e) -n [-n]. Например: *stokk* — *stokken* ['støk : ən] 'палка', *gutt* — *gutten* ['gut : n] 'мальчик', *bakke* — *bakken* ['bak : ən] 'горка', *bøtte* — *bøtten* ['bøt : n] 'бочонок'.

Женский род: -a [-a]. Например: *ku* — *kua* ['ku : a] 'корова'.

Средний род: -et [-ə, в родительном падеже -ət], (у существительных на -e) -t [-]. Например: *hus* — *huset* ['hu : sət] 'дом', *husets* ['hu : səts] 'дома', *løfte* — *løftet* ['løftə] 'обещание'.

Множественное число

Общий или мужской род: -ne [-nə], (у существительных, не принимающих окончания множественного числа) -ene [-ənə, -nə]. Например: *stokker* — *stokkene* ['støk : ənə] 'палки', *gutter* — *guttene* ['gut : nə] 'мальчики', *lyd* — *lydene* ['ly : dnə] 'звуки'.

Средний род: -ene [-ənə, -nə], -a [-a]. Например: *slag* — *slagene* ['sla : gənə] 'удары', *barn* — *barna* ['ba : nə] 'дети'.

Свободный определенный артикль

	Общий или мужской род	Средний род
Ед. ч.	den	
Мн. ч.	de [di:]	det [de:]

Неопределенный артикль

	Общий или мужской род	Женский род	Средний род
Ед. ч.	en	ei	et
Мн. ч.	—	—	—

Артикли женского рода употребляются в той мере, в какой имеет место трехродовая система (см. § 6). Однако неопределенный артикль женского рода (ei) употребляется значительно реже, чем суффигированный определенный артикль женского рода (-a). Во множественном числе среднего рода суффигированный артикль -a употребляется главным образом в словах, вошедших в литературный язык в результате его «норвегизации», в словах, обозначающих что-либо специфичное для Норвегии, или в словах крестьянского обихода. Например: beina 'ноги' (но benene), golva 'полы' (но gulvene) Langfjella 'Лангфьелла' (горный хребет в Норвегии), pausta 'сарай для лодок', fjøsa 'стойла', spranna 'ведра', svina 'свиньи'. Всегда имеет эту форму артикль множественного числа среднего рода в barna 'дети' (датск. børnene). Эту форму артикля могут иметь и некоторые существительные мужского рода. Например: gutta 'ребята', kara 'парни', hesta 'лошади'.

Суффигированный артикль несомненно произошел в конечном счете из указательного местоимения (неясно, какого именно), т. е. из отдельного слова. Однако единственным следом его былой самостоятельности в современном языке является то, что односложные существительные (которые, как правило, имеют простое музыкальное ударение), принимая суффигированный артикль как окончание, не приобретают тем самым

сложного музыкального ударения, тогда как обычно односложные слова, принимая окончание и превращаясь в дву- или многосложные, приобретают тем самым сложное музыкальное ударение. Сравни, например: 'gutt 'мальчик', 'gutter 'мальчики', 'lys 'свет', 'светлый', 'lyse 'светлые', но 'guttene 'мальчик' (с опред. арт.), 'lyset 'свет' (с опред. арт.). Таким образом, в отношении музыкального ударения односложное существительное с суффигированным артиклем ведет себя как сочетание двух слов (одного — с самостоятельным ударением, другого — без него), а не как двусложное слово.

Сравни, однако, множественное число без артикля и с артиклем у некоторых существительных, которые раньше принимали окончание множественного числа (см. § 11, стр. 38). Например: 'hus — 'husene 'дома', 'brev — 'brevene 'письма', 'land — 'landene 'страны'.

Суффигированный артикль не является отдельным словом, поскольку он ни в каких случаях не отделен от существительного, в состав которого он входит как его окончание. Характерно при этом, что по отношению к падежному окончанию существительное с суффигированным артиклем выступает как одно целое (см. § 13, стр. 41). Характерно также, что при слиянии существительного с суффигированным артиклем как существительное, так и артикль в ряде случаев претерпевают известные внутренние изменения, а именно:

1. У существительных общего или мужского рода на безударное -e гласный элемент суффигированного артикля поглощается этим окончанием. Например: bakke — bakken ['bak:ən] 'горка'. Но, с другой стороны, и само это окончание может быть поглощено артиклем. Например: liste — listen ['listn] 'список'.

2. У существительных среднего рода на безударное -e суффигированный артикль полностью поглощается этим окончанием. Например: hjerte ['jæ:tə] — hjertet ['jæ:tə] 'сердце', løfte ['løftə] — løftet ['løftə] 'обещание'. Таким образом, у этих существительных суффигированный артикль имеет собственно нулевую форму.

3. Напротив, у существительных женского рода на -e это окончание полностью поглощается суффигированным артиклем -a. Например: lue — lua 'шапка', jente — jenta 'девушка'.

4. У существительных, принимающих во множественном числе окончание -er или -r (за исключением существительных, которые при этом остаются односложными, как kne 'колено', мн. ч. knær, klo 'коготь', мн. ч. klør и т. п.), это окончание

множественного числа полностью или частично поглощается суффиксированным артиклем. Например: gutter — guttene ['gut:nə] 'мальчики', bakker — bakkene ['bak:ənə] 'горки'. Но сравни knæ — knæene ['knæ:ɐnə или 'knæ:nə] 'колени' и т. п.

Таким образом, невозможно сказать, что собственно является суффиксированным артиклем во множественном числе этих существительных — -ne или -ene, тем более, что вообще суффиксированный артикль множественного числа может иметь и ту, и другую форму.

5. У существительных на -er, принимающих во множественном числе окончание -e, это окончание множественного числа полностью поглощается суффиксированным артиклем. Например: lærere — lærerne 'учителя', fiskere — fiskerne 'рыбаки' (но сравни fisker — fiskene 'рыбы' с частичным поглощением).

6. Существительные на -el могут терять гласный этого слога, принимая суффиксированный артикль. Например: djevel — djevelen 'дьявол', kapitel — kapitlet 'глава'. Сравни также foged — fogden 'форт'.

7. Существительные на -um теряют этот слог, принимая суффиксированный артикль. Например: sentrum — sentret 'центр', museum — museet 'музей'.

Так же как и суффиксированный артикль, неопределенный артикль и свободный определенный артикль развились из знаменательных слов (неопределенный артикль — из числительного «один», а свободный определенный артикль — из указательного местоимения). Но в отличие от суффиксированного артикля, эти артикли и сейчас являются безударными омонимами соответствующих знаменательных слов: неопределенный артикль — числительного en 'один', ett 'одно' (см. § 25), а свободный определенный артикль — указательного местоимения den 'этот', 'эта', det 'это', de 'эти' (см. § 35).

Неопределенный артикль всегда предшествует существительному, к которому он относится. Если существительному, к которому артикль относится, предшествует определение, он стоит непосредственно перед этим определением. В остальных случаях он стоит непосредственно перед существительным, к которому он относится. Например: et hus 'дом', et gammelt hus 'старый дом'. Исключениями являются случаи, когда в определение существительного входят слова sånn, slik 'такой', så 'так', hel 'весь', hvilken 'какой', hva for 'какой', mangen 'много', hvor 'какой', for 'слишком'. Например: sånt (или slikt) et godt sted 'такое (т. е. очень) хорошее место, но сравни: sånt (или slikt) et sted или et sånt (или slikt) sted 'такое место';

så stor en skog 'такой большой лес'; hele en slik by 'весь такой город'; hva for en mann er det? 'что это за человек?'; mangen en gang 'много раз'; hvor vanskelig en sak er det ikke 'каким бы трудным делом это не было'; det er for kjedelig en ting 'это слишком скучное дело'.

Свободный и суффиксированный артикли различаются не по значению, а по синтаксическому употреблению. Свободный артикль употребляется в основном в том случае, когда существительное имеет при себе определение (прилагательное и т. д.). При этом существительное обычно имеет при себе также и суффиксированный артикль. Например: den vesle gutten 'маленький мальчик', de guttene (или de gutter или просто guttene) som var her 'мальчики, которые были здесь'; det løftet at... 'обещание, что...'. Однако такой «двойной артикль» не обязателен в риксмале (в противоположность лансмале и шведскому языку, где он обязателен, и датскому языку, где он невозможен). Двойной артикль господствует в норвежской разговорной речи. В письменном языке, особенно в официальных названиях, заголовках и т. п., возможен и один свободный артикль. Например: den gode hyrde 'добрый пастырь', Den siste viking 'Последний викинг' (название романа), det russiske språk 'русский язык', det svenske akademi 'шведская академия', den bleke aftenhimmel 'бледное вечернее небо', den norske arbeiderklasse 'норвежский рабочий класс'.

Один свободный артикль является правилом если определяемое существительное в родительном падеже (например: den norske delegasjons krav 'требование норвежской делегации') или если определение — прилагательное в превосходной степени. Например: uten den minste iver 'без малейшего рвения', av det klareste vann 'чистой воды'. Суффиксированный артикль вообще не употребляется при существительных opptreden 'поведение', hvisken 'шепот', skjelven 'дрожь', hvesen 'шипение' и т. п., а также при таких субстантивированных прилагательных, как det gode 'добро' и т. п.

Если существительному, к которому относится свободный артикль, предшествует определение, он стоит непосредственно перед этим определением. В противном случае он стоит непосредственно перед существительным, к которому он относится. Только в некоторых застывших выражениях свободный артикль стоит между существительным, к которому он относится, и определением. Например: Olav den hellige 'Улав святой'; tre kongsdøtre i berget det blå 'три королевские дочери в голубой горе' (из народной сказки).

Один свободный артикль при существительном, не сопровождаемом определением, возможен при субстантивированном прилагательном и в некоторых выражениях. Например: *de arbeidende* 'трудящиеся'; *de herrer* 'вы' (букв. 'господа'), *de stakkarer!* 'несчастные!'; *brevet til de romere* 'послание римлянам', *Judas den forræder* 'Иуда предатель', *ikke det spor 'ni kanli'*, *aldri det grann* 'ни чуточки'.

Один суффиговый артикль возможен в ряде случаев при существительном, сопровождаемом определением. Именно, один суффиговый артикль иногда употребляется при существительном, определяемом прилагательным, выражающим порядок следования, прилагательным в превосходной степени, а также прилагательными: *venstre* 'левый', *høyre* 'правый', *ene* 'единственный', *hel* 'целый', *all* 'весь', *halv* 'половина', *samme* 'тот же', *selv* 'сам', *begge* 'оба'. Например: *første gangen* (обычное *første gang*) 'первый раз', *siste uken* 'последняя неделя', *eneste utveien* 'единственный выход', *største delen* 'большая часть', *venstre pekefingeren* 'левый указательный палец', *ene øyet* 'единственный глаз', *hele dagen* 'целый день' (но сравни *i hele dag* 'целый день', *i hele ettermiddag* 'всю вторую половину дня'), *alt folket* 'весь народ', *halve riket* 'полцарства', *samme byen* 'тот же город', *selve læreren* 'сам учитель', *begge armene* 'обе руки'. Сравни также выражения: *midt på lyse dagen* 'среди бела дня', *ikke stor skaden* 'не большой ущерб' и т. п.

§ 18. Всякое лексическое значение содержит в себе только общее по отношению к тому отдельному, которое оно отражает. Но отношение лексического значения к отдельному в языке, как системе, отлично от его отношения к отдельному в речи, т. е. в конкретном использовании той системы, которую представляет собой язык. Всегда оставаясь общим по отношению к тому отдельному, которое оно отражает, т. е. оставаясь обобщением действительности, лексическое значение может в речи, в зависимости от контекста, по-разному соотноситься с этим отдельным, тогда как в языке как системе его отношение к тому отдельному, которое оно отражает, остается всегда тем же самым. Так, лексическое значение может быть соотносено в речи сразу со всеми отдельными, общие и существенные признаки которых оно отражает, или, что то же самое, не быть соотносено ни с одним из них в отдельности («общая», или «родовая», соотносённость). Например: «дом — это жилое строение», «стол есть домашняя мебель», «лошадь — полезное животное». Но лексическое значение может быть соотносено

в речи и только с одним из отдельных, общие и существенные признаки которых оно отражает («частная» соотносённость). Назначение его при такой соотносённости очевидно и заключается в том, чтобы вскрывать то общее, что есть в отдельном. Такая соотносённость имеет место в речи в подавляющем большинстве случаев. Например: «этот дом велик», «стол, за которым я сижу, сломался», «вот лошадь».

В свою очередь, и в этом последнем случае (т. е. в случае частной соотносённости) лексическое значение может по-разному соотноситься с одним из отдельных, которые оно отражает. Одно из отдельных может выступить на первый план и заслонить собой другие отдельные, входящие в состав данного общего, т. е. осознаваться как в данном контексте единственное из таких отдельных — то, что в существительном называется его «определённостью» и выражается посредством определенного артикля.¹ Напротив, одно из отдельных может выступать наряду с другими отдельными, входящими в состав данного общего, т. е. осознаваться как одно из многих таких же отдельных — то, что в существительном называется «неопределённостью» и выражается посредством неопределенного артикля.

Выражение «определённости» и «неопределённости» существительного в описанном выше смысле и является основной функцией артикля. Поэтому принято говорить об артикле как о показателе «определённости» или «неопределённости» существительного. Надо иметь в виду, однако, что, как следует из вышеизложенного, термины «определённость» и «неопределённость» только очень приблизительно описывают основное значение артиклей, т. е. в значительной степени условны. Надо иметь в виду также, что, помимо выражения «определённости» и «неопределённости», артикли имеют также и другие грамматические функции, а именно — они являются формальными показателями рода (см. § 7), числа (см. § 11) и существительного как части речи (см. стр. 64 сл.).

«Определённость» или «неопределённость» существительного обычно обуславливается контекстом. Так, «неопределённость» существительного может обуславливаться тем, что данный предмет упоминается впервые и поэтому осознаётся как один из многих таких же. Напротив, «определённость» существительного может обуславливаться тем, что данный предмет

¹ Разновидности определенного артикля (свободный и суффиговый) различаются не по значению, а по синтаксическому употреблению (см. § 17). Поэтому при анализе значений артиклей между этими разновидностями определенного артикля не делается различия.

уже упоминался и поэтому для данной ситуации заслоняет собой другие такие же предметы (так называемый «анафорический» определенный артикль). Например: *en dyp kløft der bøjer til højre*. . . På begge kløftens sider små hus opefter i stor uorden (В.) 'глубокая расселина, которая загибается направо. . . По обоим бокам расселины домики один над другим в большом беспорядке'.

«Определенность» или «неопределенность» существительного может обуславливаться и непосредственно всем контекстом, поскольку этот контекст показывает, что для данной ситуации данный предмет заслоняет собой другие такие же и т. д. Например: *vi kommer for langt fra saken* 'мы слишком удалились от дела' (т. е. того, о чем мы говорили раньше); *jeg har ikke vært hos legen ennå* 'я еще не был у доктора' (т. е. того доктора, у которого я лечусь); *han tok hesten ved bisselet* 'он взял лошадь под уздцы' (т. е. уздечку, которая есть на всякой запряженной лошади); *hun tok ikke øynene fra hans ansikt* 'она не отводила глаз (т. е. своих глаз) от его лица'.

«Определенным» и «неопределенным» может осознаваться и существительное в сочетании с ограничивающим его определением (прилагательным, предложным оборотом, придаточным предложением и т. д.). Такое существительное может поэтому тоже принимать как определенный, так и неопределенный артикль. Сравни, например: *en stor sten* и *den store stenen* 'большой камень'; *en by vi bodde i* и *byen vi bodde i* 'город, в котором мы жили'; *en gård som heter Haug* 'хутор (впервые упоминаемый), который называется Хёу' и *gården Haug* 'хутор Хёу' (уже упоминавшийся). Однако существительное, определяемое другим существительным в родительном падеже, как правило, не принимает определенного артикля. Например: *guttens bok* 'книга мальчика', *Norges mest leste avis* 'норвежская газета, которую всего больше читают' (сравни, впрочем, фразеологические выражения *på søndags formiddagen* 'в воскресенье до обеда', *livsens treet* 'древо жизни' и т. п.).

Если же существительное «неопределенно» по своему значению, оно не может определяться другим существительным в родительном падеже (см. § 15, стр. 44). Только «определенным» по своему значению может быть существительное, если определением к нему является порядковое числительное, прилагательное в превосходной степени или инфинитив. Например: *den første dikter* 'первый поэт', *det vakreste verk* 'прекраснейшее произведение', *kunsten å skrive* 'искусство писать', *den ære å være hans gjest* 'честь быть его гостем'.

«Определенными» осознаются, как правило, и те существительные, которые сами по себе или в сочетании с ограничивающими их определениями обозначают предметы вообще единственные в своем роде. Например: *sola sto høyt på himmelen* 'солнце стояло высоко в небе'; *den norske arbeiderklasse* 'норвежский рабочий класс'. Однако существительное, которое вообще обозначает предмет единственный в своем роде, в некоторых контекстах может быть и «неопределенным». Например: *en gul måne stod over sjøen* (В.) 'желтая луна стояла над морем'. Возможность осознания такого существительного как «определенного» резко отличает его от имени собственного (см. стр. 62). Она свидетельствует о том, что значение такого существительного является все же общим по отношению ко многим возможным отдельным, хотя бы это отдельное и было представлено в действительности в единственном числе.

«Определенными» осознаются существительные в сочетании с указательными и притяжательными местоимениями. Напротив, «неопределенными» осознаются существительные в сочетании с неопределенными местоимениями. При этом, поскольку эти местоимения заключают в самих себе элемент значения «определенности» и «неопределенности», они делают соответствующие артикли в данном сочетании излишними. Однако в ряде случаев существительное принимает суффиксированный артикль, несмотря на то, что оно определяется притяжательным или указательным местоимением.

Так, существительное принимает суффиксированный артикль, если определяющее его притяжательное местоимение следует за ним. Например: *vennen hans* 'его друг' (но *hans venn*), *boken min* (или *boka mi*) 'моя книга' (но *min bok*). Существительное, определяемое указательным местоимением *denne* 'этот', 'эта', *dette* 'это', *disse* 'эти' в разговорном языке обычно принимает суффиксированный артикль. Обычно принимает суффиксированный артикль и существительное, определяемое указательными местоимениями *denne*. . . *her* 'этот', *den*. . . *der* 'тот' и т. п. Существительное, определяемое указательными местоимениями *den* 'этот', 'эта', *det* 'этот', *de* 'эти', может принимать суффиксированный артикль, но далеко не всегда принимает его. Например: *i den retning* 'в этом направлении'; *den og den berømte forfatter* 'такой-то знаменитый автор'.

При общей соотносительности значения существительного возможен как определенный, так и неопределенный артикль. Однако артикли в этом случае не выражают «определенности» и «неопределенности» существительного, поскольку общая

соотнесенность сама по себе противоположна частной соотнесенности, т. е. как «определенности», так и «неопределенности». Они выражают в этом случае только некоторые оттенки общей соотнесенности, аналогичные «определенности» и «неопределенности», а именно определенный артикль подчеркивает единство рода, тогда как неопределенный артикль подчеркивает представленность рода в любом его отдельном представителе. Сравни, например: *hesten* er et nyttig dyr 'лошадь — полезное животное' и *en hest* er nyttig når man ikke har en bil 'и лошадь полезна, если нет автомобиля'.

Особое положение по отношению к «определенности» и «неопределенности» занимают так называемые несчитаемые существительные (см. § 12, стр. 39). Именно отношение этих существительных к артиклям и выделяет их в особую грамматическую группировку. Эти существительные обозначают нечто несвязываемое с понятиями числа и счета, нераспадающееся на отдельные единицы. Поэтому, поскольку «неопределенность» непременно предполагает наличие множества таких же отдельных единиц, как и данная, в отношении несчитаемых «неопределенность» вообще невозможна. В несчитаемых существительных общая соотнесенность непосредственно противопоставляется частной соотнесенности. Первая выражается в них, как правило, «нулевым» артиклем (но иногда и определенным), вторая — как правило, определенным артиклем. Таким образом, в отношении несчитаемых существительных определенный артикль противостоит «нулевому», а не неопределенному.

Типичными несчитаемыми существительными являются названия вещества. В общей соотнесенности они, как правило, имеют «нулевой» артикль. Например: *gull* er tungere enn jern 'золото тяжелее железа'; *de* lever av brød 'они питаются хлебом'; *luft* består av surstoff og kvelstoff 'воздух состоит из кислорода и азота'.

Однако названия вещества могут иметь в общей соотнесенности определенный артикль, который в этом случае придает существительному значение чего-то целостного или активно действующего. Таким образом, в этом случае наличие или отсутствие артикля не обусловлено контекстом. Особенно часто определенный артикль имеют в этом случае названия товаров. Например: *osten* inneholder melkens næringsstoffer i konsentrert form (Fr.) 'сыр в концентрированной форме содержит питательные вещества, имеющиеся в молоке'; *i svenske penger* har margarinen til for kort tid siden kostet 1,95 pr. kilo (Fr.) 'в шведских деньгах маргарин до недавнего времени

стоил 1,95 кроны килограмм'. Характерно, что названия вещества принимают артикль в общей соотнесенности особенно часто в функции подлежащего (см. примеры выше) или косвенного дополнения (т. е. дополнения лица). Например: *den gir vannet en ubehagelig smak og lukt* (Fr.) 'он придает воде неприятный вкус и запах'.

В частной соотнесенности названия вещества имеют, как правило, определенный артикль. Например: *han tok gullet* 'он взял золото'; *brødet* er tørt 'хлеб зачерствел'.

Когда название вещества превращается в считаемое, например, когда оно принимает значение предмета, состоящего из данного вещества, при нем становится возможным неопределенный артикль. Сравни, например: *øl* 'пиво', *en øl* 'бутылка или кружка пива'; *gress* 'трава', *et gress* 'сорт травы'; *papir* 'бумага', *et papir* 'документ'; *kaffe* 'кофе', *en kaffe* 'порция кофе'. Наоборот, когда считаемое превращается в название вещества, при нем становится невозможным неопределенный артикль. Сравни, например: *et tre* 'дерево' (растение) и *huset* er bygd av tre 'дом построен из дерева' (как материала).

Типичными несчитаемыми являются и отвлеченные названия качеств, состояний, действий, переживаний, явлений природы и другие отвлеченные по своему значению существительные. И они в общей соотнесенности часто имеют «нулевой» артикль. Например: *tålmod* er det beste legemidlet 'терпение — лучшее лекарство'; *så lenge det er liv* er det håp 'пока остается жизнь, остается надежда'; *lagn* er den feiges våpen 'ложь — оружие трусливого'; *han døde av sult* 'он умер с голоду'. В ряде случаев, однако, такое существительное имеет определенный артикль, несмотря на общую соотнесенность. Обычно это имеет место, когда данное качество и т. п. осознается либо как олицетворение, либо как активно действующее начало, либо как некое единое целое. Например: *spleenen... gled efter ham som en hai i kjølvannet* (G.) 'сплин... крался за ним, как акула за кораблем'; *nervositeten* brer seg i den franske regjering (Fr.) 'нервозность распространяется во французском правительстве'; *det går ikke i livet* ganske så til som i ungdomsfantasien (B.) 'в жизни бывает не совсем так, как в юношеской фантазии'; *livet* er kort, *kunsten* er lang букв. 'жизнь коротка, искусство длинно'.

В частной соотнесенности эти существительные имеют, как правило, определенный артикль. Например: *de* har *makten* 'у них власть' (т. е. власть в данном обществе); *du må si sann-*

heten 'ты должен сказать правду' (т. е. то, что является правдой в данном случае).

Когда отвлеченное название качества и т. п. превращается в считаемое (т. е. обычно в название отдельного проявления данного качества или отдельной разновидности данного качества и т. п.), при нем становится возможным неопределенный артикль. Например: vi begikk en dumhet 'мы сделали глупость'; han har en stor sorg 'у него большое горе'; han følte en forferdelig sult 'он почувствовал ужасный голод'. При этом неопределенный артикль может подчеркивать, что данное проявление качества, переживания и т. п. действительно заслуживает своего названия. Например: en kløkt, en takt, en godmodighet! (В.) 'какой ум, какой такт, какое добродушие!'; det ble en glede! 'то-то была радость!'

Совершенно особое положение по отношению к «определенности» и «неопределенности» занимают собственные имена. Значение собственного имени не представляет собой общего по отношению к тому отдельному, с которым оно соотносится. Другими словами, собственное имя, как правило, лишено понятийного содержания. Соотнесенность собственного имени с отдельным в реальной действительности совершенно условна и всегда одинакова. Человек называется Яковом не потому, что он обладает свойствами, общими и существенными для всех Яковов, а потому, что его условились так называть. В любом контексте его имя будет всегда совершенно одинаково обозначать только его самого и ничего больше. Поэтому всякое собственное имя нейтрально в отношении «определенности» и «неопределенности» и либо вообще не имеет артикля, либо имеет определенный артикль, который, однако, не выражает «определенности» данного имени а является только показателем рода, числа или существительного как части речи.

Поэтому, как правило, не имеют артикля титулы и обозначения профессии при именах, поскольку они входят в состав собственного имени. Например: professor Olsen 'профессор Ульсен', general Hansen 'генерал Хансен', overlærer Knutsen 'инспектор Кнютсен', doktor Muus 'доктор Мюс', skomaker Jensen 'сапожник Йенсен', Nils skomaker 'сапожник Нильс', Skule jarl 'ярл Скуле'. Напротив, имеет суффиксированный артикль обозначение деятельности при имени известного художника, писателя и т. п., поскольку эти обозначения не входят в состав собственного имени. Например: dikteren Welhaven 'поэт Вельхавен', billedhuggeren Vigeland 'скульптор Вигеланд'.

Обычно не имеют артикля такие похожие на собственные имена существительные как helvete 'ад', paradis 'рай', høyesterett 'верховный суд' (в Норвегии).

Не имеют при себе артикля обозначения членов семьи, когда такие обозначения употребляются в пределах семьи как собственные имена. Например: far er ute 'отца нет дома'; er mor hjemme? 'мать дома?'. Часто не имеют при себе артикля и такие равнозначные собственным именам сочетания, как lille Helen Strømstad 'маленькая Хелен Стрёмстад', gamle fru Wilhelmina 'старая фру Вильгельмина'. Отсутствует артикль и в обращениях, поскольку всякое обращение приближается по функции к собственному имени. Например: kjære venn! 'дорогой друг', far! 'отец!' (фамильярное обращение к собеседнику). В эмоциональном обращении, однако, встречается суффиксированный артикль (ср. стр. 64). Например: du, lille gutten, ikke gråt 'не плачь, малыш'.

С другой стороны, суффиксированный определенный артикль как показатель рода входит в состав ряда географических названий и т. д., а именно названий рек и озер, некоторых стран, областей и т. п. Например: Glomma 'Гломма' (река в Норвегии), Nilen 'Нил', Themsen 'Темза', Elben 'Эльба', Seinen 'Сена', Tiberen 'Тибр', Rhinen 'Рейн', Mjøsa 'Мьёса' (озеро в Норвегии), Levanten 'Левант', Finnmarken 'Финнмаркен' (область в Норвегии).

Как показатель рода и числа суффиксированный артикль обычно входит в состав географических названий, представляющих собой сложное слово, второй элемент которого — имя нарицательное. Таковы, например, названия ряда морей (Østersjøen 'Балтийское море', Atlanterhavet 'Атлантический океан', Nordishavet 'Северный Ледовитый океан'); большинство названий улиц, переулков, площадей и т. п. (например: Industrigata, Parkveien, Pilestredet, Kjelsåsalléen, Jernbanetorget, Rådhusplassen), а также фьордов, областей и т. п. Например: Oslofjorden 'Ослофьорд', Østlandet 'Эстланд', Gudbrandsdalen 'Гюдбрансдален'.

В состав ряда географических названий входит суффиксированный артикль множественного числа. В этих случаях функция артикля в том и заключается, чтобы выразить множественное число. Например: Alpene 'Альпы', Færøene 'Фарерские острова', Dardanellene 'Дарданеллы', Nederlandene 'Нидерланды'. Свободный определенный артикль обычно сопровождает географические названия, имеющие при себе определение. Например: Det sydlige Russland 'Южная Россия', det store

Moskva 'большая Москва', *det gamle Orienten* 'старый Восток'. Но сочетание собственного имени с определением (если такое сочетание в свою очередь не превратилось в собственное имя) не лишено понятийного содержания. Поэтому определенный артикль в данном случае имеет свое обычное значение.

В эмоциональной речи суффиксированный артикль могут принимать иногда и собственные имена. Например: *lille Santossen*, ja, du er fin du, våres egen liten Santos (G.) 'Сантосик, милый, наш маленький Сантос'. Суффиксированный артикль имеет в этом случае значение ласкательное и шутливое или несколько пренебрежительное.

Суффиксированный артикль множественного числа могут принимать фамилии или названия членов одного рода. В этих случаях функция артикля в том и заключается, чтобы выражать множественное число. Например: *Wallenbergene* 'Валленберги', *Liene* 'семья Ли', *Ynglingene* 'род Инглингов'.

Само собой разумеется, что, превращаясь в нарицательное, имя собственное тем самым перестает быть нейтральным в отношении «определенности» и «неопределенности». Неопределенный артикль при имени собственном обычно и является показателем того, что в данном контексте оно является нарицательным. Например: *en Ibsen blir han aldri* 'Ибсеном (т. е. таким поэтом, как Ибсен) он не будет'; *er det en Rubens?* 'это картина Рубенса?'; *altsammen en ægte Carlo Dolci!* (B.) 'настоящий Карло Дольчи!'.

Напротив, когда имя нарицательное превращается в собственное, артикль становится при нем невозможен или срывается с ним. Например: *Sund* 'Зунд' (букв. 'пролив'), *Østen* 'Восток' (ср. *øst* 'восток' и *Det fjerne Østen* 'Дальний Восток', где срощившийся со словом *øst* суффиксированный артикль потерял и свое родовое значение).

Как уже указывалось, артикль является не только показателем «определенности» и «неопределенности» существительного, но также и показателем его значения как части речи, его числа и рода. Об этом свидетельствует прежде всего то, что он развился только при существительных, но не при других знаменательных частях речи, хотя «определенность» и «неопределенность» мыслимы и в отношении других знаменательных частей речи (кроме местоимений).

Не случайно артикль развивался во всех скандинавских языках параллельно редукции падежных окончаний существительного, которые являлись одновременно и показателями значения существительного как части речи, а также его рода

и числа. Не случайно, в частности, неопределенный артикль, который развился позднее определенного артикля, совершенно отсутствует в исландском языке, в котором сохранились более дифференцированные окончания существительного, чем во всех других скандинавских языках; а в шведском языке, в котором сохранились более дифференцированные окончания существительного, чем в норвежском и датском языках, употребляется меньше, чем в норвежском и датском языках.

Языки, в которых существительное сохранило достаточно морфологических показателей (как, например, русский язык), обходятся без артикля или ограничиваются тем, что в известных случаях выражают «определенность» и «неопределенность» существительного посредством порядка слов. Сравни, например, *en bok ligger på bordet* 'на столе лежит книга' и *boken ligger på bordet* 'книга лежит на столе'.

Характерно также, что артикль часто является средством субстантивации (см. § 22) и что он всего последовательнее употребляется при существительном в функции подлежащего, т. е. при существительном в той его синтаксической функции, в которой всего полнее выступает его значение существительного, но не употребляется при существительном в функции определения (за исключением существительного в родительном падеже) и часто отсутствует при существительном в функции дополнения, предикативного члена или при существительном, управляемом предлогом, поскольку во всех этих синтаксических функциях существительное имеет тенденцию в большей или меньшей степени терять свое значение существительного.

Так, артикль часто отсутствует при существительном в функции дополнения при глаголе, особенно если это существительное образует с глаголом фразеологическое единство, т. е. входит как составная часть во фразеологическое сочетание глагольного характера. Например: *å gi bryst* 'кормить грудью', *å ta del i* 'участвовать', *å ta frokost* 'завтракать', *å gjøre plass for* 'уступать место', *å gjøre lykke* 'иметь успех'. Артикль часто опускается в этом случае и при существительном с определением. Например: *å få gjennomgripende betydning* 'приобрести решающее значение'.

Очень часто отсутствует артикль при существительном, управляемом предлогом, опять-таки особенно, если это существительное образует с предлогом фразеологическое единство. Например: *møtet sluttet med valg av en felles fredskomite* (Fr.) 'собрание кончилось выборами общего комитета мира'; *med*

lav stemme 'тихим голосом'; å gå på skole 'ходить в школу'; det er på tide 'пора'; ved hjelp av 'с помощью'; ved solnedgang 'при заходе солнца'; for alvor 'серьезно'; i taushet 'молча'.

Обычно отсутствуют артикли и при парных существительных, соединенных сочинительным союзом и представляющих собой фразеологическое единство. Например: å leve som hund og katt 'жить как кошка с собакой', å sette himmel og jord i bevegelse 'привести в движение небо и землю', å arbeide dag og natt 'работать день и ночь', hus og hjem 'дом и домашний очаг', åker og eng 'поле и луг', kjøp og salg 'купля и продажа'.

Часто отсутствует артикль при существительном в функции предикативного члена. В этом случае, однако, имеет место дифференциация между сказуемым, которое выражает пребывание в определенном состоянии, и сказуемым, которое выражает качественную характеристику. В первом случае существительное в функции предикативного члена (обычно обозначение профессии, возраста, национальности и т. п.) не имеет артикля, во втором случае оно имеет неопределенный артикль. (Некоторую аналогию этому представляет различие в русском языке между «он был ребенком» и «он был ребенок».) Сравни, например, da hun var barn 'когда она была ребенком' и hun er et barn 'она — сущий ребенок'; hun er skuespillerinne 'она артистка' (по профессии) и hun er en skuespillerinne 'она артистка' (по характеру); hans far var vitenskapsmann 'его отец был ученым' и hans far var en berømt vitenskapsmann 'его отец был знаменитый ученый'; hun ble mor 'она стала матерью' и hun har vært en mor for ham 'она относилась к нему, как мать'; han ble ansatt som lærer 'он был принят на работу в качестве учителя' и han ble ansett for en narr 'его считали дураком'. И в этом случае отсутствие артикля выражает частичную потерю существительным его значения существительного. В еще большей мере такая потеря имеет место в выражениях типа det var skade 'жаль', det er synd på ham 'жалко его', в которых слова skade и synd и по своему лексическому значению отдифференцировались от полновесных существительных skade 'ущерб' и synd 'грех'.

От случаев, когда отсутствие артикля является результатом частичной потери существительным его значения существительного, следует отличать такие случаи, когда опущение артикля является средством придать стилю краткость, т. е. чисто стилистическим приемом (в заголовках и т. п.). Например: norsk ordliste, ny utgave 'список норвежских слов, новое издание'; soldat skutt ved vådeskudd (Fr.) 'солдат ранен слу-

чайным выстрелом'; tre døgn på holme (Fr.) 'три дня на островке'. Повидимому, такого же происхождения отсутствие артикля в выражениях типа: side 49 nederst 'страница 49 внизу', nummer tre 'номер три', а также в перечислениях.

Характерно, наконец, что в отдельных случаях употребление артикля противоречит его основному значению. Так, существительное принимает суффиксированный артикль в таких «неопределенных» по своему значению сочетаниях, как ikke mange ordene 'немного слов', ikke mange ukene 'немного недель', ikke stor trafikken 'небольшое движение', ikke så lang veien 'не так далеко', ikke rar velstanden 'не бог весть какое богатство', ikke rare veien 'не бог весть какая дорога', ikke brødbiten 'ни куска хлеба', knapp halvtimen etter 'едва полчаса спустя', det kunne være halvmilen igjen 'оставалось вероятно, какие-нибудь полмили', aldri det grann 'ни чуточки' и т. п.

В диалектах и в ослоском говоре возможны даже случаи, когда существительное имеет и суффиксированный определенный артикль и неопределенный артикль (или, вернее, нечто среднее между числительным «один» и неопределенным артиклем). Например: ein dagen 'однажды', ein mågen min 'мой зять',

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 19. Значением прилагательного как части речи обычно считается качество или признак, присущий предмету. Очевидно, однако, что, определяя так значение прилагательного, имеют в виду качество не в собственном смысле слова, а в «грамматическом», т. е. каком-то специфическом его смысле, так как, с одной стороны, лексическим значением прилагательного может быть, конечно, не только качество предмета в собственном смысле (как в так называемых качественных прилагательных, например: rød 'красный', god 'хороший'), но также и отношение одного предмета к другому (как в так называемых относительных прилагательных, например: russisk 'русский', medisinsk 'медицинский') или действие, которое присуще производить предмету, и т. д. (как в так называемых адъективизированных причастиях, например: elskende 'любящий', bitende 'пронизывающий'), а, с другой стороны, качество может быть выражено не только прилагательным, но и отвлеченным именем качества, т. е. существительным (например: rødme 'краснота', godhet 'добродетель') или глаголом, выражающим проявление

ние определенного качества (например: *gødme* 'краснеть', *hvitne* 'белеть').

Качество в грамматическом смысле, очевидно, аналогично предмету в грамматическом смысле (см. § 5), т. е. оно не обязательно совпадает с качеством в собственном смысле (как в качественных прилагательных). Но слово, выражающее качество в грамматическом смысле, т. е. прилагательное, всегда находится в такой же отнесенности к слову, выражающему предмет в грамматическом смысле, т. е. существительному, в какой понятие качества находится к понятию предмета, которому это качество присуще. Таким образом, грамматическим значением прилагательного как части речи является определенность рода отнесенности к существительному. Теряя эту отнесенность, прилагательное теряет свое значение прилагательного и превращается в другую часть речи.

Для норвежского языка, как и для других германских языков, характерно ограниченное по сравнению с русским языком количество производных прилагательных (в частности, отсутствие притяжательных прилагательных и некоторых типов относительных прилагательных). Словообразовательными элементами, характерными для прилагательного в норвежском языке, являются суффиксы *-lig*, *-ig*, *-isk*, *-(e)t(e)*, *-messig*, *-aktig*, *-bar*, *-som*, *-haftig*, *-laten* и некоторые другие. Однако далеко не все прилагательные в норвежском языке имеют словообразовательные элементы. Наиболее употребительные прилагательные, как правило, не имеют их. Например: *stor* 'большой', *lang* 'длинный', *grå* 'серый', *rett* 'правильный', *sky* 'застенчивый'. Основными формальными показателями прилагательного как части речи являются в норвежском языке согласование с существительным и функция определения.

Согласование прилагательного

§ 20. В норвежском языке прилагательное принимает различные окончания, т. е. склоняется, в зависимости от рода и числа определяемого им существительного, а также его «определенности» или «неопределенности» (см. §§ 17—18). Таким образом, форма прилагательного не имеет никакого самостоятельного грамматического значения. Она служит лишь для согласования прилагательного с определяемым им существительным, т. е. для того, чтобы показать, с каким существительным соотнесено данное прилагательное.

В зависимости от «определенности» или «неопределенности» существительного, определяющее его прилагательное принимает так называемую «слабую» (иначе «определенную») или «сильную» (иначе «неопределенную») формы.

Сильная форма прилагательного в единственном числе общего (мужского и женского) рода имеет нулевое окончание; в единственном числе среднего рода — окончание *-t*, во множественном числе обоих родов — окончание *-e*. Например: *en stor gutt* 'большой мальчик', *et stort bord* 'большой стол', *store gutter* 'большие мальчики', *store bord* 'большие столы'.

Слабая форма прилагательного имеет в обоих числах и всех родах окончание *-e*. Например: *den store gutten* 'большой мальчик', *det store bordet* 'большой стол', *de store guttene* 'большие мальчики', *de store bordene* 'большие столы', *hele dagen* 'целый день', *Olav den hellige* 'Улав святой'.

Таким образом, во множественном числе сильная и слабая формы всегда совпадают.

Как правило, сильная форма прилагательного употребляется при существительном с неопределенным артиклем или заменяющим его неопределенным местоимением (*noen*, *ingen*, *hver*), тогда как слабая форма прилагательного употребляется при существительном с определенным артиклем (свободным и суффиксированным или одним из них) или заменяющим его указательным или притяжательным местоимением. Исключениями являются прилагательные *egen* «собственный» и *annen* 'второй', которые принимают сильную форму в этом случае; например: *mitt eget barn* 'мой собственный ребенок', *hans annet barn* 'его второй ребенок'. В функции предикативного члена, сказуемого сложного дополнения и обособленного определения прилагательное имеет всегда сильную форму.

Прилагательное принимает сильную или слабую форму и тогда, когда «неопределенность» или «определенность» существительного не выражена артиклями или соответствующими местоимениями. Так, сильная форма прилагательного употребляется после местоимения *hvilken* в восклицательных предложениях (например: *hvilket stort hus!* 'какой большой дом!'), после ренитивного определения времени или меры (например: *en times hårdt arbeide* 'напряженная работа в продолжение часа') и в некоторых устойчивых словосочетаниях (например: *i full fart* 'полным ходом', *være ved godt mot* 'не падать духом'), а слабая форма прилагательного употребляется в восклицаниях и обращениях (например: *jeg arme mann!* 'я несчастный!', *du store verden!* 'о боже!'), после притяжа-

тельного генитивного определения (например: *guttens store hund* 'большая собака мальчика'), в постоянных эпитетах при собственных именах (например: *Halvdan svarte* 'Халдан черный', *Lille Eyolf* 'маленький Эйолф', *Gamle Norge* 'Старая Норвегия'), а также в некоторых устойчивых словосочетаниях (например: *i rette tid* 'вовремя', *i hele dag* 'целый день', *anførte sted* 'там же').

Сильная форма при существительном с определенным артиклем употребляется только в тех редких случаях, когда употребление артикля противоречит его основному значению (см. § 18, стр. 67). Например: *det var ikke rar moroen* 'это было не очень забавно', *han gikk ikke lang veien* 'он прошел недалеко'.

Принимая окончание, прилагательные претерпевают следующие внутренние изменения.

Принимая окончание *-e*, характерное для слабой формы и для множественного числа сильной формы, прилагательные на *-el*, *-en*, *-er* теряют гласный безударного конечного слога (например: *gammel* 'старый' — *gamle*; *doven* 'ленивый' — *dovne*; *vakker* 'красивый' — *vakre*), а адъективированные слабые причастия вторые на *-et* меняют *-et* на *-ed-*. Например: *elsket* 'любимый' — *elskede*; *saltet* 'соленый' — *saltede* (но сравни прилагательные на *-et*: *det rutete tørkleet* 'клетчатый платок', *krøketete veier* 'кривые пути').

Принимая окончание *-t*, характерное для сильной формы среднего рода, односложные прилагательные, оканчивающиеся на гласный или на долгий гласный + *t*, претерпевают сокращение корневого гласного. Например: *ny* 'новый' — *nytt*; *grå* 'серый' — *grått*; *god* [ˈgu:] 'хороший' — *godt* [ˈɡɔt:]; *fri* 'свободный' — *fritt*; *søt* 'сладкий' — *søtt*; *hvit* 'белый' — *hvitt*.

Особые формы имеет прилагательное *liten* 'маленький': сильная форма женского рода *lita*, среднего рода *lite*, слабая форма единственного числа *lille*, сильная и слабая формы множественного числа *små*. Особые формы имеет также прилагательное *eget* 'собственный': сильная форма среднего рода *eget*, сильная форма множественного числа *egne*.

Не принимает окончания *-e* большинство прилагательных, оканчивающихся на гласный. Например: *blå* 'синий', *øde* 'пустынный', *bra* 'хороший', *edru* 'трезвый'. Исключениями из этого правила являются *fri* 'свободный' — *frie*; *ny* 'новый' — *nye*; *stø* 'крепкий' — *støe*; *glad* [ˈɡla:] 'радостный' — *glade*; *god* [ˈgu:] 'хороший' — *gode*; *stri* 'упрямый' — *strie*; *rød* [ˈɔ:] 'красный' — *røde*; *kry* 'заносчивый' — *krye*.

Не принимают окончания *-t* прилагательные на *-ig*, *-lig*, *-isk*, *-sk*, согласный + *s* или *t*, *-tt*, *-dd*, *-et*, *-d*, *-t* и на гласный. Например: *riktig* 'правильный', *livlig* 'живой', *russisk* 'русский', *ens* 'одинаковый', *norsk* 'норвежский', *stakkars* 'несчастный', *svart* 'черный', *lett* 'легкий', *redd* 'боязливый', *elsket* 'любимый', *fremmed* 'чужой', *solid* 'солидный', *lat* 'ленивый', *kåt* 'шаловливый', *glad* 'радостный', *bra* 'хороший', *tro* 'верный'. Исключениями из этого правила являются *fersk* 'пресный' — *ferskt*; *frisk* 'свежий' — *friskt*; *rask* 'быстрый' — *raskt*; *falsk* 'фальшивый' — *falskt*; *barsk* 'суровый' — *barskt*; *våt* 'мокрый' — *vått*; *søt* 'сладкий' — *søtt*; *bløt* 'мягкий' — *bløtt*; *hvit* 'белый' — *hvitt*; *god* 'хороший' — *godt*; *rød* 'красный' — *rødt*; *fri* 'свободный' — *fritt*; *ny* 'новый' — *nytt*; *stø* 'крепкий' — *støtt*; *blå* 'синий' — *blått*; *grå* 'серый' — *grått*; *rå* 'сырой' — *rått*; *stri* 'упрямый' — *stritt*.

Никаких окончаний не принимают прилагательные на *-e*, *-es* и некоторые другие прилагательные. Например: *stille* 'тихий', *bange* 'боязливый', *elskende* 'любящий', *innvortes* 'внутренний', *avsidet* 'заброшенный', *felles* 'общий', *fagna* 'превосходный', *bra* 'хороший', *sta* 'упрямый', *sky* 'застенчивый', *edru* 'трезвый', *slu* 'хитрый', *ru* 'грубый', *sanntru* 'правдивый', *tro* 'верный', *lutter* 'чистый', *få* 'немногие'.

Функции прилагательного

§ 21. Прилагательное может быть: 1) определением (например: *en stor skog* 'большой лес', см. § 109); 2) предикативным членом именного сказуемого (например: *han er trett* 'он устал', см. § 95); 3) предикативным членом глагольно-именного сказуемого (например: *han gikk trett hjem* 'он пошел домой усталый', см. § 97); 4) предикативным членом дополнения (например: *det gjorde oss ulykkelige* 'это сделало нас несчастными', см. § 104); 5) сказуемым сложного дополнения (например: *vi trodde det mulig* 'мы считали, что это возможно', см. § 103); 6) обособленным определением. Например: *tause og forlegne reiser de seg (G.)* 'молчаливые и смущенные они встают', см. § 116.

Как правило, прилагательное может употребляться и атрибутивно, т. е. как определение, и предикативно, т. е. как предикативный член. В функции предикативного члена прилагательное имеет только сильную форму. Например: *veggen er hvit* 'стена белая', *huset er hvitt* 'дом бел', *veggene er hvite* 'стены белые'. Некоторые прилагательные в норвежском языке употребляются только атрибутивно. Например: *stakkars* 'несчастный', *innbyrdes* 'взаимный', *lutter* 'чистый', *alle-*

hånde 'всякие'. Напротив, другие употребляются только предикативно. Например: *enig* 'согласный', *redd* 'боязливый', *sint* 'сердитый'. Многие из таких «предикативных прилагательных» не принимают никаких окончаний. Например: *kvitt* 'квит', *var* 'сознающий', *bekjent* 'знакомый', *bevisst* 'сознательный', *angst* 'обеспокоенный', *alene* 'один', *verd* 'стоящий'. Тенденция к морфологическому обособлению прилагательного в предикативном употреблении сказывается и в том, что в предикативном употреблении прилагательное никогда не имеет слабой формы. Все же прилагательное в предикативном употреблении остается прилагательным, так как, оставаясь определением существительного, оно сохраняет свое значение «грамматического качества», хотя бы по своему лексическому значению оно выражало не качество, а состояние.

Субстантивация прилагательного

§ 22. Теряя свою отнесенность с существительным и выполняя синтаксические функции, характерные для существительного, прилагательное субстантивируется, т. е. приобретает значение существительного. Если оно при этом приобретает и все морфологические признаки существительного (способность принимать окончание множественного числа и родительного падежа и иметь при себе как определенный, так и неопределенный артикль), то оно становится неотличимым от существительного. Таким полностью субстантивированным прилагательным является, например, слово *kjæreste* 'жених', 'невеста', мн. ч. *kjærester*, род. п. *kjærestes*, с артиклями *en* *kjæreste*, *kjæresten*. Обычно, однако, субстантивированные прилагательные принимают не все морфологические признаки существительного, а только некоторые из них (всего чаще артикль) и сохраняют морфологические признаки прилагательного (окончания слабой или сильной формы).

В норвежском языке возможны следующие случаи такой неполной субстантивации прилагательного:

1) Слабые прилагательные со свободным определенным артиклем единственного числа общего рода или соответствующим притяжательным местоимением. Например: *den fremmede* 'незнакомец', *den avdøde* 'покойный', *min tilkommende* 'мой жених'.

2) Слабые прилагательные со свободным определенным артиклем множественного числа. Например: *de elskende* 'любящие', *de skyldige* 'виновные', *de fattige* 'бедные'.

3) Слабые прилагательные со свободным определенным артиклем единственного числа среднего рода или соответ-

ствующим притяжательным местоимением. Например: *det gode* 'добро', *det onde* 'зло', *mitt indre* 'мое нутро'.

4) Слабые прилагательные без артикля в значении единственного числа. Например: *god dag gamle!* 'здорово, старик!'.

5) Сильные прилагательные в единственном числе общего рода с неопределенным артиклем. Например: *en blind* 'слепой', *en lærd* 'ученый'.

6) Сильные прилагательные во множественном числе с нулевым артиклем. Например: *syke* 'больные', *store og små* 'большие и малые'.

7) Сильные прилагательные в единственном числе общего рода без артикля в значении множественного числа. Например: *gammel og ung* 'старые и молодые', *høy og lav* 'знатные и незнатные'.

8) Сильные прилагательные в единственном числе среднего рода без артикля. Например: *nå skal du få høre nytt* 'сейчас ты услышишь новость'; *han hadde fått hverken vått eller tørt* 'он ничего не пил и не ел'; *la oss tale om gammelt og kjært* 'поговорим о старом и дорогом'.

9) Прилагательные с суффиксированным определенным артиклем единственного числа общего или женского рода. Например: *Blakken* 'Буланка' (кличка лошадей), *styggen* 'урод', *vesla* 'малышка'.

Степени сравнения прилагательного

§ 23. Согласно грамматической традиции, так называемые степени сравнения прилагательного считаются формами прилагательного и относятся к морфологии. При этом, однако, не оговаривается, что степени сравнения прилагательного имеют общее не только со словоизменением, но и со словообразованием. Семантическое различие между «интересный» и «интереснее» или «старый» и «старейший» ближе к различию между «дом» и «домик» или «домище», чем к различию между «дом» и «доме» или «дому». Другими словами, семантическое отличие сравнительной и превосходной степеней от положительной степени скорее лексическое, чем грамматическое. С другой стороны, однако, парадигматическая регулярность, с которой степени сравнения образуются (от качественных прилагательных), сближает их с формами слова. Характерно, впрочем, что сравнительная и превосходная степени часто совершенно эквивалентны сочетанию двух знаменательных слов: «интереснее» — «более интересен» (как «домик» — «маленький

дом»). Такие сочетания слов часто считаются «аналитическими степенями сравнения», т. е. морфологическими словосочетаниями (см. § 3, стр. 21), но для этого едва ли есть основания, так как наречие «более» — это, повидимому, такое же знаменательное слово, как и наречия «менее», «очень» и т. п., и если «более интересен» — это аналитическая форма прилагательного, то тогда аналитическими формами прилагательного надо считать и «менее интересен», «очень интересен» и т. п., с чем едва ли кто-нибудь согласится. Словосочетания типа «более интересен» и т. п. включаются в морфологию, видимо, не потому, что это морфологические словосочетания, а потому, что они семантически эквивалентны степеням сравнения.

В норвежском языке сравнительная степень, как правило, образуется посредством суффикса *-ere* или (в случае прилагательных на *-e*) *-re*, а превосходная степень — посредством суффиксов *-est* или (в случае прилагательных на *-e*, *-lig*, *-ig*, *-som*) *-st*. Например:

Положительная степень		Сравнительная степень	Превосходная степень
høy (høg)	высокий	høyere (høgre)	høyest (høgst)
stille	тихий	stillere	stillest
livlig	живой	livligere	livligst
flittig	прилежный	flittigere	flittigst
noysom	умеренный	noysommere	noysomst

Прилагательные на *-el*, *-en*, *-er*, принимая суффиксы сравнительной и превосходной степени, теряют гласный конечного слога. Например:

Положительная степень		Сравнительная степень	Превосходная степень
edel	благородный	edlere	edlest
doven	ленивый	dovnere	dovnest
vakker	красивый	vakrere	vakrest

Для следующих прилагательных в сравнительной и превосходной степени характерны суффиксы *-re*, *-st* и внутренняя флексия:

Положительная степень		Сравнительная степень	Превосходная степень
få	немногие	færre	færrest
lang	длинный	lengre, lengere	lengst
stor	большой	større	størst ¹
tung	тяжелый	tyngre, tungere	tyngst, tungest
ung	молодой	yngre	yngst

¹ В восклицаниях иногда storeste (например: du storeste verden!).

Супплетивность в степенях сравнения характерна для следующих прилагательных:

Положительная степень		Сравнительная степень	Превосходная степень
gammel	старый	eldre	eldst
god (или bra)	хороший	bedre	best ¹
liten	маленький	mindre	minst
meget (или mye)	много	mer, mere	mest
mange	многие	flere	flest
vond (или ond)	плохой	verre ²	verst ³

Следующие прилагательные представляют собой по форме, но не по значению сравнительную степень, от которой образуется полноценная превосходная степень:

		Превосходная степень
bakre	задний (от bak 'сзади')	bakerst
fremre	передний (от fram 'вперед')	fremst
indre	внутренний (от inne 'внутри')	innerst, inst
midtre	средний (от midt 'в середине')	midterst
nedre	нижний (от nede 'внизу')	nederst, nedst
øvre	верхний (от oven 'сверху')	øverst, øvst
ytre	внешний (от ute 'вне')	ytterst, ytst

Следующие прилагательные представляют собой по форме, но не по значению сравнительную степень, от которой превосходная степень не образуется: høyre 'правый', venstre 'левый', nordre или nordre 'северный' (от nord 'север'), søndre или søre 'южный' (от sør 'юг'), vestre 'западный' (от vest 'запад'), østre 'восточный' (от øst 'восток').

Следующие прилагательные представляют собой по форме, но не по значению превосходную степень: forrest 'передний', først 'первый', mellomst 'средний' (от mellom 'между'), sist 'последний' (от siden 'после'), upperst 'высший' (от oppe 'наверху'), eneste 'единственный' (от en 'один'), selveste 'самый настоящий' (от selv 'сам').

Прилагательное nær 'близкий' образует сравнительную и превосходную степени посредством суффиксирования слов mere и mest: nærmere, nærmest.

Неодносложные прилагательные на *-sk*, *-s*, *-et*, адъективированные причастия, а также прилагательные fremmed 'чужой' и verd 'стоящий' имеют только семантические экви-

¹ В восклицаниях иногда godeste (например: min godeste Anna!).

² Иногда vondere, ondere.

³ Иногда vondest, ondest.

валенты сравнительной и превосходной степеней (или «аналитические степени сравнения»), образованные посредством слов *mer* и *mest*. Например:

<i>krigersk</i>	воинственный	<i>mer krigersk</i>	<i>mest krigersk</i>
<i>utvortes</i>	внешний	<i>mer utvortes</i>	<i>mest utvortes</i>
<i>støvet</i>	пыльный	<i>mer støvet</i>	<i>mest støvet</i>
<i>lysende</i>	сияющий	<i>mer lysende</i>	<i>mest lysende</i>

Такие семантические эквиваленты степеней сравнения употребляются и от других прилагательных.

Сравнительная степень прилагательного не склоняется и употребляется как в атрибутивной, так и в предикативной функции. Например: *et høyere hus* 'более высокий дом', *dette huset er høyere* 'этот дом более высок'. В атрибутивной функции сравнительная степень нередко имеет не относительное, а абсолютное значение. Например: *en bedre middag* 'хороший обед', *flere ganger* 'много раз', *en eldre dame* 'пожилая дама', *en lengre tur* 'длинная прогулка', *en høyere offiser* 'старший офицер'.

Превосходная степень прилагательного образует слабую и сильную формы. Слабая форма превосходной степени обычно употребляется в атрибутивной функции. В предикативной функции слабая форма возможна при сравнении между разными предметами. Например: *av mine sønner er Olav eldst* (или *den eldste*) 'из моих сыновей Улав старший'. Только сильная форма возможна в предикативной функции при сравнении предмета с самим собой в разных условиях. Например: *dagene er lengst om sommeren og kortest om vinteren* 'дни всего длиннее летом и всего короче зимой'. В атрибутивной функции превосходная степень нередко имеет не относительное, а абсолютное значение. Например: *uten den ringeste vanskelighet* 'без малейшей трудности'; *på beste måte* 'лучшим образом'; *med største fornøyelse* 'с величайшим удовольствием'; *ikke den minste forskjell* 'ни малейшего различия'.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

§ 24. В противоположность тому, что имеет место в отношении существительного, прилагательного, глагола и наречия, числительное осознается как числительное не потому, что ему свойственно особое грамматическое значение «числительности», о котором мы узнаем благодаря его морфологическим и синтаксическим свойствам, являющимся внешним показателем этого грамматического значения, но потому, что оно имеет

своим лексическим значением число. Естественно поэтому, что между лексическим значением числительного и его принадлежностью к числительным как части речи не может быть такого противоречия, какое может быть в существительном между его «непредметным» лексическим значением качества, действия, отношения и т. д. и его грамматическим значением «предметности» (например в словах «доброта», «хождение», «равенство» и т. п.). Числительное это всегда слово, которое обозначает число. И именно потому, что его значение как части речи есть в то же время его лексическое значение, определить это значение не представляет никакого труда. Оно есть число.

Морфологические и синтаксические особенности числительного уже потому не являются показателем грамматического значения данной части речи, что они в нем даже не обязательны. Слово, обозначающее число, может и не обладать морфологическими или синтаксическими особенностями, отличающими его от существительного и прилагательного. Если же оно ими и обладает, то эти особенности могут быть так же невелики, как особенности одной из лексических группировок существительных, например, существительных, являющихся названием вещества, и т. п. Почему же, спрашивается, эти последние не выделяются в особую часть речи, а числительные выделяются? Потому ли, что в случае числительного эти особенности все же больше? Нет, не потому, конечно, так как никакого мерила величины этих особенностей нет. Причина того, что числительное выделяется в особую часть речи, тогда как другие группировки слов, объединенные общим лексическим значением и более или менее значительными морфологическими и синтаксическими особенностями, не выделяются в особые части речи, заключается, очевидно в том, что в случае числительного группировка, объединенная общим лексическим значением и более или менее значительными морфологическими и синтаксическими особенностями, перекрывается группировками, объединенными общим грамматическим значением: среди числительных возможны и существительные, и прилагательные, и наречия (а в принципе возможны и глаголы), и, следовательно, числительное не часть части речи, а нечто, перекрывающее другие части речи, т. е. группировка такая же первичная, как другие части речи, хотя не соотносимая с ними как член деления одного понятия.

То, что числительные перекрываются другими частями речи, является, конечно, следствием того, что основание, по

которому оно выделяется в особую часть речи, совершенно отлично от основания, по которому выделяются в особую часть речи существительные, прилагательные, глаголы и наречия. Если бы мы сортировали какие-либо предметы, с одной стороны, по их цвету (т. е. синие, красные, желтые и т. д.), а с другой стороны — по их форме (т. е. квадратные, цилиндрические, шарообразные и т. д.), то естественно, что в группировке, отобранной по одному из этих оснований (например среди синих предметов), могли бы оказаться и любые из предметов, отобранных по другому основанию (т. е. и квадратные, и цилиндрические, и шарообразные). Точно так же в группировке слов, выделяющихся по своему лексическому значению, могут оказаться слова, принадлежащие к любой из группировок, выделяющихся по их грамматическому значению.

Противоречие между грамматическим и лексическим значением числительного (то, что число представлено в нем как «грамматический предмет» или «грамматическое качество») является причиной, характерной для числительного большой отвлеченности его лексического значения. Однако то, что значение числительного обладает большой отвлеченностью, само по себе еще не является признаком того, что оно не лексическое, а грамматическое значение (см. § 2, стр. 10).

Показательно стремление грамматистов отделить числительные в узком смысле слова, или собственно «числительные», т. е. слова с лексическим значением числа и некоторыми морфологическими или синтаксическими особенностями (в русском языке такими числительными будут, например, слова «два», «три», «четыре» и т. п.) от числительных в широком смысле, т. е. просто слов с лексическим значением числа (в русском языке числительные в таком смысле включают и слова «первый», «второй» и т. д.).

Числительные в широком смысле — это чисто лексическая группировка, поскольку она выделяется на основании определенного лексического значения. Числительные в узком смысле — это лексико-грамматическая группировка, так как она выделяется на основании определенного лексического значения в сочетании с некоторыми морфологическими и синтаксическими особенностями. Между тем существительное, глагол, прилагательное и наречие — это чисто грамматические группировки, поскольку они выделяются на основании определенного грамматического значения, выразителем которого являются различные морфологические и синтаксические особенности.

Количественные числительные

§ 25. Основные количественные числительные следующие:

1 en, ср. р. ett, слабая форма ene	21 tjuen или en og tjue
2 to	22 tjueto или to og tjue и т. д.
3 tre	30 tretti ['trɛt : i] или tredve ['trɛdvə]
4 fire	40 førti ['fɔt : i] или førr
5 fem	50 femti ['fɛmti]
6 seks	60 sɛksti ['sɛksti]
7 sju ¹ или syv	70 sytti ['sɔt : i]
8 åtte	80 åtti ['ɔt : i]
9 ni	90 nitti ['nit : i]
10 ti	100 (ett) hundre
11 elleve ['ɛlvə]	101 (ett) hundre og en и т. д.
12 tolv ['tɔl :]	121 (ett) hundre og tjuen и т. д.
13 tretten	1000 tusen ['tʉ : sn]
14 fjorten	1 000 000 million и т. д.
15 femten	639 886 753 seks hundre og trettini
16 seksten ['sɛistn]	millioner åtte hundre
17 sytten ['sɔt : n]	og åttiseks tusen sju
18 atten	hundre og femtite
19 nitten	
20 tjue ¹ ['tʉ : ə] или tyve	

Количественное числительное употребляется либо как определение при существительном (например: seks studenter 'шесть студентов'), либо как именной член предложения, т. е. подлежащее, дополнение или предикативный член (например: fire er nok 'четыре довольно', vi var fem 'нас было пятеро'). Выступая как именной член предложения, количественное числительное может иметь при себе определение и свободный определенный артикль и стоять в родительном падеже. Например: de fires tegn 'знак четырех', han var alle tre's gjest 'он был гостем всех трех', de store fire 'большая четверка'. Однако количественное числительное все же отличается по своим морфологическим и синтаксическим свойствам как от прилагательного, так и от существительного.

В отличие от прилагательного количественное числительное обладает следующими особенностями:

1. Количественное числительное не согласуется с существительным, которое оно определяет, ни в роде, ни в числе, ни в определенности или неопределенности. Исключением является числительное en 'один' (ср. р. ett, слабая форма ene). Сравни, однако, tjuen (а не ett) år '21 год' и т. п.

¹ Более норвегизированная форма.

2. Количественное числительное не может определять существительное, которое имеет при себе артикль. Исключением являются случаи, когда суффиксированный определенный артикль при существительном обусловлен наличием при существительном указательного местоимения. Например: *de tre bøkene som jeg har lest* 'те три книги, которые я прочел'. В предложениях типа *han er en førti år gammel* 'ему около сорока лет' *en* не числительное, а наречие.

3. Количественное числительное обуславливает число существительного, которое оно определяет. Например: *en bok* 'одна книга', *tre bøker* 'три книги'.

В отличие от существительного количественное числительное не имеет формы числа и не может иметь при себе неопределенного артикля и суффиксированного определенного артикля. Исключениями являются слова *hundre* 'сто', *tusen* 'тысяча', *million* 'миллион', *billion* 'биллион' и т. д., которые не отличаются от других существительных по своим синтаксическим и морфологическим свойствам.

Порядковые числительные

§ 26. Основные порядковые числительные следующие:

1-й <i>første</i>	10-й <i>tiende</i> [-nə]
2-й <i>annen</i> [ʼa : n] или <i>andre</i> , сп. р. <i>annet</i> [ʼa : nt]	11-й <i>ellevte</i>
3-й <i>tredje</i>	12-й <i>tolvte</i> [ʼtoltə]
4-й <i>fjerde</i> [ʼfjæ : rə]	13-й <i>trettende</i> [-nə] и т. д.
5-й <i>femte</i>	20-й <i>tjuende</i> или <i>tyvende</i>
6-й <i>sjette</i>	21-й <i>tjueførste</i> и т. д.
7-й <i>sjuende</i> или <i>syvende</i> [-nə]	30-й <i>trettiende</i> или <i>tredevte</i>
8-й <i>åttende</i> »	40-й <i>førtiende</i> и т. д.
9-й <i>niende</i> »	100-й <i>hundrede</i>
	1000-й <i>tusende</i> и т. д.

Порядковые числительные не отличаются по своим синтаксическим и морфологическим свойствам от слабых прилагательных. Исключением является числительное *annen* 'второй', которое имеет форму среднего рода. Например: *for det annet* 'во-вторых'.

Количественное числительное употребляется в норвежском языке для обозначения числа годов в датах (например: *året nitten hundre og tjuefire* 'тысяча девятьсот двадцать четвертый год'), а также в выражениях типа *side hundre og en* 'страница сто первая', *pnummer tre* 'номер третий' и т. п.

Дроби

§ 27. Основные дроби следующие:

$\frac{1}{2}$	<i>halv</i> [ʼhal :], сп. р. <i>halvt</i> , слабая форма <i>halve</i>
$\frac{1}{3}$	<i>en tredjedel</i> или <i>tredel</i>
$\frac{1}{4}$	<i>en fjerdedel</i> или <i>firedel</i> или <i>et kvarter</i> ¹
$\frac{1}{5}$	<i>en femtedel</i> или <i>femdel</i>
$\frac{2}{3}$	<i>to tredjedeler</i> или <i>to tredeler</i> и т. д.
$\frac{11}{2}$	<i>en og en halv</i> или <i>halvannen</i>
$\frac{21}{3}$	<i>to og en tredjedel</i> или <i>to og en tredel</i> .

Собирательные числительные

§ 28. Основные собирательные числительные следующие:

<i>en halvdel</i> или <i>halvpart</i>	'половина'
<i>et par</i>	'пара'
<i>et snes</i>	'два десятка'
<i>et halvsnes</i>	'десяток'
<i>et dusin</i> [du'si : n]	'дюжина'
<i>en tyllft</i>	'дюжина'
<i>et gross</i>	'12 дюжин', 'гросс'

Дроби и собирательные числительные, как правило, не отличаются по своим синтаксическим и морфологическим свойствам от существительных. Исключением является слово *halv*, которое имеет все формы прилагательного (например: *et halvt år* 'полгода', *halve Norge* 'половина Норвегии', но сравни *halvparten av boken* 'половина книги'; *den nedre halvdel av bordet* 'нижняя половина стола'), а также слова *halvannen*, *halvtredje* и т. д., которые аналогичны порядковым числительным. Собирательное числительное *par* может употребляться и как количественное числительное. Например: *i disse par timer* 'в эту пару часов'.

Счетные наречия

§ 29. Счетные наречия *dobbelt* 'вдвойне', *tredobbelt* 'втройне' и т. д. употребляются как обычные наречия. Например: *dobbelt så mange* 'вдвое больше'; *han ser dobbelt* 'у него двоится в глазах'. Они употребляются и как прилагательные. Например: *dobbelt bunn* 'двойное дно'.

¹ Только о часах.

МЕСТОИМЕНИЕ

§ 30. То, что и местоимение является группировкой, перекрывающейся с существительными, прилагательными и наречиями, не подлежит сомнению. Об этом ясно свидетельствует, в частности, общепринятая терминология, согласно которой местоимения делятся на «местоименные прилагательные», «местоименные существительные» и «местоименные наречия» или «существительные-местоимения» и т. д.

Очевидно поэтому, что и местоимения выделяются как часть речи не по тому основанию, по которому выделяются существительные, прилагательные, глаголы и наречия, т. е. не по грамматическому значению, сопутствующему их лексическому значению. Не выделяются ли они в таком случае, подобно числительному, по их лексическому значению? В самом деле, содержание лексического значения местоимений довольно единообразно. Местоимения определяются как слова, которые по содержанию своего лексического значения выражают отношение говорящего к действительности, которое требует уточнения в процессе речи, или иначе — самоориентацию субъекта речи по отношению к предмету речи. Так, личные местоимения первого лица единственного числа выражают отнесенность предмета речи к самому субъекту речи, указательное местоимение выражает отнесенность того, о чем говорит субъект речи, к тому, что находится непосредственно перед ним, или тому, о чем он только что говорил, и т. д.

Специфика местоимения как части речи заключается, однако, в том, что оно выделяется не только по содержанию своего лексического значения, но и по его функции в речи. Местоимение не может быть употреблено иначе, как будучи конкретизировано контекстом или ситуацией, т. е. оно не может быть употреблено в родовом значении. В любом контексте и в любой ситуации «я» будет обозначать не абстрактную отнесенность предмета речи к самому субъекту речи, а конкретного человека — Ивана Ивановича Иванова, Петра Михайловича Петрова и т. д. Если же «я» употреблено в значении абстрактной отнесенности предмета речи к субъекту речи, т. е. в родовом значении (например: «наше я» или «я — является понятием, которое...»), то оно уже будет обычным существительным, а не местоимением. Единственным исключением в этом отношении являются неопределенные, отрица-

тельные и вопросительные местоимения, само значение которых исключает конкретную соотнесенность.

Таким образом, основание, по которому местоимение выделяется в особую часть речи (содержание и функция его лексического, т. е. основного, значения), отлично как от основания, по которому выделяется числительное (содержание его лексического значения), так и от основания, по которому выделяется, например, существительное (содержание грамматического значения, сопутствующего его лексическому значению).

Вместе с тем, основание, по которому местоимение выделяется в особую часть речи, сходно с основанием, по которому выделяются группировка знаменательных слов, с одной стороны, и группировка служебных слов — с другой. Ведь эти группировки выделяются также по функции их значения: знаменательные слова — это слова, достаточно самостоятельные по своему значению для того, чтобы выступать как члены предложения, тогда как служебные слова — это слова недостаточно самостоятельные по своему значению для того, чтобы выступать как члены предложения. Поэтому возможно было бы разделить слова на три группы: слова местоименные, знаменательные и служебные. Однако последние две группировки не принято считать двумя самостоятельными частями речи, потому, очевидно, что большинство традиционных частей речи входит в эти группировки как их подразделения (существительные, прилагательные, глаголы и наречия — в группировку знаменательных слов; предлоги, союзы и т. д. — в группировку служебных слов).

Местоимения отличаются от других знаменательных частей речи еще и тем, что число слов, относящихся к этой группировке очень ограничено, а их морфологические и синтаксические свойства довольно разнообразны. Поэтому, в то время как в разделах грамматики, посвященных другим знаменательным частям речи, рассматриваются в основном общие грамматические свойства данной группировки слов, в разделе грамматики, посвященном местоимениям, рассматриваются в основном грамматические свойства отдельных слов данной группировки.

К местоимениям должны были бы быть отнесены и так называемые местоименные наречия (например: *her* 'здесь', *der* 'там' и т. п.). Однако, поскольку по своим синтаксическим и морфологическим свойствам эти слова не отличаются от других наречий, их обычно рассматривают вместе с другими наречиями.

Личные местоимения

§ 31. Личные местоимения имеют в норвежском языке следующие формы (см. таблицу на следующей странице).

Все личные местоимения являются местоименными существительными. Однако, в отличие от других существительных, личное местоимение никогда не имеет при себе артикля и, как правило, не может определяться прилагательным или существительным.

Личные местоимения имеют два падежа: субъектный и объектный. В функции подлежащего личное местоимение принимает субъектный падеж. В функции дополнения (беспредложного, предложного или косвенного) оно принимает объектный падеж. Например: han så meg 'он видел меня'; han ga meg boken 'он дал мне книгу'; han kom med meg 'он пришел со мной'; han talte om meg 'он говорил обо мне'. В функции предикативного члена местоимение может принимать объектный падеж, однако в разговорном языке чаще принимает субъектный падеж. Например: det er meg (или det er jeg) 'это я'. Объектный падеж употребляется также после прилагательного в восклицаниях (например: stakkars deg! 'бедный!', kjære Dem! 'дорогой!') и после союзов enn и som. Например: han er eldre enn meg 'он старше меня'; som oss 'как мы'. Субъектный падеж появляется иногда вместо объектного в придаточных предложениях и т. д. Например: lad dem hvile, de som borte er (I.) 'оставьте их в покое, их, которые ушли'. Колебания между субъектным и объектным падежами имеют место и в некоторых других случаях. Так, в разговорном языке han часто употребляется вместо ham, dem вместо de, а иногда, наоборот, de вместо dem.

Личные местоимения имеют формы единственного и множественного числа. Однако форма множественного числа первого и второго лица означает не множество соответствующих единиц (т. е. не множество jeg 'я' или du 'ты'), а соответствующую единицу совместно с другими лицами. Vi может иметь значение и единственного числа (в обращении к детям и т. п. или в высказывании автора о самом себе).

Личные местоимения первого и второго лица не имеют рода. Личное местоимение третьего лица имеет четыре формы рода.

Han, форма личного мужского рода, обозначает лицо мужского пола, в сказках и т. п. — также животное мужского пола (лошадь, собаку, волка и т. п.), в языке моряков также

Личное местоимение	Личное местоимение	1-е лицо		2-е лицо		3-е лицо			
		Субъект-ный падеж	Объект-ный падеж	фамиль-яри.	почти-тельн.	личные		предметные	
						мужск. рода	женск. рода	общ. рода	средн. рода
Единств. число	Субъект-ный падеж	jeg [ˈjɛi, jɛ]	du [ˈduː, du]	deg [ˈdɛi, dɛ]	De [ˈdiː, di]	han [ˈhanː, han]	hun [ˈhunː, hun]	den [ˈdɛnː, den]	det [ˈdɛː, de]
	Объект-ный падеж	meg [ˈmɛi, mɛ]			Dem [ˈdɛmː, dɛm]	ham ¹ [ˈhamː, ham]	henne ² [ˈhɛnːə, hɛnə]		
Множ. число	Субъект-ный падеж	vi [ˈviː, vi]		dere [ˈdɛːrə, dɛrə]	De [ˈdiː, di]			de [ˈdiː, di]	
	Объект-ный падеж	oss [ˈɔsː, ɔs]		dere [ˈdɛːrə, dɛrə]	Dem [ˈdɛmː, dɛm]			dem [ˈdɛmː, dɛm]	

¹ В разговорной речи встречается также han и суфигурированная форма 'n. Например: har du sett 'n? 'ты его видел?'

² В разговорной речи встречается также суфигурированная форма 'a. Например: har du sett 'a? 'ты ее видел?'

ветер (например: *han blåser hardt i dag* 'сегодня сильный ветер').

Hun, форма личного женского рода, обозначает лицо женского пола, в сказках и т. п. также животное женского пола, в языке моряков также корабль (например: *hun seiler godt* 'корабль идет хорошо').

Den, форма предметного общего рода, обозначает не-лицо общего рода (т. е. предмет, животное, отвлеченное понятие и т. п.). Уничжительно *den* может иногда обозначать и лицо. Например: *nei se på den du!* 'нет, посмотри-ка на него!'.
Det, форма предметного среднего рода, обозначает не-лицо среднего рода, также ребенка. В функции предикативного члена *det* может обозначать и лицо. Например: *han ville bli sjømann og han ble det* 'он хотел стать моряком, и он стал им'. Местоимение *det* может относиться и к инфинитиву или предикативному прилагательному. Например: *kan den komme in?* — *La den det!* (В.) 'можно ей (делегации) войти? — Пусть она войдет!'; *de må være dyre?* *Det er de også* (В.) 'они должно быть дороги? — Да, они дороги'.

В личном местоимении второго лица как в единственном, так и в множественном числе различаются формы, употребляемые в фамильярном обращении (*du* 'ты', *dere* 'вы'), и формы, употребляемые в более любезном обращении (*De* 'Вы'). В еще более любезном старомодном обращении местоимение заменяется титулом, званием и т. д. Например: *hva mener frøkenen?* 'что вы хотите сказать?', *hva ønsker kapteinen?* 'что вам угодно?'. Личное местоимение второго лица I 'вы', *eder* или *jeg* 'вас', еще недавно употреблявшееся в книжном языке, сейчас совсем вышло из употребления.

Личные местоимения *de* и *du* употребляются иногда в значении неопределенно-личных. Например: *de sier* 'говорят', *du skal ikke slå ihjel* 'нельзя убивать'.

В разговорной речи личные местоимения третьего лица часто употребляются при собственном имени или другом обозначении лица с целью показать, что это лицо знакомо не только говорящему, но и слушающему. Например: *men det tenkte han Jakob ikke* (Во.) 'но Якоб не думал этого'; *hun Aimée kan prise seg lykkelig at hun er ferdig med ham* (Г.) 'Эма может считать себя счастливой, что она отделалась от него'.

В разговорной речи личное местоимение любого лица часто употребляется плеонастически в конце предложения, в котором оно является подлежащим. Например: *jeg ved ikke noget*

mere om ham jeg (А.) 'я больше ничего не знаю о нем'; *hun har ligget i hele vinter hun* (Во.) 'она пролежала целую зиму'; *men du tok nu av deg hatten, du og* (Во.) 'но ведь ты тоже снял шляпу'; *du er god, er du* (В.) 'ты хорошая'.

Возвратное местоимение

§ 32. Возвратное местоимение *seg* 'себя', которое всегда выступает как местоименное существительное, имеет только объектный падеж и не имеет ни форм рода, ни форм числа. Оно всегда выполняет функцию дополнения, выражающего объект, который одновременно является производителем действия, и может относиться только к третьему лицу как единственного, так и множественного числа. В первых двух лицах в функции дополнения, выражающего объект, который одновременно является производителем действия, употребляется не возвратное местоимение, а объектный падеж соответствующего личного местоимения (*meg, oss, deg, Dem, dere, Dem*). Например: *han vasker seg* 'он моется', *man ba dem skynde seg* 'их попросили поторопиться', *hun tenker bare på seg selv* 'она думает только о себе'. Но сравни: *jeg vasker meg* 'я моюсь', *vi vasker oss* 'мы моемся', *du vasker deg* 'ты моешься', *dere vasker dere* 'вы моетесь' и т. д.

Взаимные местоимения

§ 33. Взаимные местоимения *hverandre* и более книжное *hinannen* 'друг друга' не имеют форм числа и рода. Они выполняют функцию дополнения, выражающего объекты, каждый из которых в то же время является производителем действия. Взаимное местоимение может относиться к любому лицу. Например: *vi elsker hverandre* (или *hinannen*) 'мы любим друг друга'; *de tenker på hverandre* (или *hinannen*) 'они думают друг о друге'. Первоначально *hverandre* употреблялось только в случае многих объектов, производителей действия, а *hinannen* — в случае двух. В современном языке *hverandre* и *hinannen* не различаются по значению. В форме родительного падежа взаимное местоимение может выступать в функции определения. Например: *vi leste hinannens bøker* 'мы читали книги друг друга'.

Притяжательные местоимения

§ 34. Притяжательные местоимения соотносительны личным местоимениям первого и второго лица и возвратному местоимению, и поэтому делятся на личные притяжательные и возвратные притяжательные.

Притяжательные местоимения имеют следующие формы:

		Единственное число			Множественное число
		мужск. и общ. род	женск. род	средн. род	
Личные притяж.	1-е лицо един. числа	min	mi	mitt	mine
	1-е лицо множ. числа	vår	vår	vårt	våre
	2-е лицо един. числа	din	di	ditt	dine
	2-е лицо множ. числа	deres	deres	deres	deres
Возвратн. притяж.	3-е лицо един. и множ. числа	sin	si	sitt	sine

Как видно из таблицы, особые формы притяжательных местоимений есть только для первого и второго лица и возвратного местоимения. Однако притяжательным по своему значению является и родительный падеж личных местоимений третьего лица (hans, hennes, dens, dets), а также родительный падеж всех других местоимений, которые употребляются как существительные и имеют форму родительного падежа (например: dettes, noens, ingens и т. д.).

Притяжательные местоимения имеют разные формы для единственного и множественного числа, а также для мужского или общего, женского и среднего рода (min 'мой', mi 'моя', mitt 'мне', mine 'мои'). Кроме того, личные притяжательные местоимения имеют разные формы для первого и второго лица

и для выражения принадлежности одному лицу (min 'мой', din 'твой' и т. д.) и многим лицам (vår 'наш', deres 'ваш' и т. д.).

Форма женского рода (mi, di, si) обязательна, если местоимение следует за существительным, которое имеет при себе суффиксированный определенный артикль женского рода (-a). Например: boka mi 'моя книга', hytta di 'твоя избушка'. Напротив, форма женского рода невозможна, если местоимение следует за существительным, которое имеет при себе суффиксированный определенный артикль общего рода (-en). Например: boken min 'моя книга', hytten din 'твоя избушка'. В других случаях форма женского рода факультативна. Например: min bok или mi bok 'моя книга', din hytte или di hytte 'твоя избушка'.

Все притяжательные местоимения являются местоименными прилагательными. Во множественном числе и в среднем роде они могут субстантивироваться. Например: han har tapt alle sine 'он потерял всех своих'; du og dine 'ты и твои домашние'; enhver sitt 'каждому свое'.

Всякое притяжательное местоимение может стоять после определяемого им существительного, которое в этом случае неизменно имеет при себе суффиксированный определенный артикль. Например: huset mitt 'мой дом', morsmålet sitt 'свой родной язык'. Однако постпозиция притяжательного местоимения, которая особенно характерна для разговорного языка, не может иметь места, если смысловое ударение падает на это местоимение, а не на определяемое им существительное. Например: det er nu min mening 'таково мое мнение'; han hadde sine planer, han og 'у него также были свои планы'; i mine øyne er han uten skyld 'в моих глазах он не виноват'. Постпозиция притяжательного местоимения невозможна также, например, в выражениях: mitt håp 'моя надежда'; min drøm 'моя мечта'; mitt livs glede 'радость моей жизни'; sine beste år 'свои лучшие годы'; din egen skyld 'твоя собственная вина' и т. д.

Возвратное притяжательное местоимение (sin, si, sitt, sine) относится только к третьему лицу. В других лицах в возвратном значении употребляются соответствующие личные притяжательные местоимения. Например: han så vennen sin 'он видел своего друга' (но сравни: jeg så vennen min 'я видел своего друга'); de har mistet bøkene sine 'они потеряли свои книги' (но сравни: De har mistet bøkene Deres 'вы потеряли свои книги'). Однако у норвежских авторов XIX в. и в третьем

лице встречается *deres* вместо *sine* (как в датском языке).

Возвратные притяжательные местоимения, в отличие от родительного падежа личного местоимения третьего лица (*hans, hennes, dens, dets, deres*), обычно относятся к ближайшему предшествующему субъекту действия, причем это может быть не только субъект действия, выраженного глаголом в личной форме, но и субъект действия, выраженного инфинитивом, отглагольным именем или прилагательным. Например: *gutten leste boka si* 'мальчик читал свою книгу' (но сравни: *han ble sint, gutten leste boka hans* 'он рассердился, мальчик читал его книгу'); *han ba henne hjelpe søsteren sin* 'он попросил ее помочь своей (т. е. ее) сестре' (но сравни: *han ba henne hjelpe søsteren hans* 'он попросил ее помочь его сестре'). Сравни, однако, выражения: *i sin tid* 'в свое время'; *han ga enhver sitt* 'он отдал каждому свое'; *han la boka på sin plass* 'он положил книгу на свое место' и т. п.

Притяжательное местоимение *din* не имеет притяжательного значения в выражениях типа *din narr!* 'дурак!'; *din tosk!* 'болван!'; *din pedant!* 'педант!' и т. п.

В разговорном языке (особенно на западе и севере Норвегии) личное притяжательное местоимение третьего лица в положении между двумя существительными выражает, что второе существительное определяет первое в отношении принадлежности. Например: *hatten hans far* 'шапка отца', *hønen hennes Helga* 'курица Хельги'. В аналогичной конструкции с возвратным притяжательным местоимением первое существительное определяет второе в отношении принадлежности. Например: *gutten sin hatt* 'шапка мальчика', *mor sine penger* 'деньги матери', *professoren i Oslo sitt brev* 'письмо профессора из Осло'.

Указательные местоимения

§ 35. К указательным местоимениям относятся *denne, den, hin, sånn* или *sådan, slik, så* и *den samme*.

Местоимения *denne* 'этот' (ср. р. *dette*, мн. ч. *disse*), *den* 'тот', 'этот' (ср. р. *det*, мн. ч. *de*), *hin* 'тот' (ср. р. *hint*, мн. ч. *hine*) являются местоименными прилагательными, которые могут субстантивироваться. Например: *dette er min hatt* 'это моя шляпа'. В родительном падеже они всегда субстантивированы. Например: *den første dennes* 'первое число этого месяца'.

При противопоставлении более близкого предмета более отдаленному *denne* обычно указывает на предмет более близ-

кий, *den* — на предмет более отдаленный. В подкрепление этого различия местоимения *denne* и *den* часто при себе имеют наречия *her* 'здесь' и *der* 'там'. Например: *denne boka her er bedre enn den boka der* 'эта книга лучше, чем та'; *begge veiene vil føre oss til byen, denne her er kort, den der gjør en stor krok* 'обе дороги приведут нас в город, эта дорога короткая, та — делает большой крюк'. Вне противопоставления более близкого предмета более дальнему местоимение *den* может иметь то же значение, что и *denne*, т. е. указывать на нечто, находящееся или происходящее непосредственно перед говорящим, только что упомянутое или известное. Например: *i det huset bor jeg* 'я живу в этом доме'; *der er ingen mening i det der* 'в этом нет никакого смысла'.

Местоимение *den* может выражать и предваряющее указание. Например: *men det sier jeg deg* 'но вот что я тебе скажу'. Всего чаще оно выражает предваряющее указание при существительном, которое имеет при себе определение в форме придаточного предложения. Например: *de må ha den mening de vil* 'они могут иметь такое мнение, какое они хотят'. Указательное местоимение *det* может выражать предваряющее указание на следующий за ним инфинитив или придаточное предложение. Например: *der er noe grufult i det å være alene* 'есть что-то ужасное в одиночестве'; *det at finde barnet var det samme som at finde fred* (Bo.) 'найти ребенка значило обрести покой'. Предваряющее указание местоимение *det* выражает и в функции так называемого «предваряющего подлежащего» (см. § 92).

В сочетании с местоименными наречиями *her* и *der*, предложным определением или определительным придаточным предложением, указательными местоимениями могут быть также *han* и *hun*. Например: *hva er det hun der heter?* 'как зовут ту, которая находится там?'; *den rejsende tænkte uvilkarlig på henne i regnkåpen* (B.) 'путешественник невольно подумал о той, которая была в дождевом плаще'; *Stina het hun som nættop hadde forlatt os* (B.) 'ту, которая нас только что покинула, звали Стиной'. *Han* и *hun* являются указательными местоимениями также в таких предложениях: *den som steller seg slik, han fortjener nesten ikke medlidenhet* 'тот, кто ведет себя так, почти не заслуживает сочувствия'.

Местоимение *hin* всегда указывает на нечто более отдаленное, но в современном языке это местоимение устарело и употребляется только в некоторых выражениях. Например: *i hine hårde dage* 'в те суровые дни'.

Указательные местоимения *sånn* или *sådan* 'такой' (ср. р. *sånt*, *sådant*, мн. ч. *sånne*, *sådanne*) и *slik* 'такой' (ср. р. *slikt*, мн. ч. *slike*) являются местоименными прилагательными, которые имеют только сильную форму и часто сопровождаются неопределенным артиклем, или местоименными существительными. Например: *en sånn mann* 'такой человек'; *sånne folk* 'такие люди'; *eller noe sånt* 'или что-нибудь в этом роде'; *sånn er han* 'таков он'. Так же употребляется и местоимение *slik*. *Sånn* и *slik* могут быть, кроме того, и местоименными наречиями. Например: *sånn forholder det seg* 'так обстоит дело'; *han snakket slik at det gikk rundt for meg* 'он болтал так, что у меня голова шла кругом'.

Så является указательным местоименным прилагательным ('такой') только в выражениях: *i så fall* 'в таком случае', *i så mate* 'таким образом'.

Указательное местоимение (*den*) *samme* 'тот же самый' (ср. р. *det samme*, мн. ч. *de samme*) является как местоименным прилагательным, так и местоименным существительным. Например: *den samme mann* 'тот же самый человек'; *med det samme* 'сразу'; *det er det samme* (или *det er ett og det samme*, *det gjør det samme*, *det kan være det samme*) 'это все равно'; *den selv samme* 'совершенно тот же самый'; *samme dag* 'в тот же день'.

Вопросительные местоимения

§ 36. К вопросительным местоимениям относятся *hvem*, *hva*, *hva for en*, *hva for noen*, *hvis* и *hvilken*.

Местоимение *hvem* 'кто' является местоименным существительным и выполняет функцию как подлежащего, так и дополнения. Например: *hvem vil seire?* 'кто победит?'; *hvem taler du om?* 'о ком ты говоришь?'; *hvem av dem?* 'кто из них?'.

Местоимение *hva* 'что' тоже обычно является местоименным существительным. Например: *hva er det?* 'что это?'; *hva taler du om?* 'о чем ты говоришь?'; *hva behager?* 'что вы сказали?' (букв. 'что вам угодно?'); *hva heter du?* 'как тебя зовут?'; *hva er Deres navn?* 'как ваша фамилия?'. Иногда, однако, *hva* употребляется как местоименное прилагательное ('какой?'). Например: *hva tid mærked du det først?* (I.) 'когда ты это впервые заметил?'.

Составное местоимение *hva for en* 'какой?', 'что за...?' (ж. р. *hva for ei*, ср. р. *hva for et*, мн. ч. *hva for*) является местоименным прилагательным. Например: *hva for en mann er han?* 'что он за человек?'; *hva var det for en støy* 'что это

был за шум?'. Это местоимение употребляется и в восклицательных предложениях. Например: *hva for et vakkert hus!* (или *for et vakkert hus!*) 'какой красивый дом!'.

Составное местоимение *hva for noen* 'какой?', 'что за...?' (ср. р. *hva for noe*, мн. ч. *hva for noen*) является местоименным прилагательным. Например: *hva for noen bøker leser du* 'что за книги ты читаешь?'. Форма среднего рода от этого местоимения употребляется и как местоименное существительное. Например: *hva for noe?* 'что такое?'.

Местоимение *hvis* 'чей?' употребляется главным образом в книжном языке и является как местоименным прилагательным, так и местоименным существительным. Например: *hvis hus er det?* (или *hvis er dette huset?*) 'чей это дом?' (в разговорном языке было бы скорее *hvem er det huset til?* или *hvem eier det huset?*).

Местоимение *hvilken* 'какой?', 'который?' (ср. р. *hvilket*, мн. ч. *hvilke*) употребляется только в книжном языке и является как местоименным прилагательным, так и местоименным существительным. Например: *hvilke dyr har varmt blod?* 'какие животные имеют теплую кровь?'; *hvilken av dem?* 'который из них?'. Это местоимение употребляется и в восклицательных предложениях. Например: *hvilken helt!* 'какой герой!'.

Относительные местоимения

§ 37. Относительные местоимения отличаются от союзов тем, что они выполняют функцию одного из членов придаточного предложения, которое они вводят. К относительным местоимениям относятся *som*, *hva*, *hvem*, *hvis*, *hvilken* и *der*.

Самое употребительное из относительных местоимений — *som* 'который', 'что', 'кто'. Оно не имеет ни форм рода, ни форм числа, ни форм падежа и является местоименным существительным. Местоимение это может относиться к любому существительному главного предложения и вводить как ограничительные, так и описательные определительные предложения (см. § 124). Например: *et barn som har brent seg vil sky ilden* 'ребенок, который обжегся, будет избегать огня'; *alle trærne, som sto der nakne, er sprunget ut* 'все деревья, которые стояли там голые, распустились'. Местоимение *som* может относиться и к указательному местоимению *den*. Например: *den som gjør seg til gås, får reven etter seg* 'тот кто ведет себя как гусь, попадется лисце'.

Если местоимением *som* управляет предлог, этот предлог стоит в конце придаточного предложения. Например: *hensikten som han kom i* 'намерение, с которым он пришел'; *mannen som det her skal fortelles om* 'человек, о котором будет здесь рассказываться'.

Относительным местоимением может быть *hva* 'что', *hvem* 'кого', *hvis* 'чей', *hvilken* 'который', 'что' (ср. р. *hvilket*, мн. ч. *hvilke*), *der* 'который'. Все эти местоимения, однако, в основном характерны только для книжного языка. *Hvem* является местоименным существительным, но не может быть подлежащим. *Hvis* — местоименное прилагательное. *Hvilken* — и местоименное прилагательное, и местоименное существительное. В отличие от *som* эти местоимения могут иметь перед собой предлог. *Hvilket* (ср. р. от *hvilken*) обычно относится к целому предложению. Например: *han kom tilbake, hvilket var det beste han kunne gjøre* 'он вернулся назад, что было наилучшим из того, что он мог сделать'. *Der* может быть только подлежащим придаточного предложения и употребляется главным образом во избежание повторения *som* в том же предложении. Например: *han talte som den der vet* 'он говорил, как человек, который знает'.

В случае вопросительно-относительного подчинения вопросительное местоимение, вводящее косвенный вопрос, может иметь при себе *som*, если оно является подлежащим. Например: *han spør hvem som har gjort det* 'он спрашивает, кто это сделал'; *vet du hva som var det første jeg gjorde?* 'знаешь, что я сделал прежде всего?'; *hun spurte hva som feilte ham* 'она спросила, чего ему не хватает'.

Отрицательные местоимения

§ 38. К отрицательным местоимениям относятся *ingen*, *ikke noen* и *ingenting*.

Местоимение *ingen* 'никакой', 'никто' (ср. р. *intet*, ж. р. иногда *inga*) является местоименным прилагательным и местоименным существительным. Например: *jeg har ingen venn* 'у меня нет друга'; *ingen kjenner fremtiden sin* 'никто не знает своего будущего'; *slett intet* 'ровно ничего'. Местоимение это имеет родительный падеж. Например: *hver manns venn er ingens venn* 'общий друг ничей не друг'.

Так же как *ingen*, употребляется составное местоимение *ikke noen* 'никакой', 'никто'. В функции прилагательного средний род от него (*ikke noe*) употребляется чаще, чем *intet*.

Как местоименное существительное употребляется также *ingenting* 'ничего'. Например: *han sa ingenting* 'он ничего не сказал'.

Неопределенные местоимения

§ 39. К неопределенным местоимениям относятся *noen*, *noenting*, *somme*, *en*, *man*, *det* и *der*.

Местоимение *noen* 'некоторый', 'какой-то', 'какой-нибудь', 'кое-какой', 'кто-то', 'кое-что', 'кто-нибудь' (ср. р. *noe*, мн. ч. *noen*) является местоименным прилагательным и существительным. Например: *han har fakket noen gutter som har stjålet epler* 'он схватил каких-то мальчиков, которые украли яблоки'; *jeg har noen bøker her* 'у меня тут есть кое-какие книги'; *jeg hører noen komme* 'я слышу, что кто-то идет'; *noen hadde ski, andre hadde kjelker* 'у одних были лыжи, у других санки'; *er noen hjemme?* 'кто-нибудь дома?'; *noe sånt* 'что-то в этом роде'. Часто это местоимение непереводимо. Например: *har du noen penger?* 'есть у тебя деньги?'; *jeg har noe øl* 'у меня есть пиво'; *jeg har ikke noe øl* 'у меня нет пива'. Иногда это местоимение является наречием. Например: *noe døv* 'несколько глухой'; *ikke for det at han trodde noe på drømmer* 'не потому, что он сколько-нибудь верил в сны'.

Местоимение *somme* 'кое-какие', 'некоторые' является местоименным прилагательным и существительным, причем имеет значение множественного числа. Например: *somme kjerringer er slike* 'таковы некоторые женщины'. Значение единственного числа имеет форма среднего рода от этого местоимения (*somt*). Например: *somt er nytt, og somt er gammelt* 'кое-что ново, а кое-что старо'.

Местоимения *en* и *man* являются неопределенно-личными и употребляются только как существительные. В ряде случаев между ними нет смыслового различия. Например: *man (или en) skal ikke selge skinnen før bjørnen er skutt* 'не следует продавать шкуру убитого медведя'; *man (или en) lærer så lenge man (или en) lever* 'век живи, век учись'; *man (или en) håper at...* 'надо надеяться, что...'. Различие между *man* и *en* в этих случаях только стилистическое: *en* считается более «норвежским» (хотя исторически это едва ли так) и потому многими предпочитается. В ряде случаев, однако, между *en* и *man* есть смысловое различие: *en* в отличие от *man* может быть не только подлежащим; только *en* имеет родительный падеж; только *en* имеет значение «кто-то»; с другой стороны, *man* более неопределенно, чем *en*; только *man* может относиться к множествен-

ному числу. Например: *det er trollet i en* 'в каждом из нас сидит бес'; *tal er morsomme når de vedrører ens egen formue* (B.) 'цифры интересны, когда они касаются нашего собственного богатства'; *der er en som spør etter Dem* 'Вас там кто-то спрашивает'; *man sier...* 'говорят...'; *man har sagt meg* 'мне сказали'; *man fant ham* 'его нашли'; *man blir lei hinannen* 'надоедаешь друг другу'; *en merket man var kommet nærmere ut mot havet* (Bo.) 'чувствовалось, что подошли ближе к морю'; *om forladelse — jeg trode man sad i kontoret* (I.) 'виноват — я думал, что вы сидите в конторе'; *man er ung, forstår De* (G.) 'молодость, понимаете'.

Местоимение *en* употребляется также при прилагательном в качестве универсального заменителя существительного. Например: *en slik en som han* 'такой человек, как он', *en gammel en* 'старик', *en underlig en* 'чудак', *en liten en* 'малыш'.

К неопределенным местоимениям обычно относят также слово *det* в специфической функции слова, не имеющего лексического значения, однако выступающего в качестве подлежащего предложения, т. е. в функции так называемого «формального» подлежащего (см. § 90).

В ряде идиоматических выражений *det* выступает в функции слова, не имеющего лексического значения, однако выступающего в качестве дополнения, т. е. функции «формального» дополнения (см. § 101).

Det, не имеющее лексического значения, нередко встречается и наряду с настоящим подлежащим, т. е. является так называемым «мнимым» подлежащим (см. § 91).

Прочие местоимения

§ 40. Местоимениями являются по своему характеру и некоторые другие слова, которые, однако, не образуют таких четких смысловых группировок, как разбиравшиеся выше, и поэтому разными авторами классифицируются по-разному. К таким словам относятся *selv*, *hver*, *all*, *mange*, *få*, *begge*, *annen*.

Selv [sɛl:] или *sjøl* «сам» (слабая форма *selve* или *sjølve*) относят обычно к местоимениям «определительным» или «выделительным», иногда к указательным. Оно употребляется при существительных или местоимениях, которые оно определяет. Его слабая форма употребляется только в положении перед существительным. В остальных случаях употребляется форма *selv* или *sjøl*. Например: *jeg selv så det* или *jeg så det selv* 'я сам

видел это'; *han er ærligheten selv* 'он сама честность'; *i seg selv* 'сам по себе'; *den selv samme* 'тот же самый'; *selv annen* 'сам второй'; *selve verten* 'сам хозяин'; *selve hans egen tunge* 'даже его собственный язык'. Иногда употребляется превосходная степень от этого местоимения. Например: *selveste billedmester Rubek* (I.) 'сам скульптор Рубек'.

Hver 'всякий', 'каждый', 'все' (ср. р. *hvert*) относят к «определительным» или к «обобщительным» местоимениям. Усиленные формы от него *enhver*, *hver eneste en*, *hver og en*, *en og hver*, *alle og enhver* 'абсолютно каждый', 'все до одного'. *Hver* употребляется обычно как местоименное прилагательное. Как местоименное существительное обычнее *enhver* или *hver mann*. Например: *hver annen time* 'каждые два часа'; *han kan være her hvert øyeblikk* 'он может быть здесь каждую минуту'; *hver mann vet* 'всякий знает'.

All 'весь' (ср. р. *alt*, мн. ч. *alle*) тоже относят к «определительным» или к «обобщительным» местоимениям. Оно является как местоименным прилагательным, так и местоименным существительным. Только местоименным существительным является местоимение *alt* 'всё'. Существительное, определяемое местоимением *all*, может иметь при себе другое местоимение или суффиксированный артикль. Например: *uten all tvil* 'без всякого сомнения'; *all denne angst* 'все это беспокойство'; *alt folket* 'весь народ'; *det er ikke gull alt som glimrer* 'не все то золото, что блестит'; *alt i alt* 'в общем и целом'.

Mangen 'многие', 'много' (ср. р. *mangt*, мн. ч. *mange*) иногда относят к неопределенным местоимениям, иногда к «местоимениям числительным», иногда вообще не относят к местоимениям. Его степени сравнения см. в § 23. *Mangen* употребляется и во множественном, и в единственном числе, и как местоименное прилагательное, и как местоименное существительное. В среднем роде оно является только местоименным существительным. Например: *mangen gang* или *mangen en gang*, или *mange ganger* 'много раз'; *mangen ler med munnen og gråter i hjertet* 'многие смеются ртом и плачут в сердце'; *mange andre* 'многие другие'; *mange penger* 'много денег'; *mange takk!* 'большое спасибо!'; *hvor mange er klokka?* 'сколько времени?'; *klokka er mange* 'час уже поздний'; *mangt og mye* 'многие'.

Få 'немногие', 'мало' обычно не относят к местоимениям. Его степени сравнения см. в § 23. Употребляется оно как в качестве местоименного прилагательного, так и в качестве местоименного существительного. Например: *med få ord* 'в немногих словах'; *bare få* 'только немногие'.

Begge 'оба' тоже не всегда относят к местоимениям. Begge употребляется как местоименное прилагательное и существительное, причем существительное, определяемое этим словом, может иметь при себе другое местоимение в качестве определения или суффиксированный артикль. Например: vi begge 'мы оба'; begge to 'оба'; begge deler 'и то и другое'; begge disse bøkene 'обе эти книги'; begge brødrene 'оба брата'.

Annen 'другой' (ср. р. annet, мн. ч. andre, слабая форма annen или andre) относят к неопределенным или к «выделительным» местоимениям. Annen употребляется как местоименное прилагательное и существительное, причем существительное, определяемое этим словом, может иметь при себе как определенный (свободный или свободный и суффиксированный), так и неопределенный артикли. Например: det er en annen sak 'это другое дело'; med andre ord 'другими словами'; blant annet 'между прочим'; den annen dag (или den andre dag) 'на другой день'; den enes død er den annens brød 'что смерть одному, то хлеб другому'.

Вне классификации остались и составные местоимения усиительного или обобщительного значения, которые образуются из относительных, неопределенных, отрицательных и некоторых других местоимений в сочетании с som helst или som. Например: hvem som helst (som) или hvem som 'кого бы ни', hva som helst (som) или hva som 'что бы ни', hvilken som helst (som) 'какой бы ни', noen som helst 'какой угодно', 'кто угодно', ingen som helst 'абсолютно никто', enhver som helst 'абсолютно всякий'.

ГЛАГОЛ

§ 41. Глагол обычно определяется как часть речи, обозначающая действие. Очевидно, однако, что давая такое определение, имеют в виду не лексическое, а грамматическое значение слов, принадлежащих к рассматриваемой грамматической группировке, потому что, с одной стороны, действие может быть содержанием лексического значения и других частей речи (например, существительного, сравни handling 'действие', skrivning 'писание'), а с другой стороны — содержанием лексического значения глагола может быть не только действие, в собственном смысле слова, но и состояние или проявление любого признака (например: sitte 'сидеть', rødme 'краснеть'). Таким образом, подобно существительному, прилагательному и наречию, глагол выделяется в особую часть речи на основании

присущего ему особого грамматического значения действия.

Грамматическое значение действия — это значение признака, не просто присущего предмету, а возникающего в результате действия, производимого этим предметом. Значение это проступает наиболее отчетливо в глаголах, лексическое значение которых может быть передано соответствующим прилагательным. Сравни, например: fjellet blåner 'гора синее' и fjellet er blått 'гора — синяя'; jeg gleder meg 'я радуюсь' и jeg er glad 'я рад'. В прилагательных blå и glad, при том же лексическом значении, что и в глаголах blåne и glede, отсутствует грамматическое значение, свойственное глаголу, как части речи. Поэтому тот же признак представлен в них не как возникающий в результате действия, производимого предметом, а как присущий этому предмету.

К глаголу в собственном смысле относятся только так называемые личные формы глагола, или собственно-глагольные формы, т. е. формы, которые всегда выступают в предложении в качестве его сказуемого и соотнесены с его подлежащим. Однако к глаголу в широком смысле обычно относят и так называемые глагольно-именные формы, т. е. формы, которые совмещают в себе свойства глагола и имени (существительного или прилагательного) и которые, как правило, не выступают сами по себе в качестве сказуемого предложения.

Глагольно-именными формами являются в норвежском языке инфинитив и причастие. Одна из глагольно-именных форм — инфинитив — считается исходной или словарной формой глагола.

Только очень немногие глаголы имеют в норвежском языке специфичные для данной части речи словообразовательные элементы (суффиксы -ere, -ne и некоторые другие). Основным морфологическим признаком глагола в норвежском языке является связь со специфичными для данной части речи грамматическими значениями, а именно грамматическими значениями времени, залога и наклонения. В противоположность русскому языку в норвежском языке грамматические значения лица, числа и рода не свойственны глаголу. Значения эти, однако, свойственны местоимениям, которые сопровождают глагол (см. §§ 31, 32). Не свойственно норвежскому глаголу и грамматическое значение вида. Можно говорить, однако, о видовом характере норвежских глаголов (т. е. их предельности или неопределенности, см. § 46, стр. 106), а также о видовых оборотах в норвежском языке (см. §§ 96, 100, 104, пункт 3).

Поскольку существуют глаголы, которые могут выступать то как знаменательные слова, то как служебные (так называемые вспомогательные глаголы и глаголы-связки), глагол является частью речи, которую перекрывает деление слов на знаменательные и служебные.

Морфологическая классификация глаголов

§ 42. Глаголы норвежского языка делятся на морфологические группы в зависимости от способа образования двух глагольных форм: претерита (см. § 48) и причастия II (см. § 71). Различие в способе образования этих форм не связано ни с каким различием в значении соответствующих глаголов. Вместе с инфинитивом, т. е. исходной или словарной формой глагола, эти формы считаются основными формами глагола. Таким образом, для формальной характеристики норвежского глагола достаточно три основные формы: 1) инфинитив, 2) претерит, 3) причастие II. Например: finne 'находить', претерит — fant, причастие II — funnet.

Основными морфологическими группами норвежских глаголов являются так называемые слабые и сильные глаголы.

Слабые глаголы

§ 43. Слабые глаголы — это глаголы, у которых претерит образуется с помощью окончаний -et (или -a), -te, -de, -dde. К слабым глаголам принадлежит большинство норвежских глаголов и, в частности, все вновь образуемые глаголы.

Слабые глаголы распадаются на четыре класса, причем, однако, многие слабые глаголы спрягаются по двум классам.

Первый класс слабых глаголов образуют глаголы, у которых претерит и причастие II имеют окончания -et (или -a). Например: kaste 'бросать', претерит — kastet (или kasta), причастие II — kastet (или kasta).

Окончание -a в глаголах этого класса — влияние диалектов и лансмолла. Оно поэтому наиболее обычно в глаголах, проникших в литературный язык в результате его норвегизации, т. е. в таких глаголах, как, например, mjölke 'доить', brotne 'ломаться', trøtne 'уставать', vakne 'просыпаться', delje 'колотить'.

К первому классу относится большинство слабых глаголов. В частности, к первому классу относятся все глаголы, основа которых не может быть связана с суффиксальным t или d без связующего гласного, т. е. большинство глаголов с основой на два или несколько согласных или долгий согласный. Например: lukte 'пахнуть', dufte 'благоухать', dikte 'сочинять', vente 'ждать', elske 'любить', merke 'замечать', senke 'опускать', fable 'сочинять', formidle 'осуществлять', bedre 'улучшать', rødme 'краснеть', modne 'созреть', hevne 'мстить', handle 'действовать', vandre 'странствовать', danne 'образовывать'. К первому классу относится также большинство глаголов с основой на -b-, -d-, -g- (в частности все глаголы на -ig-), -v- и некоторые с основой на гласный. Например: klebe 'клеить', bade 'купаться', behage 'правиться', uleilige 'затруднять', die 'сосать', skue 'обозревать', true 'грозить'.

Второй класс слабых глаголов образуют глаголы, у которых претерит и причастие II имеют окончания -te и -t. Например: lese 'читать', претерит — leste, причастие II — lest.

Ко второму классу относится большинство слабых глаголов с основой на один согласный, а также на -ld-, -nd-, -ng-, -ll-, -mm-, -nn-. Например: lære 'учить', røyke 'курить', spise 'кушать', møte 'встречать', mene 'думать', tale 'говорить', drepe 'убивать', besvime 'падать в обморок', føde 'родить', melde 'объявлять', sende 'посылать', ringe 'звонить', kalle 'звать', glemme 'забывать', kjenne 'знать'.

В глаголах этого класса с основой на один согласный происходит сокращение корневого гласного в претерите и причастии II.

Однако такое сокращение обычно не имеет места в глаголах с основой на -l-, -n-, -r-, -s-. Например: skape ['ska:pə] 'творить', skapte ['skaptə], skapt ['skapt]; lete ['le:tə] 'искать', lette ['let:tə], lett ['let:t]; bruke ['bru:kə] 'использовать', brukte ['bruktə], brukt ['brukt]. Но сравни føle ['fø:lə] 'чувствовать', følte ['fø:ltə], følt ['fø:lt]; mene ['me:nə] 'значить', mente ['me:ntə], ment ['me:nt]; høre ['hø:rə] 'слышать', hørte ['hø:tə], hørt ['hø:t]; rose ['ru:sə] 'хвалить', roste ['ru:stə], rost ['ru:st].

Несколько глаголов этого класса имеют в претерите и причастии II корневой гласный заднего или смешанного ряда (a, ə, u), а в инфинитиве и остальных формах — корневой гласный переднего ряда (i, ε, e:, ö, ø:). Такое чередование гласных есть в следующих слабых глаголах второго класса:

Инфинитив	Претерит	Причастие II
dølge (dølje) скрывать	dulte	dult
fortelle рассказывать	fortalte	fortalt
følge (følge) следовать	fulgte (følge)	fulgt (følgt)
kvele душить	kvalte	kvalt
rekke протягивать ¹	rakte	rakt
selge (selle) продавать	solgte (solte)	solgt (solt)
sette ставить	satte	satt
smøre намазывать	smurte	smurt
spørre спрашивать	spurte	spurt
strekke протягивать ²	strakte	strakt
telle считать	talte (tellet)	talt (tellet)
vekke возбуждать (внимание) ³	vakte	vakt
velge (velje) выбирать	valte	valt

К этому типу слабых глаголов примыкает и глагол *bringe* 'приносить' претерит — *brakte*, причастие II — *brakt*.

Третий класс слабых глаголов образуют глаголы, у которых претерит и причастие II имеют окончания *-de* и *-d*. Например: *bygge* 'строить', претерит — *bygde*, причастие II — *bygd*.

К этому немногочисленному классу относятся слабые глаголы с основой на *-g-* и *-v-* (которые, однако, часто относятся и к первому классу), а также глаголы с основой на *-ei-* и *-øu-* (которые, однако, часто относятся и к четвертому или первому классу). Например: *gnage* 'грызть', *leve* 'жить', *feie* 'подметать', *pløye* 'пахать'.

Четвертый класс слабых глаголов образуют глаголы, у которых претерит и причастие II имеют окончания *-dde* и *-dd*. Долгий корневой гласный этих глаголов в претерите и причастии II всегда сокращается. Например: *nå* ['no:] 'достигать', претерит *nådde* ['nød:ə], причастие II *nådd* ['nød:].

В инфинитиве многие глаголы этого класса не принимают окончания *-e* и оканчиваются на ударный гласный. Например: *bla* 'листать', *skje* 'случаться', *fri* 'свататься', *tro* 'верить', *snu* 'поворачиваться', *sy* 'шить', *gjø* 'лаять'. Однако некоторые из глаголов этого класса оканчиваются в инфинитиве на безударное *-e*. Например: *bie* 'ждать', *tie* 'молчать', *kvie seg* 'не решаться', *due* 'годиться', *greie* 'приводить в порядок'.

¹ Ср. *rekke* 'доставать', 'хватать', *rakk*, *rukke*.

² Ср. *strekke* 'доставать', 'хватать', *strakk*, *strukket*.

³ Ср. *vekke* 'вздрыгнуть', *vakk*, *vekket*.

Большинство слабых глаголов с основой на гласный относится к четвертому классу. Исключениями являются *dø* 'умирать' (претерит — *døde* или *dødde*), *true* 'грозить' (претерит и причастие II — *truet*) и некоторые другие.

Следующие пять слабых глаголов по своим формам не могут быть отнесены ни к одному из четырех классов:

Инфинитив	Претерит	Причастие II
<i>gjøre</i>	делать <i>gjorde</i> [ˈju:rə]	<i>gjort</i>
<i>ha</i> (паньше <i>have</i>) иметь	<i>hadde</i> (паньше <i>havde</i>)	<i>hatt</i> ((паньше <i>havt</i>))
<i>legge</i>	класть <i>la</i> (паньше <i>lagde</i>)	<i>lagt</i>
<i>si, sie, seie</i> (паньше <i>sige</i>) говорить	<i>sa</i> (паньше <i>sagde</i>)	<i>sagt</i>
<i>tre</i> (паньше <i>trede</i>) ступать	<i>trådte</i>	<i>trådt</i>

Сильные глаголы

§ 44. Сильные глаголы — это глаголы, у которых претерит образуется без всякого окончания, но обычно с изменением корневого гласного (см. таблицу на стр. 235). Причастие II сильных глаголов имеет окончания *-et*, *-t*, *-tt*, *-d* или *-dd*. У ряда сильных глаголов причастие II, кроме того, имеет огласовку, отличную от огласовки инфинитива. Например: *skrive* 'писать', претерит — *skrev*, причастие II — *skrevet*; *bære* 'нести', претерит — *bar*, причастие II — *båret*. Однако у большинства сильных глаголов причастие II не отличается по форме от причастия II слабых глаголов того или иного класса.

Сильных глаголов в современном норвежском языке немногим больше ста, и вновь образуемые глаголы никогда не бывают сильными, но к сильным глаголам относится большинство наиболее употребительных глаголов.

В современном норвежском языке ряд сильных глаголов имеет наряду с сильным и слабый претерит. Некоторые сильные глаголы в совсем недавнее время стали образовывать слабые формы наряду с сильными. Таковы, например, глаголы *ri* 'ездить верхом' и *vri* 'выворачивать'.

Претерито-презентные глаголы

§ 45. Претерито-презентные глаголы, т. е. слабые глаголы, пресенс которых по форме аналогичен сильному претериту, образуют особую морфологическую группу. Эти глаголы харак-

теризуются, таким образом, не тремя, а четырьмя основными формами:

Инфинитив		Наст. время		Претерит	Причастие II
burde	долженствовать	bør	burde	burdet	
kunne	мочь	kan	kunne	kunnet	
måtte	долженствовать	må	måtte	måttet	
skulle	»	skal	skulle	skullet	
tore	сметь	tør	torde	tort	
ville	хотеть	vil	ville	villet	
vite	знать	vet (veit)	visste	visst	

Собственно-глагольные формы

Время

§ 46. Грамматическое значение действия неразрывно связано с грамматическим значением времени, поскольку признак предмета, возникающий в результате действия, производимого этим предметом, а не постоянно присущий ему, подразумевает определенные временные рамки для своего проявления. Однако грамматическое значение времени имеет своим содержанием не просто время проявления признака, а отношение времени его проявления к моменту высказывания. Таким образом, временными формами глагола или глагольными временами называются такие глагольные формы, которые выражают отношение времени проявления глагольного признака к моменту высказывания.

В норвежском языке есть следующие временные глагольные формы: 1) пресенс, или настоящее, 2) претерит, или простое прошедшее, 3) перфект, 4) плюсквамперфект, или предпрошедшее, 5) будущее I, 6) будущее II, 7) будущее в прошедшем I, 8) будущее в прошедшем II. «Простыми временами» (т. е. формами слова) из них являются только два: пресенс и претерит. Все остальные времена норвежского глагола являются «сложными временами», т. е. морфологическими словосочетаниями (см. § 3, стр. 21), а именно различного рода сочетаниями вспомогательных глаголов с глагольно-именными формами. Степень смысловой самостоятельности элементов этих морфологических сочетаний различна.

Значения временных форм норвежского глагола не могут быть уложены в строго логическую схему. В ряде случаев эти значения ставят действию более узкие или более широкие пределы, чем границы настоящего, прошедшего или будущего,

или соотносят его с действием, выраженным другим глагольным временем.

Сами названия времен норвежского глагола отнюдь не всегда соответствуют их значениям. Так, глагольная форма, называемая «настоящим», может выражать действие будущее или прошедшее по отношению к моменту высказывания, а глагольная форма, называемая «простым прошедшим», может выражать действие настоящее или будущее по отношению к моменту высказывания. Именно поэтому для этих форм предпочтительнее названия «пресенс» и «претерит», т. е. такие названия, которые позволяют противопоставлять глагольные формы (пресенс или претерит) той реальности, которую они отражают (настоящее, прошедшее или будущее время).

Действие, обозначаемое глаголом, может иметь тот или иной характер протекания во времени, т. е. быть ограниченным каким-нибудь пределом или не ограниченным им, приводящим к какому-нибудь результату или не приводящим к нему, мгновенным или длительным, однократным или многократным и т. д. Если характер протекания действия во времени находит выражение не в формах самого глагола, а явствует из лексического значения глагола или из сопровождающих его слов или всего контекста, то такое выражение характера протекания действия не является грамматическим и не должно рассматриваться в грамматике. Если же характер протекания действия во времени находит последовательное выражение в самом глаголе, в его особых формах, то такие формы называются видом глагола. Так, в предложениях *han kom av og til* 'он приходил время от времени' и *han kom i går* 'он пришел вчера' различие в характере протекания действия явствует не из глагольной формы (*kom* в обоих предложениях), а из обстоятельственных слов *av og til* 'время от времени' и *i går* 'вчера', т. е. грамматически не выражено, тогда как в соответствующих русских предложениях это различие выражено глагольными формами разного вида — совершенного и несовершенного ('пришел' — 'приходил').

В норвежском языке, как и в других германских языках, характер протекания действия во времени выражается особыми глагольными суффиксами или приставками только в единичных случаях. Так, в некоторых глаголах постепенный переход в другое состояние выражается посредством суффикса *-ne* (например в *gråne* 'сереть', *blåne* 'синеть', *isne* 'леденеть', *sovne* 'заснуть' и т. п.), в некоторых глаголах неровное, повторяющееся действие выражается посредством суффикса *-ge*

(например в *gnistre* 'сверкать', *klingle* 'дребезжать', *bevge* и *sitre* 'дрожать'), в нескольких глаголах, мелкое, повторяющееся действие выражается посредством приставки *små-* (например в *småsnakke* 'болтать понемножку', *småle* 'посмеиваться', *småhoste* 'покашливать' и т. п.). Поскольку, однако, такое выражение характера протекания действия имеет место только в очень небольшой части норвежских глаголов, оно не имеет значения для системы норвежского глагола в целом.

Для норвежского глагола гораздо большее значение имеет различие в характере протекания действия, связанное не с особыми суффиксами или приставками, а только с особым значением некоторых глагольных форм, т. е. различие между так называемыми предельными и неопредельными глаголами, или различие в видовом характере глагола.

Предельными (или, по терминологии Норена, терминативными) называются глаголы, обозначающие действие, которое имеет некоторый предел или направлено к завершению. Предельными являются, например, глаголы *kaste* 'бросать' или 'бросить', *drepe* 'убивать' или 'убить', *komme* 'приходить' или 'прийти', *egobre* 'побеждать' или 'победить', *sovne* 'засыпать' или 'заснуть', *forelske seg* 'влюбляться' или 'влюбиться', *gå ut* 'выходить' или 'выйти', *bygge* 'строить' или 'построить'. В зависимости от контекста предельный глагол может обозначать как одно отдельное действие и переводится тогда на русский язык глаголом совершенного или несовершенного вида, так и ряд таких действий и переводится тогда на русский язык глаголом несовершенного вида. Сравни *han spurte meg i går* 'он спросил (или спрашивал) меня вчера' и *han spurte meg hver dag* 'он спрашивал меня каждый день'.

Неопредельными (курсивными, по терминологии Норена) называются глаголы, обозначающие действие, которое не имеет определенного предела или не направлено к завершению. Неопредельными являются, например, глаголы: *elske* 'любить', *hate* 'ненавидеть', *rose* 'хвалить', *ligge* 'лежать', *sitte* 'сидеть', *sove* 'спать', *være* 'быть', *leve* 'жить'.

Различие между предельностью и неопредельностью и называется различием в видовом характере глагола. По своему видовому характеру большинство норвежских глаголов либо предельные, либо неопредельные. Однако некоторые норвежские глаголы совмещают предельность и неопредельность, т. е. бывают предельными или неопредельными, в зависимости от контекста. Сравни *vannet fryser* 'вода замерзает' (предельный глагол) и *jeg fryser* 'мне холодно' (неопредельный глагол); *han*

reiser i dag 'он уезжает сегодня' (предельный глагол) и *han reiser i Danmark* 'он путешествует по Дании' (неопредельный глагол).

Как видно из приведенных выше примеров предельных и неопредельных глаголов, неопредельные глаголы, как правило, переводятся на русский язык глаголами несовершенного вида, тогда как предельные глаголы переводятся на русский язык как глаголами совершенного, так и глаголами несовершенного вида. Отсюда следует, что характерное для норвежского и других германских языков смысловое различие предельных и неопредельных глаголов не совпадает с характерным для русского языка смысловым различием глаголов совершенного и несовершенного вида. Существенно также, что в то время как различие между глаголами совершенного и несовершенного вида выражается посредством приставок и суффиксов, единственным выражением различия между предельными и неопредельными глаголами является различие в значении некоторых временных форм глагола, а именно пресенса (см. § 47, пункт 3), претерита (см. § 48, пункт 4), перфекта (см. § 49, пункт 1г), плюсквамперфекта (см. § 50, пункт 2), а также в значении причастия II (см. § 72).

Пресенс

§ 47. У большинства глаголов пресенс образуется посредством окончания *-er*, принимаемого глагольной основой, причем сильные глаголы (в том числе и бывшие сильные глаголы как *lese* 'читать', *blåse* 'дуть', *vokse* 'расти') имеют в пресенсе простое музыкальное ударение. Например: *elsker* от *elske* 'любить', *truer* от *true* 'грозить', но *kommer* от *komme* 'приходить', *finner* от *finne* 'находить' и т. д. Просто *-r* принимают в настоящем времени только глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на ударный гласный. Например: *går* от *gå* 'идти', *skjer* от *skje* 'случаться', *frir* от *fri* 'свататься', *tror* от *tro* 'верить', *syr* от *sy* 'шить'. Исключением являются *sier* от *si* 'говорить'.

Особыми случаями являются *gjør* от *gjøre* 'делать', *spør* от *spørre* 'спрашивать', *er* от *være* 'быть', а также формы настоящего времени так называемых претерито-презентных глаголов (см. § 45): *bør* от *burde* 'долженствовать', *kan* от *kunne* 'мочь', *må* от *måtte* 'долженствовать', *skal* от *skulle* 'долженствовать', *tør* от *tore* 'смечь', *vil* от *ville* 'хотеть' и *vet* от *vite* 'знать'.

Пресенс обозначает:

1. Действие, одновременное с моментом высказывания. Такое значение пресенс имеет всего чаще. Например: *han sitter og skriver* 'он сидит и пишет', *boken din ligger på bordet* 'твоя книга лежит на столе'.

2. Вневременное действие, т. е. действие, осуществляющееся постоянно или повторяющееся в определенных условиях и поэтому не имеющее пределов во времени. Такое значение пресенс может иметь в общих суждениях, пословицах и т. д. Например: *sovende katt fanger ingen mus* 'спящая кошка не ловит мышей'; *kjært barn har mange navn* 'любимый ребенок имеет много имен'.

3. Действие, которое осуществится в будущем по отношению к моменту высказывания. Пресенс с таким значением встречается обычно либо в сопровождении соответствующего обстоятельства времени, либо в придаточном предложении, причем он характерен только для предельных глаголов (см. § 46, стр. 106). Например: *han kommer i morgen* 'он придет завтра'; *om 8 dager reiser jeg* 'через 8 дней я уеду'; *når blir det?* 'когда это будет?'; *jeg skal visst arbeide, så lenge mine kræfter strækker til* (I.) 'я конечно буду работать, пока я буду в силах'.

4. Действие, которое как бы изображается происходящим перед глазами слушателя или читателя, хотя оно и является прошедшим по отношению к моменту высказывания. Это так называемое «историческое настоящее» характерно особенно для живого, эмоционального повествования. Например: *så går dagen. Buskapen er falt mer til ro. Han sitter på en sten og eter sin niste og drikker så vann av en bekk* (Bo.) 'так проходит день. Стадо стало спокойнее. Он сидит на камне и ест свою еду, а потому пьет воду из ручья'.

5. Действие, которое, согласно желанию говорящего, должно быть осуществлено тем, к кому он обращается. Пресенс с таким значением равнозначен повелительному наклонению (см. § 63). Например: *til sommeren kommer du og besøker oss!* 'приезжай к нам летом!'; *på tier dere!* 'молчите!'.

Претерит

§ 48. Претерит, или простое прошедшее, образуется у слабых глаголов посредством окончания -et (-a), -te, -de, -dde (см. § 43), а у сильных глаголов без всякого окончания, но обычно с изменением корневого гласного. Например: *kastet*

(или *kasta*) от *kaste* 'бросать', *leste* от *lese* 'читать', *bygde* от *bygge* 'строить', *nådde* от *nå* 'достигать', *skrev* от *skrive* 'писать', *krøp* от *krype* 'ползти'.

От претерита следует отличать омонимичную ему форму сослагательного наклонения (см. § 66).

Претерит обозначает:

1. Действие, прошедшее по отношению к моменту высказывания и не связанное с настоящим (ср. значение перфекта, § 49, пункт 1). Такое действие обычно имеется в виду, когда указывается или подразумевается отрезок времени, в пределах которого это действие осуществилось. Например: *han kom iforgårs* (I.) 'он приехал позавчера'; *motoren fungerte bra i dag* (G.) 'мотор работал сегодня хорошо'; *er dampskibet alt kommet?* — *Det kom nu netop* (I.) 'пришел пароход? — Он пришел только что'; *Kristian den 4de regjerte i 60 år* 'Кристиан четвертый царствовал 60 лет' (известно, что он уже давно не царствует); *hvor døde Ibsen?* 'где умер Ибсен?' (когда он умер — известно); *når var du der?* 'когда ты был там?' (в ответ ожидается указание на определенный отрезок времени); *hvem slo istrykker den ruten?* (W.) 'кто разбил это окно?' (если слышат, как его разбивают, и, следовательно, знают время действия, но *hvem har slått istrykker den ruten?* — если не знают, когда его разбили); *hvorledes gikk det til?* (G.) 'как это произошло?' (известно, что это произошло только что).

Прошедшее действие, не связанное с настоящим, является правилом во всяком связном повествовании о прошлом. Поэтому в сказке, рассказе, повести, романе, истории и т. д. последовательные действия всегда выражаются претеритом (который в известных случаях может чередоваться с «историческим настоящим», см. § 47, пункт 4).

Претерит не имеет ничего общего с русским совершенным или несовершенным видом. Естественно поэтому, что он может быть передан на русский язык как прошедшим временем совершенного вида, так и прошедшим временем несовершенного вида, в зависимости от контекста. Например: *han svarte lenge siden* 'он давно ответил', но *hver gang vi spurte henne, svarte hun* 'каждый раз, когда мы ее спрашивали, она отвечала'. Однако отсюда не следует, что претерит вообще не имеет никакого видового оттенка. Если признать, что свойственное перфекту значение связи с настоящим есть видовременное значение (см. § 49), т. е. временное значение с видовым оттенком, то тогда видовременным надо признать и аналогичное значение отсутствия связи с настоящим, свойственное претериту.

2. Действие придаточного предложения, одновременное с действием главного предложения, выраженным претеритом от глагола речи или мысли (т. е. глагола типа *si* 'сказать', *мене* 'думать' и т. п.). В русском языке в этих случаях употребляется настоящее, а не прошедшее время. Например: *Stina fortalte at man søkte efter dem* (В.) 'Стина рассказала, что их ищут'.

3. Действие, одновременное с моментом высказывания, в восклицательных предложениях с именным сказуемым. Например: *det var riktig!* 'правильно!'; *det var da storartet!* 'великолепно!'; *det var da en lykke!* 'повезло!'; *her var kjøligere!* (В.) 'здесь прохладнее'; *det var vel hyggelig å se deg igjen!* (Г.) 'приятно видеть тебя снова!'.

4. Действие придаточного предложения, будущее по отношению к действию главного предложения, выраженному претеритом. Претерит с таким значением «будущего в прошедшем» характерен только для предельных глаголов (см. § 46, стр. 106). Например: *hun fortalte at Atlung var over i fabrikkene, og kom hjem til middag* (В.) 'она рассказала, что Атлунг на заводе и вернется домой к обеду'; *ingen visste hvor mange som kom tilbake* (Г.) 'никто не знал, сколько из них вернется'.

Перфект

§ 49. Эта форма образуется посредством сочетания пресенса вспомогательного глагола *ha* (т. е. *har*) и причастия II знаменательного глагола. Например: *har kastet* от *kaste* 'бросать', *har lest* от *lese* 'читать', *har nådd* от *nå* 'достигать', *har skrevet* от *skrive* 'писать'. В перфекте непереходных предельных глаголов вместо пресенса глагола *ha* употребляется также пресенс глагола *være* (т. е. *er*). В перфекте глагола *bli* обычно употребляется *er*, а не *har*.

Перфект представляет собой не форму слова, а морфологическое словосочетание (см. § 3, стр. 21). Элементы этого словосочетания обладают формой отдельных слов и никогда не сливаются в одно слово. В ряде случаев их могут разделять другие слова. Например: *jeg har ofte talt med ham* 'я часто говорил с ним'. Однако семантически элементы этого словосочетания настолько тесно слиты друг с другом, что в целом оно имеет не только единое лексическое значение (такое значение может иметь и словосочетание, состоящее из двух знаменательных слов), но и единое грамматическое значение (такое значение отнюдь не всегда имеет и словосочетание, состоящее из служебного и знаменательного слова). Другими словами, в перфекте

имеет место не менее тесное соединение лексического и грамматического значений, чем то, которое обычно имеет место только в пределах знаменательного слова. Такое семантическое слияние элементов перфекта обусловлено тем, что ни один из них не сохраняет никакого следа того значения, которое он может иметь вне данного морфологического сочетания (слово *har* — значение пресенса глагола *ha* 'иметь', а причастие II — значение состояния, вызванного действием) и что, следовательно, значение перфекта — это значение семантически неразложимого целого.

Перфект обозначает:

1. Действие, прошедшее по отношению к моменту высказывания, но связанное с настоящим (ср. значение претерита, § 48, пункт 1). О таких действиях обычно идет речь не в связном повествовании о прошлом, а при отдельных упоминаниях о том или ином факте прошлого. Так, такое действие имеется в виду,

а) если вообще не указывается, когда именно в прошлом действие произошло, поскольку известно и существенно только то, что оно произошло (или не произошло) до момента высказывания. В этом случае действие может быть связано с настоящим своими результатами или своей актуальностью для настоящего. Например: *Har De vært i Norge?* 'Вы бывали в Норвегии?'; *jeg har hørt det* 'я слышал это' (= 'мне это известно'); *jeg har lært å tie* 'я научился молчать' (= 'я умею молчать'); *har du skrevet dette brev?* — *Ja, jeg har skrevet det* (В.) 'написал ли ты это письмо? — Да, я написал его' (но *når skrev du det?* — *jeg skrev det i går* 'когда ты написал его? — я написал его вчера'); *ja, for jeg tør nok si, at jeg har arbeidet!* (Л.) 'да, потому что я могу сказать, что поработал!';

б) если указывается, что действие произошло в пределах еще не закончившегося отрезка времени. Например: *jeg har ikke vært der i år* 'в этом году я еще там не был'; *det har snødd meget i natt* 'сегодня ночью выпал большой снег'; *jeg har skrevet brevet, mens han har vært borte* (В.) 'я написал письмо, пока его не было' (его не было до самого момента высказывания); *hver dag i denne tiden har jeg håpet på å møte Schmidt* (Г.) 'каждый день это время я надеялся встретить Шмидта'; *hva tror du jeg har tenkt på, mens jeg har sittet her?* (Г.) 'о чем, ты полагаешь, я думал, пока я сидел здесь?'. Указание на закончившийся отрезок времени при перфекте возможно только как добавление, противоречащее первоначальному намерению говорящего;

в) если указывается, что действие произошло в пределах отрезка времени, охватывающего все прошлое. Например:

han *har aldri vært* i Norge 'он никогда не бывал в Норвегии'; jeg *har alltid tenkt så* 'я всегда так думал';

г) если указывается, в продолжение какого времени действие продолжалось вплоть до момента высказывания. В этом случае (который характерен только для неопределенных глаголов, см. § 46, стр. 106) действие может продолжаться еще и в момент высказывания. Поэтому такой перфект может быть передан по-русски настоящим временем. Например: jeg *har ført hus* i over firti år (G.) 'я веду хозяйство уже сорок лет'; trafikken *har pågått* i tre år (Fr.) 'торговля идет уже три года'.

Так же как и претерит, перфект не имеет ничего общего с русским совершенным или несовершенным видом. Поэтому он тоже может быть передан на русский язык как прошедшим временем совершенного вида, так и прошедшим временем несовершенного вида, в зависимости от контекста (ср. примеры выше). Однако, повидимому, значение перфекта является все же не чисто временным, а видо-временным, поскольку связь с настоящим, определенное отношение действия к настоящему, — характеризует не только время совершения действия, но и характер его протекания.

2. Действие, предшествующее действию, выраженному «историческим настоящим». Например: så snart den *har stanset* gjør kusen noen flotte sving med svepen 'как только он остановился, кучер делает несколько лихих взмахов бича'; plutselig merker han nesten i smerte at det *er blitt* stille i rommet (G.) 'внезапно он почти с болью замечает, что в каюте стало тихо'.

3. Действие, которое предшествует определенному моменту в будущем по отношению к моменту высказывания (т. е. то же, что будущее II, см. § 52). Например: så snart jeg *har hørt* fra ham, skal jeg sende bud (W.) 'как только он мне сообщит, я дам знать'; De skal ikke spørge om det, forinden De *er blet* stor og voksen (I.) 'Вы не должны спрашивать об этом, пока не станете большой и взрослой'.

П л ю с к в а м п е р ф е к т

§ 50. Плюсquamперфект, или предпрошедшее время, образуется посредством сочетания претерита вспомогательного глагола *ha* (т. е. *hadde*) и причастия II знаменательного глагола. Например: hadde kastet *ot* kaste 'бросать'; hadde lest *ot* lese 'читать'; hadde nådd *ot* nå 'достигать'; hadde skrevet *ot* skrive 'писать'. В плюсquamперфекте непереходных предель-

ных глаголов вместо претерита глагола *ha* употребляется также претерит глагола *være* (т. е. *var*). В плюсquamперфекте глагола *bli* обычно употребляется *var*. От плюсquamперфекта следует отличать омонимичную ему форму сослагательного наклонения (см. § 66).

Плюсquamперфект представляет собой морфологическое словосочетание, совершенно аналогичное перфекту (см. § 49).

Плюсquamперфект обозначает:

1. Действие, предшествовавшее определенному моменту в прошлом по отношению к моменту высказывания и связанное с ним или не связанное. Плюсquamперфект в этом значении всего обычнее в придаточном предложении, действие которого предшествует действию главного предложения, выраженному претеритом. Например: det *var* straks efter at jeg *hadde været* hjemme forrige gang (I.) 'это было сразу после того, как я был дома прошлый раз'; hans Ansigt *var* magert og blegt, somom han *hadde levet* længe i Mørket (K.) 'его лицо было худым и бледным, как будто он долгое время жил в темноте'; jeg *kom* med ett til å huske at vi *kvelden før hadde talt* om skibbrudd (G.) 'я сразу же вспомнил, что накануне вечером мы говорили о кораблекрушении'.

Плюсquamперфект в этом значении нередко встречается и в главном предложении, действие которого предшествует действию придаточного предложения, а также в простом предложении. Например: høstmørket *var begyndt*, og det fugtige græs *gjorde* hende våd (Bo.) 'уже началась осенняя темнота, и влажная трава мочила ее'; jeg *gjorde* en dumhet engang. Noe ingen *hadde gjort* før (G.) 'я однажды сделал глупость. Никто не делал этого до меня'.

2. Завершенное действие в прошлом по отношению к моменту высказывания. Плюсquamперфект в таком значении обычно употребляется в сочетании с претеритом, который в этом случае выражает действие, одновременное с действием, выраженным плюсquamперфектом, или даже предшествовавшее ему. Плюсquamперфект в таком значении характерен только для предельных глаголов (см. § 46). Например: så stod da Nils igjen og *hadde seiret* (Bo.) 'итак Нильс остался, и он победил'; vi merket at båten *gav seg* under oss og trodde alle vår siste stund *var kommet* (G.) 'мы заметили, что корабль стал опускаться, и решили все, что пришел наш последний час'; de *hadde ikke våget* å gå forbi der i dagslys siden hin nat da de *flyttet* (Bo.) 'они не решились пройти там днем с тех пор, как они переехали'. Иногда плюсquamперфект в этом значении встречается и в соче-

тании с пресенсом. Например: han påstår enda, de hadde spist middag der sammen (Bo.) 'он даже утверждает, что они там вместе пообедали'.

Б у д у щ е е I

§ 51. Будущее I образуется сочетанием пресенса вспомогательных глаголов ville, skulle или komme til (т. е. vil, skal или kommer til) с инфинитивом I знаменательного глагола (в случае первых двух глаголов без инфинитивной частицы å). Например: vil kaste, skal kaste или kommer til å kaste от kaste 'бросать'.

Будущее I обозначает действие, которое является будущим по отношению к моменту высказывания. Например: vil du aldrig mere tenke på meg? (G.) 'неужели ты никогда больше не будешь думать обо мне?'; nu skal skibet skille dem (G.) 'теперь корабль разлучит их'; fabrikken kommer til å koste sju millioner svenske kroner (Fr.) 'фабрика будет стоить семь миллионов шведских крон'; Henning kommer nok ikke til at erfare det (B.) 'Хеннинг не узнает этого'.

Элементы морфологического словосочетания, каковым является будущее I в норвежском языке, обладают значительно большей смысловой самостоятельностью, чем элементы норвежского перфекта. В ряде случаев сочетание vil, skal или kommer til с инфинитивом I имеет модальное значение, обусловленное значением входящего в его состав модального глагола, а именно — значение желания (в случае сочетания с vil), долженствования (в случае сочетания со skal), случайности или необходимости (в случае сочетания с kommer til). В этих случаях сочетания vil, skal или kommer til с инфинитивом I являются не глагольной формой, а модальным оборотом (см. § 100).

Сочетание vil с инфинитивом I всего чаще имеет значение будущего действия без модального оттенка (т. е. является глагольной формой будущего I) во втором и третьем лице, особенно если субъект действия не лицо, т. е. если субъекту действия не свойственно испытывать желание.

Сочетание skal с инфинитивом I всего чаще имеет значение будущего действия без модального оттенка в первом лице. Однако и в первом лице это сочетание может быть модальным оборотом.

Б у д у щ е е II

§ 52. Эта форма образуется сочетанием пресенса вспомогательных глаголов ville или skulle (т. е. vil или skal) и инфини-

тива II знаменательного глагола (без инфинитивной частицы å), а также сочетанием пресенса вспомогательного глагола få (т. е. får) и причастия II знаменательного глагола. Например: vil ha kastet, skal ha kastet или får kastet от kaste 'бросать'. Будущее II гораздо менее употребительно, чем другие глагольные времена. В сущности, вне грамматики оно почти не встречается.

Будущее II обозначает действие, которое предшествует определенному моменту в будущем по отношению к моменту высказывания. Сочетание vil и skal с инфинитивом II обычно в простых предложениях, сочетание får с причастием II — в придаточных предложениях. Например: imorgen tidlig skal jeg ha ordnet alt (W.) 'завтра рано утром я все устрою'; når jeg får gjort fra meg, skal jeg komme (W.) 'когда я кончу, я приду'.

Сочетание får с причастием II представляет собой в других случаях видовой оборот (см. § 104).

Б у д у щ е е в п р о ш е д ш е м I

§ 53. Эта форма образуется сочетанием вспомогательных глаголов skulle или реже ville и инфинитива I знаменательного глагола (без инфинитивной частицы å). Например: skulle kaste или ville kaste от kaste 'бросать'.

Будущее в прошедшем I обозначает действие, которое было будущим в какой-то отрезок времени, прошлый по отношению к моменту высказывания. По-русски это значение обычно передается просто будущим временем. Например: han... ventet på at stenogrammene skulde maskinskrives (G.) 'он ждал, пока стенограммы перепишут'; det var et håp om at tropper ikke vilde nå frem før i skumringen (G.) 'была надежда, что войска не придут до сумерок'.

Подобно будущему I, будущее в прошедшем I представляет собой морфологическое словосочетание, близкое к модальному обороту. В ряде случаев сочетание ville или skulle с инфинитивом I может быть не глагольной формой, а модальным оборотом (ср. § 100), т. е. выражать желание (в случае сочетания с ville) или долженствование (в случае сочетания со skulle). Кроме того, сочетание ville или skulle с инфинитивом I может быть не временной формой, а формой сослагательного наклонения (см. § 65, стр. 129).

Будущее в прошедшем II

§ 54. Эта форма образуется сочетанием претерита вспомогательного глагола *få* (т. е. *fikk*) и причастия II знаменательного глагола, а также сочетанием претерита вспомогательных глаголов *ville* или *skulle* и инфинитива II знаменательного глагола. Например: *fikk kastet*, *ville ha kastet* или *skulle ha kastet* от *kaste* 'бросать'.

Будущее в прошедшем II обычно упоминается в грамматиках как временная форма. Но вне грамматик эта форма почти не встречается (ср. § 52).

Будущее в прошедшем II обозначает предстоявшее в прошлом действие, которое вместе с тем должно было предшествовать определенному моменту. Например: *han svarte at han skulle gjøre det, når han fikk skrevet brevet* 'он ответил, что сделает это, когда напишет письмо'.

Сочетание *fikk* с причастием II в других случаях представляет собой видовой оборот (см. § 104), а сочетание *ville* или *skulle* с инфинитивом II — сослагательное наклонение или модальный оборот (см. §§ 65 и 100).

Залог

§ 55. Определение залога представляет значительные трудности, в частности и чисто терминологические. Дело в том, что залог — явление очень сложное и противоречивое.

С одной стороны, залог — это формы глагола (в норвежском языке как простые глагольные формы, или формы слова, так и сложные глагольные формы, или «морфологические словосочетания»), т. е. явление безусловно морфологическое. Но с другой стороны, залог — это определенного рода отношение между словами, т. е. явление и синтаксическое. Не случайно для того чтобы раскрыть сущность залога, обычно оказывается необходимым прибегать к такому чисто синтаксическому понятию как «подлежащее».

Вместе с тем, хотя залог в этом смысле явление синтаксическое, для того чтобы раскрыть его сущность, обычно оказывается необходимым прибегать также к таким чисто реальным понятиям, как «производитель действия», «объект действия», «носитель действия» и т. п., т. е. понятиям, имеющим своим содержанием реальность в отвлечении от того, как эта реальность выражена синтаксически. Так, в какой бы синтаксической форме мы ни передали того факта, что кто-то убил кого-то, тот, кто убил, будет производителем действия, а тот, кого убили,

его объектом. И в предложении *bonden drepte bjørnen* 'крестьянин убил медведя', и в предложении *bjørnen ble drept av bonden* 'медведь был убит крестьянином' крестьянин — производитель действия, а медведь — его объект, хотя в первом предложении слово *bonden* — подлежащее, а слово *bjørnen* — дополнение, тогда как во втором предложении — наоборот.

При определении сущности залога нередко прибегают также к понятию «субъекта действия». Если придавать этому понятию чисто грамматический смысл, т. е. если понимать под «субъектом действия» то, чему предсказывается глагольный признак, и не смешивать это понятие, с одной стороны, с чисто реальным понятием «производителя действия», а с другой стороны, с чисто логическим понятием «субъекта суждения», или просто «субъекта» то субъект действия собственно-глагольной формы всегда совпадает с подлежащим предложения. Только в отношении глагольно-именных форм субъект действия не совпадает с подлежащим, так как под «субъектом действия» в этом случае обычно подразумевается то, что было бы подлежащим, если бы данная глагольно-именная форма была бы заменена соответствующей собственно-глагольной формой того же залогового значения. Так, в предложении *vi så et synkende skip* 'мы видели тонущий корабль' причастие *synkende* имеет своим субъектом действия слово *skip*, поскольку по своему залоговому значению это причастие соответствует собственно глагольной форме *synker* 'тонет' (сравни *skipet synker* 'корабль тонет').

Таким образом, если ограничиться собственно-глагольными формами, залог можно определить как глагольные формы, выражающие отношение глагольного признака к подлежащему, или как формы, характеризующие реальное значение подлежащего в его отношении к глагольному признаку. Если же стремиться охватить и глагольно-именные формы, то термин «подлежащее» в этом определении надо заменить термином «субъект действия».

С понятием залога связано деление глаголов на переходные и непереходные, хотя само по себе это деление чисто синтаксическое. Переходными глаголами называются такие, которые принимают беспредложное дополнение (см. § 99, например: *jegeren skjøt reven* 'охотник застрелил лисицу'; *gutten ligner sin far* 'мальчик похож на отца'; *hatten kler deg* 'шляпа идет тебе'), а непереходными такие, которые не принимают беспредложного дополнения. Например: *vi lever og arbeider* 'мы живем и работаем', *han sover* 'он спит', *tiden går* 'время идет', *jeg leter etter en blyant* 'я ищу карандаш'.

Некоторые глаголы без беспредложного дополнения вообще не употребляются, т. е. являются всегда переходными. Например: *ta* 'брать', *nevne* 'упоминать', *få* 'получать'. Такие глаголы наименее самостоятельны среди знаменательных глаголов. Другие глаголы могут употребляться как с беспредложным дополнением, так и без него. Такие глаголы являются и переходными и непереходными. Сравни: *han skriver et brev* 'он пишет письмо'; *han skriver pent* 'он пишет красиво'; *han spiser brød* 'он кушает хлеб' и *han spiser* 'он кушает'.

С другой стороны, некоторые глаголы могут становиться переходными в определенных синтаксических конструкциях, а именно в сочетании с так называемым внутренним дополнением (например: *han lever et lykkelig liv* 'он живет счастливой жизнью', *hun sover en rolig søvn* 'она спит спокойным сном') или предикативным членом дополнения (см. § 104, пункт 5). Например: *da hun nå hadde grått seg trett*, *ga hun seg på veien* 'когда она наплакалась до усталости, она отправилась в путь'.

Некоторые глаголы употребляются как с беспредложным, так и с предложным дополнением и таким образом тоже являются как переходными, так и непереходными. Например: *jeg skriver et brev* и *jeg skriver på et brev* 'я пишу письмо', *vi venter ham* и *vi venter på ham* 'мы ждем его'. Однако обычно между глаголом с беспредложным дополнением и тем же глаголом с предложным дополнением есть смысловая дифференциация (см. § 80, стр. 162). Другие глаголы являются как переходными, так и непереходными в силу самого своего значения. Например: *stanse* 'останавливать' и 'останавливаться', *slå* 'бить' и 'биться' (о сердце), *koke* 'варить' и 'вариться', *drikke* 'пить' и 'пьянствовать'.

С понятием залога связано и чисто синтаксическое деление глаголов на личные, т. е. такие, которые употребляются с реальным подлежащим (к ним принадлежит большинство глаголов), и безличные, т. е. такие, которые употребляются с формальным подлежащим *det* (см. § 90). Безличными глаголами являются, например: *det regner* 'идет дождь', *det snør* 'идет снег', *det tordner* 'гремит гром', *det hagler* 'идет град', *det dages* 'светает', *det våres* 'идет весна', *det lakker mot...* 'дело идет к...', *det græsser i meg* 'меня пробирает дрожь', *det flagger i byen* 'город украшен флагами'.

В некоторых выражениях эти глаголы употребляются и с реальным подлежащим и тогда не являются безличными. Например: *svetten haglet av ham* 'пот катил с него градом'. Напротив, многие личные глаголы могут быть в определенных

выражениях безличными, т. е. употребляться с формальным подлежащим. Например: *det lukter her* 'здесь пахнет' (сравни *kamfer lukter godt* 'камфора хорошо пахнет').

Страдательный залог

§ 56. В норвежском языке, как и в русском, действительный залог не имеет никакого формального показателя, если не считать таким показателем отсутствие показателей противоположного залога — страдательного, т. е. если не считать нулевого показателя. Что же касается страдательного залога, то он имеет в норвежском языке два ряда форм: 1) аналитические формы, т. е. формы, образуемые посредством вспомогательного глагола *bli* (или *være*), и 2) флективные формы, т. е. формы, образуемые посредством окончания *-s*. Эти два ряда форм отличаются и по оттенкам своего значения или по своему употреблению.

Аналитические формы страдательного залога образуются сочетанием соответствующих форм действительного залога вспомогательного глагола *bli* (или *være*) с причастием II знаменательного глагола. Например: *blir kastet* — пресенс страдательного залога от *kaste* 'бросать', *ble kastet* — претерит, *er blitt kastet* или чаще *er kastet*, также *har vært kastet* — перфект, *var blitt kastet* или чаще *var kastet*, также *hadde vært kastet* — плюсквамперфект, *vil bli kastet*, *skal bli kastet* или *kommer til å bli kastet* — будущее время, *skal være blitt kastet* или *vil være blitt kastet* — будущее II, *skulle bli kastet* или *ville bli kastet* — будущее в прошедшем или сослагательное I, *skulle være blitt kastet* или *ville være blitt kastet* — сослагательное II, *bli kastet* — повелительное наклонение.

Аналитические формы страдательного залога представляют собой морфологические словосочетания, временное значение которых аналогично временному значению соответствующих форм действительного залога.

Флективные формы страдательного залога образуются посредством окончания *-s*. В пресенсе присоединение этого окончания влечет за собой отпадение окончания *-r*. Например: *kastes* (пресенс действительного залога *kaster*) от *kaste* 'бросать'. В претерите окончания *-s* принимают только глаголы, оканчивающиеся в претерите действительного залога на гласный. Например: *kaltet* (претерит действительного залога *kalte*) от *kalle* 'называть'. Сильные глаголы, оканчивающиеся в претерите действительного залога на согласный, принимают в пре-

терите страдательного залога окончание -es. Например: *bandtes* (претерит действительного залога *bandt*) от *binde* 'связывать'. Слабые глаголы, оканчивающиеся в претерите действительного залога на согласный (т. е. на -et), в претерите страдательного залога имеют окончание -edes. Например: *elskedes* (претерит действительного залога *elsket*) от *elske* 'любить'. Однако претерит страдательного залога на -s от глаголов, оканчивающихся в претерите действительного залога на согласный, вообще употребляется очень редко. В будущем времени окончание -s присоединяется к инфинитиву. Например: *skal kastes* или *vil kastes* от *kaste* 'бросать'. Также образуется и будущее в прошедшем или сослагательное I. Например: *skulle kastes* или *ville kastes* от *kaste* 'бросать'. Других форм страдательный залог на -s не имеет.

Страдательный залог следует отличать от сходных с его флексивными формами отложительных глаголов (см. § 60), от безлично-страдательной конструкции (см. § 59), а также от так называемого «пассива состояния» (см. § 96).

§ 57. Страдательный залог по своему значению противопоставляется действительному. В предложении с глаголом в действительном залоге подлежащее (или субъект действия) выражает производителя действия, тогда как дополнение выражает его объект. Например: *bonden drepte bjørnen* 'крестьянин убил медведя'. В предложении с глаголом в страдательном залоге подлежащее выражает объект действия, тогда как производитель его выражен дополнением с предлогом *av* или совсем не выражен. Например: *bjørnen ble drept (av bonden)* 'медведь был убит (крестьянином)'.

Таким образом, один и тот же факт может быть выражен как в действительном, так и в страдательном залоге. Но отсюда не следует, что значение двух предложений, передающих тот же факт в действительном и страдательном залогах, тождественно. Различие в залоговом значении глагола создает значительное различие и в значении предложения в целом. В случае предложения с глаголом в действительном залоге на первом плане оказывается производитель действия, четко противопоставленный его объекту. В случае же предложения с глаголом в страдательном залоге на первом плане оказывается само действие и его объект, тогда как его производитель отодвинут на задний план и может быть вообще не выражен как несущественный для высказывания или неизвестный (*bjørnen ble drept* 'медведь был убит').

Если в предложении с глаголом в страдательном залоге есть дополнение с предлогом *av*, выражающее производителя действия, то такая структура предложения называется трехчленной страдательной конструкцией (*bjørnen ble drept av bonden*), если же этого дополнения в предложении нет, то такая структура предложения называется двухчленной страдательной конструкцией (*bjørnen ble drept*).

Обычно в предложениях с глаголом в страдательном залоге подлежащим является то, что было бы прямым дополнением в соответствующем предложении с глаголом в действительном залоге и двойным дополнением (см. § 102). Однако в норвежском языке в некоторых случаях в предложении с глаголом в страдательном залоге подлежащим может быть то, что было бы в соответствующем предложении с глаголом в действительном залоге косвенным дополнением. Например: *etter middagen ble gjestene vist en kinesisk film (Fr.)* 'после обеда гостям был показан китайский фильм' (сравни *man viste gjestene en kinesisk film*).

В случае фразеологизмов, состоящих из глагола с беспредложным и предложным дополнениями, в предложении с глаголом в страдательном залоге подлежащим может быть то, что было бы в соответствующем предложении с глаголом в действительном залоге предложным дополнением. Например: *han ble sendt bud etter* 'за ним было послано' (сравни *vi sendte bud etter ham*), *hun ble gjort kur til* 'за ней ухаживали' (сравни *vi gjorde kur til henne*).

Следует иметь в виду также, что не все переходные глаголы могут образовывать страдательный залог. Так, например, к предложениям *gutten lignet sin far* 'мальчик походил на своего отца', *hatten kler deg* 'шляпа идет тебе', *han fikk en krone* 'он получил крону' нельзя образовать соответствующие предложения с переходными глаголами *ligne*, *kle* или *få* в страдательном залоге (**faren ble lignet av gutten* и т. д.). Употребляемость в страдательном залоге вообще в разной мере свойственна переходным глаголам разного лексического значения.

С другой стороны, в норвежском языке возможен страдательный залог и от глаголов, принимающих только предложное дополнение, т. е. глаголов непереходных, например: *alt ble rettet på* 'все было исправлено'.

Таким образом, нельзя сказать, ни что у всех переходных глаголов есть страдательный залог, ни что страдательный залог есть только у переходных глаголов.

§ 58. Аналитические формы являются обычными формами страдательного залога в норвежском языке. Флексивные формы,

как синонимы аналитических форм, характерны только для старомодного книжного стиля. В живом норвежском языке флективные формы отличаются от аналитических форм оттенком своего значения и поэтому употребляются только в определенных случаях.

По сравнению с аналитическими формами флективные формы обозначают действие более объективно-абстрактно или менее конкретно-процессуально. Они подразумевают меньшее осознание как приуроченности действия во времени и пространстве, так и связи действия с его производителем. Поэтому всего чаще флективные формы страдательного залога употребляются в инфинитиве.

В пресенсе, где различие в значении этих форм всего заметнее, флективные формы употребляются:

1. Если речь идет не столько о действии, выполняемом кем-то, сколько о свойстве чего-то, т. е. если значение страдательного действия почти сведено на нет. Например: *bensin antennes lett* 'бензин легко воспламеняется'; *salt løses i vann* 'соль растворяется в воде'. Аналитическая форма в таких случаях никогда не употребляется.

2. Если речь идет о действии, которое может или должно быть произведено, независимо от того, производится оно в действительности или нет. Например: *1 liter saft kokes med 1/2 kg sukker 20—30 min., skummes og helles på rene flasker som korkes straks* (Fr.) '1 литр сока варится с 1/2 кг сахара 20—30 мин., освобождается от накипи и разливается в чистые бутылки, которые сразу закупориваются'. Аналитическая форма в таких случаях мало употребительна.

3. Если речь идет о действии, которое регулярно или обычно производится. Например: *blad visner, liv dør, millioner av døde begraves hvert år* (G.) 'лист сохнет, жизнь умирает, миллионы мертвых погребаются каждый год'. Аналитическая форма в таких случаях подчеркивала бы отдельные конкретные действия, приуроченные к определенному времени. Сравни: *porten stenges kl. 10 om aftenen* (W.) 'ворота запираются в 10 часов вечера' и *hver aften kl. 10 blir porten stengt* (W.) 'каждый вечер в 10 часов ворота запирают'.

4. Если речь идет о действии, длящемся в настоящем. Например: *i sovjetpaviljongen demonstreres verktøymaskiner* (Fr.) 'в советском павильоне демонстрируются станки'; *men hele tiden produceres der giftgas i laboratoriet under hennes føtter* (G.) 'но все время в лаборатории под ее ногами производится ядовитый газ'. Аналитическая форма, напротив, мало

употребительна, если речь идет о действии, длящемся в настоящем, но она обычна в «историческом настоящем» (см. § 47, пункт 4). Например: *i dette øyeblikk blir et vindu åpnet og en kvinne kommer tilsyne* (W.) 'в это мгновение окно открывается и появляется женщина'.

5. С некоторыми глаголами, которые вообще не образуют аналитической формы страдательного залога, а именно с глаголами *eie* 'владеть', *ha* 'иметь', *vite* 'знать', *få* 'получать', *erholde* 'получать', *miste* 'потерять', *skylde* 'быть должным' и т. п.

В пресенсе, обозначающем будущее действие, обычна аналитическая форма. Например: *pass dig, så du ikke blir sett* (W.) 'берегись, чтобы тебя не увидели'.

В претерите флективная форма употребляется гораздо реже, чем в пресенсе, причем исключительно в книжном языке.

В будущем времени флективная форма мало употребительна. Но она обычна в модальном обороте со *skal* или *vil* (ср. § 100, стр. 202). Например: *kanalen skal bygges i årene 1954—1958* (Fr.) 'канал должен быть построен в 1954—1958 годах'.

Безлично-страдательная конструкция

§ 59. Формы страдательного залога (как аналитические, так и флективные) могут употребляться и с формальным подлежащим *det* или *der* (см. § 90) или с наречием *her* вместо подлежащего. Например: *det blev kjempet om den natt og dag* (G.) 'за него сражались ночь и день'; *der ble ikke talt* (B.) 'ни слова не было сказано'; *der konkurreres i vals, tango, rhumba og quickstep* (Fr.) 'объявлен конкурс на исполнение вальса, танго, румбы и квикстепа'; *men her tales om en garanti paa et par tusen hos en grosserer i hovedstaden* (Bo.) 'но здесь говорится о гарантии на пару тысяч со стороны столичного оптовика'.

Общим со страдательным залогом в этой конструкции является то, что на первый план в ней выдвинуто само действие (*det ble sovet* 'спали'), тогда как его производитель обычно совершенно не выражен, хотя и мыслим ('спали', т. е. 'обитатели дома спали'). Однако в отличие от страдательного залога в этой конструкции объект действия тоже не выражен. Поэтому конструкция эта обычна от непереходных глаголов. В редких случаях в этой конструкции производитель действия выражен предложным дополнением. Например: *da de høitidelige Gjæster vare gaaede, blev der danset lystigt af Brudeparrets mange Venner og Veninder* (K.) 'когда важные гости ушли, многочис-

сленные друзья и подруги новобрачных стали весело танцевать'. Впрочем, и в этом случае производители действия оказываются совершенно отодвинутыми на задний план. Безлично-страдательная конструкция имеет кое-что общее и с предложениями, в которых подлежащим является неопределенно-личное местоимение *man* или *en* (см. § 39). Однако эти предложения отличаются от нее тем, что в них производитель действия хотя и неопределен, однако не отодвинут на задний план.

Отложительные глаголы

§ 60. Окончание *-s* характерно не только для определенной глагольной формы, а именно флексивной формы страдательного залога, но также и для определенной группы глаголов, получивших условное название «отложительных» (*verba deponentia* «отложительные глаголы» — термин латинской грамматики). Отложительные глаголы имеют те же окончания, что и флексивная форма страдательного залога (см. § 56). Однако в отличие от флексивных форм страдательного залога отложительные глаголы имеют не только пресенс, претерит и формы, образуемые с помощью инфинитива, но также и формы, образуемые с помощью причастия II (см. § 71). Например: *det er lykket meg* (G.) «мне это удалось»; *og de hadde møttes* (G.) «и они встречались». Глагол *finnes* «находиться» имеет в пресенсе также форму *finns*, а в претерите — *fans*. Например: *det fins ingen bøker her* «здесь нет книг». Что касается залогового значения отложительных глаголов, то оно довольно разнообразно, однако значения страдательного залога они никогда не имеют. Подавляющее большинство их является непереходными.

Многие отложительные глаголы имеют медиальное значение. Другими словами, подлежащее при них (или субъект действия) имеет значение не производителя действия, а его носителя. Таковы глаголы *lykkes* «удаваться», *fattes* «не хватать», *times* «случаться», *trives* «процветать», *eldes* «стареть», *synes* «казаться» (например: *som det synes* «повидимому»), *kalles* «называться» и т. д. Некоторые из таких глаголов приближаются по своему значению к страдательному залогу. Таковы глаголы *ses* «видеться», *høres* «доноситься», *spørres* «говориться», *skyldes* «объясняться чем-либо», *behøves* или *trenges* «требоваться», *finnes* «находиться» и т. п. Например: *der sees holmer og kystlandskap* (B.) «виднеются островки и берега моря»; *fjernt fra høres larmen av rotasjonspressen* (G.) «издалека доносится шум ротационной машины»; *boken fantes bare i fem-seks, meget*

sjeldne eksemplarer (G.) «имелось всего пять-шесть очень редких экземпляров книги»; *det behøves ikke* «не надо».

Среди отложительных глаголов с медиальным значением отчетливую группировку образуют глаголы, которые обозначают душевные процессы, происходящие независимо от воли их носителя. Например: *gledes* «радоваться», *lenges* «томиться», *ynkes* «жалеть», *blyges* «стыдиться», *skjemmes* «стыдиться», *forundres* «удивляться», *harmes* «огорчаться», *pinnes* «мучаться», *synes* «думать» (например: *jeg synes at...* «мне кажется, что...»).

При некоторых отложительных глаголах подлежащее (или субъект действия) имеет значение сознательного производителя действия, например у глаголов *omgås* «общаться», *ferdes* «ездить». Переходными отложительными глаголы бывают только в единичных случаях. Например: *det vil man lenge minnes* «это будут долго помнить», *jeg fattes ord* «мне не хватает слов». Среди отложительных глаголов есть и безличные, т. е. употребляющиеся только с формальным подлежащим. Например: *det dages* «светает» (от *dag* «день»), *det våres* «весна идет» (от *vår* «весна»).

Отчетливую группировку образуют отложительные глаголы, которые обозначают взаимное действие, т. е. действие, каждый из производителей которого является вместе с тем его объектом. Например: *møtes* или *treffes* «встречаться», *slåss* «драться», *ses* «видеться», *kysses* «целоваться», *kappes* «состязаться», *snakkes ved* «разговаривать друг с другом», *bites* «кусать друг друга», *hilses* «здороваться друг с другом».

В чисто формальном отношении отложительные глаголы можно разделить на следующие группировки:

1. Отложительные глаголы, которые имеют соответствующую неотложительную форму. Так, глагол *gledes* «радоваться» имеет соответствующую неотложительную форму *glede* «радовать». К таким глаголам относятся также *samles* «собираться», *skilles* «расставаться», *møtes* «встречаться», *forundres* «удивляться», *åpnes* «открываться» и т. д. В ряде случаев, однако, эта неотложительная форма сильно отличается от соответствующего отложительного глагола не только по своему залоговому, но и по своему лексическому значению. Сравни *synes* «казаться» и *syne* «показывать»; *omgås* «общаться» и *omgå* «обходить»; *brytes* «бороться» и *bryte* «ломать».

2. Отложительные глаголы, которые не имеют соответствующей неотложительной формы. Так, глагол *lykkes* «удаваться» не имеет соответствующей неотложительной формы **lykke*.

К таким глаголам относятся также *ferdes* 'есдить', *dages* 'светать', *blyges* 'стыдиться', *karpes* 'состязаться', *lenges* 'томиться', *grønnes* 'зеленеть', *tykkes* 'казаться', *tekkes* 'угождать', *enes* 'сговариваться' и т. д.

3. Отложительные глаголы, которые имеют соответствующую возвратную форму (см. § 61). Так, глагол *forundres* 'удивляться' имеет соответствующую возвратную форму *forundre seg* того же значения. К таким глаголам относятся также *gledes* и *glede seg* 'радоваться', *ynkes* 'жалеть' и *ynke seg* 'жаловаться'. В парах этого типа часто нет различия в значении.

Наконец, следует иметь в виду, что отложительный глагол может совпадать по форме со страдательным залогом неотложительного глагола. Сравни *jeg vil ikke kysses* 'я не хочу целоваться' (отложительный глагол взаимного значения) и *jeg vil ikke kysses av deg* 'я не хочу, чтобы ты меня целовал' (страдательный залог от переходного глагола).

Возвратный оборот и возвратные глаголы

§ 61. Окончание *-s*, которое характерно для отложительных глаголов и флексивного страдательного залога, этимологически тождественно возвратному местоимению *seg* и поэтому представляет собою аналогию русской глагольной частицы *-ся*. Однако в отличие от этой частицы окончание *-s* никогда не придает глаголу значения возвратного действия, т. е. действия, производитель которого является вместе с тем и его объектом. Это значение выражается в норвежском языке возвратным оборотом, т. е. сочетанием глагола в действительном залоге с возвратным местоимением *seg* (в случае инфинитива или подлежащего в третьем лице) или личным местоимением в объектном падеже (в случае подлежащего в первом или втором лице). Например: *vaske seg* 'мыться', *jeg vasker meg* 'я моюсь', *du vasker deg* 'ты моешься', *han vasker seg* 'он моется', *vi vasker oss* 'мы моемся', *dere vasker dere* 'вы моетесь', *De vasker Dem* 'Вы моетесь', *de vasker seg* 'они моются'. Сравни также *kalle seg* 'называть себя', *verge seg* 'защищаться', *henge seg* 'вешаться', *varme seg* 'греться' и т. д.

Возвратными глаголами называются глаголы, которые совпадают по своей форме с возвратным оборотом, однако не имеют значения возвратного действия. Таким образом, возвратные глаголы формально так же относятся к возвратному обороту, как отложительные глаголы относятся к флексивному стра-

тельному залогоу. Возвратные глаголы и по своему залоговому значению близки к отложительным. Многие из них имеют медиальное значение. Все они принадлежат к непереходным глаголам. К возвратным глаголам относятся, например: *skamme seg* 'стыдиться', *te seg* 'вести себя', *skynde seg* 'спешить', *blære seg* 'хвастаться', *undre seg* 'удивляться', *glede seg* 'радоваться', *egne seg* 'годиться', *sette seg* 'сесть', *komme seg* 'поправиться', *forelske seg* 'влюбиться', *sømme seg* 'подобать', *rådføre seg* 'советоваться', *tildra seg* 'случаться', *samle seg* 'сбираться', *engste seg* 'беспокоиться'.

Некоторые возвратные глаголы имеют соответствующую невозвратную форму. Сравни *sette seg* 'сесть' и *sette* 'ставить', *glede seg* 'радоваться' и *glede* 'радовать', *engste seg* 'беспокоиться' и *engste* 'беспокоить'. Другие возвратные глаголы не имеют соответствующей невозвратной формы. Таковы *blære seg* 'хвастаться', *rådføre seg* 'советоваться', *egne seg* 'годиться', *te seg* 'вести себя', *forelske seg* 'влюбиться', *dy seg* 'сдерживаться', *sømme seg* 'подобать', *tildra seg* 'случаться' и др. Нередко возвратные глаголы имеют соответствующую отложительную форму (ср. § 60).

Наклонение

§ 62. Наклонением называется глагольная форма, выражающая определенную модальность высказывания, т. е. устанавливаемое говорящим отношение высказывания к действительности (его соответствие действительности или несоответствие, а также соответствие предположительное, возможное, желаемое, обещаемое и т. д.).

Та или иная модальность есть во всяком высказывании. Однако она выражается посредством наклонения только в ограниченном количестве случаев. В норвежском языке она выражается также посредством слов или словосочетаний модального значения, интонации, порядка слов и т. д. Важную роль в выражении модальности высказывания играют так называемые модальные обороты, т. е. сочетания глагола модального значения с инфинитивом другого глагола (см. § 100).

Только для изъявительного наклонения характерна связь со временем. Поэтому временные формы глагола (см. §§ 46—54) являются вместе с тем и формами изъявительного наклонения, которые таким образом не нуждаются в специальном рассмотрении.

Повелительное наклонение

§ 63. Повелительное наклонение выражает в норвежском языке приказание, призыв или просьбу говорящего, обращенные к тому, от которого ожидается их выполнение, т. е. к другому лицу или другим лицам (форма второго лица единственного или множественного числа) или к самому себе и другим лицам вместе (форма первого лица множественного числа).

Форма повелительного наклонения второго лица обоих чисел совпадает с глагольной основой, т. е. не имеет никакого окончания. Например: *hjelp!* 'помоги(те)!' (от *hjelp*), *se!* 'смотри(те)!' (от *se*), *kom straks!* 'приходи(те) сразу!' (от *komme*), *ti stille!* 'молчи(те)!' (от *tie*), *kjør ikke katten i sekken!* 'не покупай(те) kota в мешке!' (от *kjøpe*).

Исключением являются глаголы с основой на сочетание согласных, необычное в конце слова, а также глаголы на *-ige*. Эти глаголы имеют в форме второго лица повелительного наклонения окончание *-e*. Например: *fordre!* 'требуй(те)!' (от *fordre*), *uleilige Dem ikke!* 'не затрудняйтесь!' (от *uleilige*). Отложительные глаголы, как правило, не имеют этой формы совсем.

Форма повелительного наклонения первого лица образуется сочетанием вспомогательного глагола *la* (в форме повелительного наклонения второго лица) с личным местоимением первого лица множественного числа в объектном падеже (т. е. *oss*) и инфинитива знаменательного глагола. Например: *la oss lese!* 'давайте читать!' (от *lese*), *la oss ikke gjøre det!* 'не будем делать этого!' (от *gjøre*).

Для повелительного наклонения характерно также особое место в предложении (именно в самом начале его, см. примеры выше) и особая интонация, выражающая разные оттенки приказания, призыва или просьбы.

Иногда форму повелительного наклонения сопровождает личное местоимение второго лица. Например: *tro du meg* 'поверь мне'.

В значении приказания, призыва или просьбы употребляется также иногда форма пресенса или будущего времени изъявительного наклонения. Например: *så går vi og spiser!* 'пойдем закусим!'; *du skal ikke engste deg for meg!* 'не беспокойся обо мне!'

Сослагательное наклонение

§ 64. Сослагательное наклонение — это система глагольных форм, выражающих устанавливаемое говорящим несоответствие высказывания действительности или его соответ-

ствие предположительное, мыслимое, возможное, желаемое и т. д. В норвежском языке различается флективное и аналитическое сослагательное наклонение.

Флективное сослагательное наклонение имеет только одну форму. Эта форма всегда совпадает с инфинитивом и обычно выражает пожелание. В современном языке эта форма употребляется редко, исключительно с третьим лицом подлежащего и преимущественно в фразеологических словосочетаниях. Например: *leve fedrelandet!* 'да здравствует родина!'; *redde seg den som kan!* 'спасайся, кто может!'; *tro det den som kan!* 'пусть этому поверит, кто может!'; *fanden ta meg!* 'чорт меня возьми!'; *skje din vilje!* 'да будет воля твоя!'; *koste hva det ville* 'чего бы это ни стоило!'. В значении допущения или уступки эта форма в современном языке совсем устарела. Сравни, однако: *men en avis, en virkelig avis — den være så konservativ den være vil — bevarer ingenting* (G.) 'но газета, настоящая газета — как бы консервативна она ни была — ничего не сохраняет'.

§ 65. Аналитическое сослагательное наклонение образуется сочетанием пресенса или претерита вспомогательного глагола *skulle* с инфинитивом I или II знаменательного глагола (без частицы *å*), а также сочетанием претерита вспомогательного глагола *ville* и инфинитива I или II знаменательного глагола (без частицы *å*). Например: *skal lese* (сослагательное со *skal* I), *skulle lese* (сослагательное со *skulle* I), *skal ha lest* (сослагательное со *skal* II), *skulle ha lest* (сослагательное со *skulle* II), *ville lese* (сослагательное с *ville* I), *ville ha lest* (сослагательное с *ville* II) от *lese* 'читать'.

Вместо форм *skulle ha lest* и *ville ha lest* и т. п. в разговорном языке встречаются также формы *skulle lest* и *ville lest* (ср. § 73, стр. 139).

От аналитического сослагательного наклонения следует отличать совпадающие с ним по форме модальные обороты (см. § 100), от которых оно отличается тем, что входящий в его состав модальный глагол полностью утратил свое лексическое значение, а также глагольные времена — будущее I, будущее II и будущее в прошедшем I и II (см. §§ 51—54), от которых оно отличается тем, что имеет не временное, а модальное значение.

Сослагательное наклонение со *skulle* или *skal* и инфинитивом I обычно выражает различные оттенки несоответствия высказывания действительности, характерные для придаточных предложений. При этом обычно сослагательное со *skulle* I

употребляется, если в главном предложении глагол в претерите, а сослагательное со *skal* I употребляется, если в главном предложении глагол в пресенсе. Например: *jeg vilde ikke, at Osvald... skulde ta nogetsomhelst i arv efter sin far* (I.) 'я бы не хотела, чтобы Освальд... унаследовал что-либо от отца'; *han syntes, han skulde kjende stemmen* (Bo.) 'ему показалось, что он знает этот голос'; *jeg vil ikke ha, at du skal gå og se på det* (I.) 'я не хочу, чтобы ты смотрела на это'; *nu kan jeg tænke, hvad det så skal være* (I.) 'я понимаю, в чем дело'; *skal dette være en bebrejdelse, så vil jeg be Dem overveje* — (I.) 'если это упрек, то я прошу вас учесть —'.

В придаточных условных сослагательное со *skulle* II выражает условие, которое уже не может быть выполнено. Например: *skulle jeg ha vært der i går, ville jeg ha gjort det* 'если бы я был там вчера, я бы сделал это'.

Сослагательное со *skulle* I встречается и в простом предложении, особенно в некоторых выражениях. Например: *det skulle jeg mene* 'я склонен так думать'; *man skulle tro at...* 'можно подумать, что...'; *det skulle bare mangle!* 'этого только не хватало!'; *skulle det være sant?* 'неужели это правда?'; *skulle det virkelig være henne?* 'неужели это действительно она?'; *jeg skulle forråde min venn!* 'чтобы я изменил своему другу!'; *hvorledes skulle jeg kunne nekte deg noenting nå?* 'как бы я мог отказать тебе в чем-нибудь теперь?'.

Сослагательное со *skulle* II выражает в этом случае действие, прошлое по отношению к моменту высказывания. Например: *skulle noe ha hendt ham?* 'неужели с ним что-нибудь случилось?'.

Иногда сослагательное со *skulle* I употребляется и в главном предложении условного периода и выражает тогда следствие еще не осуществленного условия. Например: *var det ikke for far og mor, da skulle jeg gjerne reise* 'если бы не отец и мать, я бы охотно поехал'.

Сослагательное со *skal* I тоже иногда употребляется в простом предложении. Например: *men hvorfor skal han bestandig være så hoven og kald?* (G.) 'но почему он всегда такой надутый и холодный?'. Большей частью, однако, сослагательное со *skal* I в простом предложении выражает, что высказывание принадлежит не самому говорящему, а другому лицу и что говорящий не ручается за правильность этого высказывания. Например: *han skal nok være nede hos Relling, siger de* (I.) 'говорят, что он внизу, у Реллинга'; *grunnen skal være et sesongmessig fall i prisene på poteter* (Fr.) 'говорят, что причина этого

сезонное падение цен на картофель'. Сослагательное со *skal* II может соответственно выражать, что то, о чем говорится в чужом высказывании, относится к прошлому. Например: *han skal ha vært forferdelig full da skibet kom inn* (G.) 'говорят, что он был ужасно пьян, когда корабль пришел в порт'.

Сослагательное с *ville* I употребляется значительно реже, чем сослагательное со *skulle* I. В главном предложении условного периода оно выражает следствие еще не осуществленного условия. Например: *best for mig vilde det være om vi blev igjen her* (G.) 'для меня было бы лучше всего, если бы мы остались здесь'. Оно встречается и в придаточных условных. Например: *jeg vil være takknemlig om du vilde gjøre det* (G.) 'я буду благодарен, если бы ты сделал это'.

Сослагательное с *ville* II выражает в этом случае следствие условия, которое уже не может быть выполнено. Например: *dersom jeg hadde visst det forrige år, ville jeg ha sagt det* 'если бы я знал это в прошлом году, я бы сказал это'.

Сослагательное с *ville* I встречается иногда и в простом предложении. Например: *det ville være meget snilt av Dem* 'это было бы очень мило с Вашей стороны'; *det ville gjøre meg ondt* 'это было бы мне неприятно'.

§ 66. Сослагательное наклонение имеет также формы омонимичные претериту и плюсквамперфекту изъявительного наклонения и синонимичные сослагательному со *skulle* I и II. Поскольку эти формы омонимичны изъявительному наклонению, т. е. неотличимы по своему звуковому составу от форм изъявительного наклонения, они употребляются только в тех случаях, когда их модальное значение ясно из структуры предложения, а именно — всего чаще в придаточном и главном предложениях условного периода, причем форма, омонимичная плюсквамперфекту, выражает в этом случае условие, которое уже не может быть выполнено, или его следствие. Например: *hvis han vendte hjem, ville han ikke kunne fortsette sitt arbeid* (Fr.) 'если бы он вернулся домой, он бы не смог продолжать свою работу'; *hvis vi ikke trodde det, hva blev, der så igjen av oss* (G.) 'если бы мы не верили этому, что бы стало с нами'; *jeg havde aldrig holdt det ud, hvis jeg ikke havde havt mit arbejde* (I.) 'я бы не выдержал этого, если бы у меня не было моей работы'. Встречаются эти формы и в других придаточных предложениях, а иногда и в простых предложениях. Например: *jeg skulde gjerne se den som våget det* (G.) 'я бы хотел видеть того, кто бы решился на это'; *aldrig i verden havde Regine gjort dette!* (I.) 'Регина никогда бы не сделала этого!'.

Глагольно-именные формы

Инфинитив

§ 67. Инфинитивом называется глагольно-именная форма, имеющая временное и залоговое значение, однако приближающаяся по своему грамматическому значению к существительному. Инфинитив считается исходной формой глагола.

В норвежском языке инфинитив имеет следующие формы: инфинитив I, инфинитив II (или перфектный инфинитив), инфинитив будущего времени и соответствующие инфинитивы страдательного залога. Когда не оговаривают, какую из этих форм инфинитива имеют в виду, то всегда имеют в виду инфинитив I.

Инфинитив I образуется окончанием -e или, если глагольная основа оканчивается на ударный гласный, не принимает никакого окончания и совпадает с основой. Например: *kaste* 'бросать', *lese* 'читать', *på* 'достигать', *dø* 'умирать', *by* 'предлагать', *fri* 'освобождать'. Исключением являются некоторые глаголы с основой на ударный гласный, которые принимают в инфинитиве окончание -e (*tie* 'молчать', *vie* 'посвящать', *bie* 'ждать', *true* 'грозить', *due* 'годиться', *kvie seg* 'не решаться' и некоторые другие).

Инфинитив II образуется сочетанием инфинитива I вспомогательного глагола *ha* и причастия II знаменательного глагола. Например: *ha kastet* 'бросать'. Инфинитив II глагола *bli* образуется также с помощью инфинитива I вспомогательного глагола *være*.

Инфинитив будущего времени образуется сочетанием инфинитива вспомогательного глагола *skulle* и инфинитива знаменательного глагола. Например: *skulle kaste* 'бросить'.

Инфинитивы страдательного залога образуются сочетанием соответствующего инфинитива вспомогательного глагола *bli* и причастия II знаменательного глагола. Например: инфинитив I — *bli kastet* 'быть брошенным', инфинитив II — *være blitt kastet* 'быть брошенным'. Инфинитив I страдательного залога имеет, кроме того, флексивную форму, образованную окончанием -s. Например: *kastes* 'быть брошенным'. Так же образуется инфинитив от отложительных глаголов. Например: *synes* 'казаться'.

Инфинитивная частица å

§ 68. Обычно инфинитиву в любой его форме предшествует частица å (раньше *at*), которая является его признаком. Частица отсутствует при инфинитиве только в следующих случаях:

1. После модальных глаголов *burde* 'долженствовать', *få* 'долженствовать', 'мочь', *gide* 'хотеть', *kunne* 'мочь', *måtte* 'долженствовать', 'мочь', *skulle* 'долженствовать', *tore* 'смечь', *ville* 'хотеть'. Например: *vi kunne ikke gjøre det* 'мы не могли сделать этого'.

2. Иногда после глаголов *behøve* 'нуждаться', *evne* 'мочь', *greie* 'справиться', *like* 'нравиться', 'любить', *make* 'мочь', *orke* 'мочь', *pleie* 'иметь обыкновение', *prøve* 'пытаться', *synes* 'казаться', *trenge* 'нуждаться', *våge* 'смечь' и т. п. Например: *han pleier (å) lese høyt* 'он обычно читает вслух'.

3. В двойном или сложном дополнении при глаголах *la* 'позволять', *be* 'просить', *høre* 'слышать', *se* 'видеть' и т. п. (см. § 103). Например: *han ba henne komme* 'он попросил ее прийти'. Иногда также при глаголе в страдательном залоге (см. § 103). Например: *han hørt (å) skrike* 'было слышно, как он кричит'.

4. После союза *enn*, если перед этим союзом стоит инфинитив без å, а также обычно после выражения *ikke annet enn*. Например: *før ville hun skyte seg enn gå der* 'она бы скорее застрелилась, чем пошла туда'; *de gjorde ikke annet enn lese* 'они только и делали что читали'.

5. После вопросительного наречия *hvorfor*. Например: *men hvorfor dølge sannheten?* 'но зачем скрывать правду?'.

6. В оборотах с глаголом *gjøre* (см. § 94, стр. 189). Например: *selge gjorde han ikke* 'продавать он не продавал'.

7. В восклицательных оборотах типа *jeg spøke!* 'чтобы я шутил!', *tenke seg at...* 'подумать что...?'

8. Когда инфинитив приводится как исходная глагольная форма в грамматике, словаре и т. д.

Поскольку частица å фонетически тождественна союзу *og* в его обычном произношении [o:], в ряде случаев эта частица осмысливается как сочинительный союз, и тогда инфинитив может заменяться собственно-глагольной формой. Например: *han vil gå og bade* (вместо å bade) 'он пойдет купаться'; *han skulle ut og fiske* (вместо å fiske) 'он собирался идти ловить рыбу'; *vær så snill og se innom* (вместо å se innom) 'будьте любезны зайти'; *de var med og lekte* (вместо å leke) 'они тоже играли'; *skynd deg nå og spis* (вместо å spise) 'кушай скорее'.

Временное и залоговое значение инфинитива

§ 69. Особенностью инфинитива является то, что он подобно собственно-глагольным формам имеет грамматические значения времени и залога. Однако временное значение форм инфинитива отлично от временного значения собственно-глагольных форм. В то время как собственно-глагольная форма обычно соотносит время выражаемого им действия непосредственно с моментом высказывания, инфинитив всегда соотносит время выражаемого им действия с временем действия собственно-глагольной формы.

Так, инфинитив I обычно обозначает действие, одновременное с действием собственно-глагольной формы, или действие, вообще не локализованное во времени. Например: *han øver seg i å lese* 'он упражняется в чтении'; *vi kan gjøre det* 'мы можем сделать это'.

Инфинитив II обозначает действие, предшествовавшее действию собственно-глагольной формы. Например: *en 16-årig gutt tilsto å ha satt på brannen* (Fr.) 'шестнадцатилетний мальчик признался, что это он поджог'; *gamle folk sier at de ikke kan huske å ha opplevd maken* (Fr.) 'старые люди говорят, что на их памяти ничего подобного не происходило'. Инфинитив II особенно употребителен после предлогов *etter* и *uten*, а также после модальных глаголов и глаголов *synes* и *tykkes*. Например: *da han kom fra byen etter å ha vært på kino lørdag kveld*, *gikk han direkte til gården* (Fr.) 'когда он вернулся из города, побывав в кино в субботу вечером, он пошел прямо на хутор'; *han haltet bort uten å ha sagt et ord* (G.) 'он ушел хромя, не сказав ни слова'; *mor kan jo ha fundet mig* (I.) 'может быть мать меня нашла'; *han må ha fått et slag mot båten* (Bo.) 'он должно быть ударился о лодку'; *jeg syntes å ha vært syk* 'мне казалось, что я был болен' (сравни *jeg syntes å være syk* 'мне казалось, что я болен').

Инфинитив будущего времени обозначает действие, будущее по отношению к действию собственно-глагольной формы. Например: *den lange stille Sommer syntes aldrig at skulde tage Ende* (L.) 'казалось, что долгое тихое лето никогда не кончится'; *Ashley var glad ved tanken på å skulle bo i et engelsk hjem* (G.) 'Эшли радовалась мысли, что он будет жить в английском доме'.

Залоговое значение инфинитива совершенно аналогично залоговому значению собственно-глагольных форм. Флексивный инфинитив страдательного залога особенно употребителен после модальных глаголов. Например: *Det kunne ikke gjøres*

'это не могло быть сделано'; *han skulle stanses* 'его надо было остановить'.

Инфинитив действительного залога в определенной синтаксической конструкции имеет значение инфинитива страдательного залога. Например: *det var jo at vente* (I.) 'этого надо было ожидать'; *men ikke en lyd var at høre* (Bo.) 'не было слышно ни звука'; *endnu er bare de første tegn at spore* (I.) 'пока можно проследить только первые признаки'; *der er ingen bøker å få* 'там нет книг'.

Функции инфинитива

§ 70. Инфинитив может выступать в предложении как 1) подлежащее (например: *å lide* er *å leve* 'страдать значит жить', см. § 87); 2) предикативный член (например: *hans hensikt var å more seg* 'его намерением было позабавиться', см. § 95); 3) дополнение (например: *han holdt opp å snakke* 'он перестал болтать', см. § 100); 4) определение (например: *kunsten å skrive* er meget gammel 'искусство писать очень древне', см. § 114); 5) обстоятельство (например: *han satte seg hen å lese* 'он сел, чтобы читать', см. § 106); 6) сказуемое сложного дополнения (например: *jeg ser ham komme* 'я вижу, как он идет', см. § 103); 7) составная часть предикативного члена (например: *det er umulig å vite* 'это невозможно знать', см. § 95); 8) зависимый член предложного словосочетания (например: *de levde av å fiske* 'они жили тем, что ловили рыбу', *han gikk uten å stanse* 'он шел не останавливаясь', *jeg har ikke tid til å stå her* 'у меня нет времени, чтобы стоять тут', см. § 80); 9) составная часть вводных оборотов типа *å dømmе* etter det utvortes 'судя по внешности'; 10) составная часть сложных глагольных форм, а именно будущего I (см. § 51), будущего II (см. § 52), будущего в прошедшем I (см. § 53) и сослагательного наклонения (см. § 65).

Близость инфинитива к существительному выражается в том, что инфинитив может выступать в предложении в тех же синтаксических функциях, в которых обычно выступает существительное, а именно в функции подлежащего, предикативного члена, дополнения, определения, обстоятельства и зависимого члена предложного словосочетания.

С другой стороны, подобно глаголу и в отличие от отглагольного существительного, инфинитив может иметь дополнение в общем падеже. Например: *det er lett å skjære remmer av annens manns hud* 'легко вырезать ремни из чужой шкуры' (сравни *skjæringen av remmer* 'вырезание ремней').

Причастие

§ 71. Причастием называется глагольно-именная форма, имеющая временное, залоговое и видовое значение, однако приближающаяся по своему грамматическому значению к прилагательному.

Причастие имеет в норвежском языке две формы, которые называются причастием I (или причастием настоящего времени) и причастием II (или причастием прошедшего времени).

Причастие I образуется посредством окончания -ende, принимаемого глагольной основой. Например: *lesende* 'читающий' от *lese* 'читать'. Модальные, а также безличные и отложительные глаголы, как правило, не образуют причастия I. В отличие от прилагательного, причастие I никогда не склоняется. В народной и разговорной речи встречается также причастие I с окончанием -endes. Например: *kokendes vann* 'кипящая вода', *en levendes rev* 'живая лисица', *ikke et levendes ord* 'ни слова'.

Причастие II образуется у слабых глаголов посредством окончаний -et (-a), -t, -d, -dd (см. § 43), а у сильных глаголов посредством окончаний -et, -t, -tt, -d, -dd и у некоторых сильных глаголов, кроме того, посредством изменений корневого гласного (см. § 44). Например: *kastet* (или *kasta*) 'брошенный' от *kaste* 'бросать', *lest* 'прочитанный' от *lese* 'читать', *bygd* 'построенный' от *bygge* 'строить', *nådd* 'достигнутый' от *nå* 'достигать', *skrevet* 'написанный' от *skrive* 'писать', *tatt* 'взятый' от *ta* 'брать'. В причастиях II отложительных глаголов (употребляемых только в составе сложных глагольных форм) окончания -ets и -tts обычно сливаются в -es и -ss (например: *jeg har lykket* 'мне удалось', *de hadde slåss* 'они дрались') или уступают место окончаниям претерита. Например: *vi har møttes* 'мы встречались', *jeg har syntet* 'мне казалось'.

В атрибутивном употреблении причастие II (за исключением слабого причастия II на -a) склоняется, а именно оно принимает во множественном числе и в слабой форме окончание -e, причем слабые причастия II на -et меняют -et на -ede, а сильные причастия II на -et меняют -et на -ne (раньше сильные причастия имели -en в общем роде). Сравни *en skjult skatt* и *den skjulte skatten* 'спрятанное сокровище'; *en elsket sønn* и *den elskede sønnen* 'любимый сын'; *en stjålet* (раньше *stjålen*) *hatt* и *den stjålne hatten* 'украденная шляпа'. Слабое причастие на -a редко употребляется в атрибутивном положении.

От причастия II на -et сильных глаголов следует отличать прилагательные на -en, которые только по своему происхожде-

нию являются причастиями сильных глаголов и которые склоняются как прилагательные (см. § 20), в частности принимают окончание -t в сильной форме среднего рода. Сравни *et stjålet smykke* 'украденное украшение' (*stjålet* — причастие II) и *et stjålent øyekast* 'взгляд украдкой' (*stjålen* — прилагательное); *han er kommet* 'он пришел' (*komet* — причастие II) и *barnet er kjærkommet* 'ребенку рады' (*kjærkommen* — прилагательное). Прилагательными (которые произошли из причастия II сильных глаголов) являются также *hengiven* 'преданный', *uoppdragen* 'невоспитанный', *tvungen* 'принужденный', 'нестественный', *sulten* 'голодный', *voksen* 'взрослый', *vissen* 'засохший', *drukken* 'пьяный' и т. п.

Залоговое, временное и видовое значения причастий

§ 72. В отличие от прилагательных, причастия имеют залоговое, временное и видовое значения.

Залоговое отличие причастия I от причастия II заключается в том, что причастие I имеет, как правило, значение действительного залога и только в некоторых выражениях — страдательного залога, тогда как причастие II всегда имеет значение страдательного залога у переходных глаголов и действительного залога у непереходных глаголов.

Временное и видовое отличия причастия I от причастия II заключаются в том, что причастие I обозначает незаконченное действие, одновременное действию собственно-глагольной формы, тогда как причастие II обозначает (в случае предельных глаголов) состояние, вызванное законченным действием, или (в случае непереходных глаголов) состояние, вызываемое незаконченным действием.

Таким образом, причастия имеют следующие залоговые, временные и видовые значения:

Причастие I выражает незаконченность действия и его одновременность действию собственно-глагольной формы (в настоящем, прошедшем и будущем). Например: *vi så en flygende fugl* 'мы видели летящую (или летевшую) птицу'; *larmen av de hviskende maskiner fulgte ham* 'шум свистящих (или свистевших) машин следовал за ним'.

Значение страдательного действия, или вернее значение возможности быть подвергнутым данному действию, причастие I имеет только как предикативный член и только в разговорном языке. Например: *isen er kjørende* 'по льду можно ездить';

han er *troende* til alt (G.) 'от него можно всего ждать'. В этом употреблении причастие I имеет нередко окончание -s. Например: *presten Manders er jo også ventendes fra byen* (I.) 'ведь пастора Мандерса тоже ждут из города'; *kaffen var ikke drikkendes* (G.) 'кофе нельзя было пить'.

Причастие II переходных предельных глаголов выражает состояние предмета, вызванное испытанным им законченным, т. е. предшествующим действием. Например: *et brutt løfte* 'нарушенное обещание'; *den stjålne hatten* 'украденная шляпа'.

Причастие II переходных неопредельных глаголов выражает состояние предмета, вызываемое испытываемым им незаконченным, т. е. одновременным этому состоянию, действием. Например: *en skattet venn* 'ценимый друг'; *det elskede barnet* 'любимый ребенок'.

Причастие II непереходных предельных глаголов выражает состояние предмета, вызванное произведенным им, т. е. предшествующим, действием. Например: *en sunket ubåt* 'потонувшая подводная лодка'; *bortkomne barn* 'потерявшиеся дети'.

Причастие II непереходных неопредельных глаголов вообще не имеет самостоятельного значения и употребляется только в сложных глагольных формах. Например: *jeg har vært der* 'я был там'; *vi har sovet* 'мы спали'; *han har ligget* 'он лежал'.

Функции причастия

§ 73. Причастие I может быть 1) определением (например: *et synkende skip* 'тонущее судно', см. § 109); 2) предикативным членом именного сказуемого (например: *han var rasende* 'он был в бешенстве', см. § 95); 3) предикативным членом глагольно-именного сказуемого (например: *sa hun smilende* 'сказала она смеясь', см. § 97); 4) предикативным членом дополнения (например: *vi brakte ham døende* 'мы принесли его умирающим', см. § 104).

Таким образом, причастие I может выступать в предложении в тех же функциях, что и прилагательное. Обычно, однако, в функции определения употребляются только те причастия I, которые в большей или меньшей мере адъективизировались.

Вообще не являются причастиями I наречия на -ende, которые часто далеко отходят по своему значению от соответствующего

щего глагола, а в некоторых случаях образованы и не от глагола (т. е. не являются адвербиализированными причастиями), а от существительного или наречия. Например: *stupende trett* 'очень усталый' (сравни *stupe* 'падать'); *vrimglende fullt av folk* 'кишащий народом' (сравни *vrimgle* 'кишеть'); *ildende rød* 'огненно-красный' (сравни *ild* 'огонь'); *blikkende stille* 'совершенно тихий' (сравни *blikk stille* в том же значении); *ravende gal* 'совершенно сумасшедший' (сравни *ravgal* в том же значении).

Причастие II может выступать в предложении как: 1) определение (например: *en elsket datter* 'любимая дочь', см. § 109); 2) предикативный член именного сказуемого (например: *boka er funnet* 'книга найдена', см. § 96); 3) предикативный член глагольно-именного сказуемого (например: *forslaget foreligger nå trykt* 'предложение имеется теперь в печатном виде', см. § 97); 4) предикативный член дополнения (например: *han har barnet gjemt* 'ребенок у него спрятан', см. § 104); 5) сказуемое сложного дополнения (например: *vi krever krigsproduksjonen stanset* 'мы требуем, чтобы военное производство было прекращено', см. § 103); 6) составная часть вводных оборотов типа *kort sagt* 'коротко говоря', *strengt tatt* 'строго говоря', *i alminnelighet tatt* 'вообще говоря' и т. п.; 7) составная часть некоторых сложных глагольных форм, а именно: перфекта (см. § 49), плюсквамперфекта (см. § 50), будущего II (см. §§ 52 и 54), страдательного залога (см. § 56) и инфинитива II (см. § 67).

Таким образом, причастие II тоже может выступать в предложении в тех же функциях, что и прилагательное. Однако в функции определения обычно употребляются только те причастия II, которые в какой-то мере адъективизировались. Как составная часть сложных глагольных форм причастие II не имеет самостоятельного значения. Например: *jeg har kommet* 'я пришел', *å ha sagt* 'сказать', *han ble drept* 'его убили'. Причастие II, не имеющее самостоятельного значения и входящее в состав перфекта, плюсквамперфекта и инфинитива II, называется иногда супином (по аналогии с соответствующей шведской формой, которая в ряде случаев и по окончанию отличается от причастия II). Непереходные неопредельные глаголы, а также отложительные глаголы, имеют только такое несамостоятельное причастие II, т. е. только супин.

Иногда, особенно в разговорном языке, причастие II употребляется вместо инфинитива II. Например: *jeg visste hun ville hatet* (вместо *ha hatet*) *å bli hjemme* (G.) 'я знал, что она ни за

что не захотела бы остаться дома'; *deltakelsen kunne vært* (вместо *ha vært*) *bredere* (Fr.) 'участие могло бы быть более широким'.

НАРЕЧИЕ

§ 74. Подобно существительному, прилагательному и глаголу, наречие выделяется как часть речи не по своему лексическому, но по своему грамматическому значению. Как уже указывалось, грамматическое значение существительного формально, поскольку его содержанием является определенная трактовка того, о чем мы мыслим (см. § 5). Грамматическое значение прилагательного или глагола формальнее грамматического значения существительного, поскольку его содержанием является лишь определенная отнесенность к существительному (см. §§ 19 и 41). Грамматическое же значение наречия еще формальнее грамматического значения прилагательного или глагола, так как его содержанием является лишь определенная отнесенность к глаголу, прилагательному или другому наречию. Таким образом, если грамматическое значение прилагательного или глагола — это значение признака предмета, то грамматическое значение наречия — это значение признака, присущего этому признаку.

Образование наречий

§ 75. В норвежском языке большинство наречий является производными или сложными словами.

Многие наречия в норвежском языке образованы от прилагательного посредством суффикса *-t*, т. е. совпадают по форме с прилагательным в среднем роде (см. § 20). Сравни *varmt* 'тепло' и *varm* 'теплый'; *høyt* 'высоко' и *høy* 'высокий'; *godt* 'хорошо' и *god* 'хороший'. Если прилагательное не принимает окончания *-t* в среднем роде, то образованное от него наречие совпадает с ним по форме. Например: *livlig* 'живо' и 'живой', *bra* 'хорошо' и 'хороший', *lett* 'легко' и 'легкий'.

Многие наречия в норвежском языке образованы (главным образом от прилагательных) посредством других суффиксов, а именно — суффиксов *-e*, *-elig*, *-vis*, *-ende*, *-s*, *-ns*, *-deles*, *-ledes*. Сравни *bare* 'только' и *bar* 'голый'; *lettelig* 'легко' и *lett* 'легкий'; *sannelig* 'в самом деле' и *sann* 'истинный'; *muligvis* 'возможно' и *mulig* 'возможный'; *ukevis* 'неделями' и *uke* 'неделя'; *blottende* 'совершенно' и *blott* 'только'; *ellers* 'иначе' и *eller* 'или'; *saktens* 'конечно' и *sakte* 'тихий'; *særdeles* 'осо-

бенно' и *sær* 'особенный'; *således* 'таким образом' и *så* 'так'.

В ряде случаев наречие образовалось из причастия I. Например: *skinnende* 'сияющее' (от *skinne* 'сиять'), *truende* 'угрожающе' (от *true* 'угрожать'), *bitende* 'пронизывающе' (от *bite* 'пронизывать'). Иногда наречие образуется из причастия II. Например: *fortsatt* 'все еще' (сравни *situasjonen er fortsatt alvorlig* (Fr.) 'положение все еще серьезно'); *overdrevet* 'слишком' (сравни *forviklingene... er ikke overdrevet spennende* (Fr.) 'перипетии... не слишком увлекательны').

Ряд наречий, обозначающих место проявления действия (так называемые *påsteds-adverb*), образованы посредством суффикса *-e* от наречий, обозначающих направление действия (так называемые *tilsteds-adverb*). Сравни *borte* 'там' и *bort* 'прочь'; *framme* 'впереди' и *fram* 'вперед'; *henne* и *hen* (например: *hvor er han henne?* 'где он?', *hvor skal du hen?* 'куда ты?'), *hjemme* 'дома' и *hjem* 'домой'; *inne* 'внутри' и *inn* 'внутрь'; *nede* 'внизу' и *ned* 'вниз'; *oppe* 'наверху' и *opp* 'вверх', *ute* 'наружи' и *ut* 'наружу'.

Некоторые наречия совпадают по форме с существительным (например: *hjem* 'домой' и 'дом'; *feil* 'неверно' и 'ошибка') или с предлогом. Например: *om* 'снова' и 'о'; *etter* 'спустя' и 'по'; *til* 'еще' и 'до'.

Наконец, так называемые местоименные наречия имеют общий корень с соответствующими местоимениями. Сравни *der* 'там', *dit* 'туда' и *den* 'тот'; *her* 'здесь', *hit* 'сюда' и *hin* 'тот'; *hvor* 'где' и *hva* 'что'.

Многие наречия в норвежском языке представляют собой сложное слово. Такие сложные наречия чаще всего состоят из предлога и существительного (например: *i dag* 'сегодня', *overhodet* 'вообще', *undertiden* 'иногда') или местоимения и существительного. Например: *alltid* 'всегда', *dengang* 'тогда', *somme tider* 'иногда'. Многие из таких сложных наречий имеют суффикс *-s*. Например: *ingensteds* 'нигде', *tilbords* 'за столом', *i morges* 'сегодня утром'.

Многие наречия образуются также сочетанием местоименных наречий *der* или *her* и предлога. Например: *deretter* и *heretter* 'затем', *derved* 'при этом'.

В единичных случаях возможны сложные наречия и другого состава. Например: *kanskje* 'возможно', *allikevel* 'все-таки', *altfor* 'слишком'.

Наряду с этим есть в норвежском языке наречия, которые, по меньшей мере с точки зрения современного языка, представляются производными. Таковы, например, обстоятельствен-

ные наречия места *ut* 'наружу', *ned* 'вниз', *fram* 'вперед'; обстоятельственные наречия времени *ofte* 'часто', *aldri* 'никогда', *nå* 'теперь'; качественные наречия *vel* 'хорошо', *ille* 'плохо', *fort* 'быстро'; количественные наречия *meget* 'очень', *perre* 'едва', *ganske* 'совершенно'.

Степени сравнения наречий

§ 76. Некоторые качественные и обстоятельственные наречия, подобно прилагательным, образуют степени сравнения. В основном — это наречия, образованные от прилагательных и совпадающие с ними по форме. К наречиям, образующим степени сравнения, относятся также и некоторые, не образованные от прилагательных. Например: *ofte* 'часто', *lenge* 'долго', *fort* 'быстро', *sjelden* 'редко'.

Наречия образуют степени сравнения совершенно так же, как прилагательные (см. § 23, стр. 74). Например: *hurtig* 'быстро', *hurtigere* 'быстрее', *hurtigst* 'всего быстрее'; *ofte* 'часто', *oftere* 'чаще', *oftest* 'всего чаще'; *sjelden* 'редко', *sjeldnere* 'реже', *sjeldnest* 'всего реже'. У наречий, совпадающих в положительной степени с формой среднего рода прилагательного, сравнительная и превосходная степени совпадают с соответствующими степенями прилагательного. Например: *høyt* 'высоко', *høyere* 'выше', *høyet* 'выше всего'; *pent* 'красиво', *penere* 'красивее', *penest* 'всего красивее'.

Отклонения от обычного образования степеней сравнения (супплетивность и т. д.) имеют место в следующих наречиях:

Положительная степень	Сравнительная степень	Превосходная степень
<i>gjærne</i>	охотно	<i>heller</i>
<i>godt</i>	хорошо	<i>bedre</i>
<i>ille (dårlig)</i>	плохо	<i>verre</i>
<i>lenge</i>	долго	<i>lenger</i>
<i>litt</i>	немного	<i>mindre</i>
<i>meget</i>	очень	<i>mer</i>
<i>nær</i>	близко	<i>nærmere</i>
<i>titt</i>	часто	<i>tiere</i>
		<i>helst</i>
		<i>best</i>
		<i>verst</i>
		<i>lengst</i>
		<i>minst</i>
		<i>mest</i>
		<i>nærmest</i>
		<i>tiest</i>

Наречия *bak* 'сзади', *frem* 'вперед', *inne* 'внутри', *midt* 'в середине', *nede* 'внизу', *oven* 'наверху' и *ute* 'вне' имеют превосходную степень (*bakerst*, *fremst*, *innerst*, *midterst*, *ne-*

derst, *øverst* и *ytterst*), но не имеют сравнительной, так как формы *bakre*, *fremre* и т. д. имеют значение только прилагательных (ср. § 23).

Функции наречия

§ 77. Наречие всего чаще употребляется при глаголе в качестве обстоятельства. Например: *han kommer ofte* 'он приходит часто'; *vi gikk hjem* 'мы пошли домой'; *hun synger vakkert* 'она поет красиво'.

Специфической особенностью норвежского языка является широкое употребление наречий места, которые часто вообще непереводимы на русский или другие европейские языки отдельным словом. Например: *hvor er hun henne?* 'где она?', *han bor oppe i Gudbrandsdalen* 'он живет в Гюдбрансдалене', *hun kom inn i huset* 'она вошла в дом'.

Некоторые из этих наречий (особенно наречия *borte*, *inne*, *oppe*, *ute*, *nede*, *bak*, *hen*), сливаясь с предлогом, теряют окончание -e и образуют предлог-наречие (см. § 79, стр. 152) с пространственным значением. Например: *han er inni* (= *inne i*) *huset* 'он в доме' (сравни *han gikk inn i huset* 'он вошел в дом'), *boka ligger borti* (= *borte i*) *skapet* 'книга лежит в шкафу' (сравни *bort i*), *han sto utmed* (= *ute med*) *vannet* 'он стоял у воды' (сравни *ut med*).

Приглагольное наречие отличается от предлога тем, что оно имеет лексическое, а не грамматическое значение и что поэтому оно является членом предложения, а не служебным словом, выражающим отношение между другими словами. Сравни *han gikk etter* 'он пошел сзади' и *han gikk etter ham* 'он пошел за ним'.

Приглагольное наречие отличается от приглагольной частицы (или послелога) тем, что оно само по себе имеет лексическое значение, тогда как приглагольная частица имеет лексическое значение только вместе с глаголом. Сравни *han gikk opp* 'он пошел наверх' и *det gikk opp for meg at...* 'я понял, что...'.

Наречия (особенно качественные) нередко употребляются также при прилагательном или другом наречии. Например: *meget stor* 'очень большой', *uhyre flittig* 'чудовищно прилежный', *forferdelig ofte* 'ужасно часто', *ganske visst* 'совершенно несомненно'.

Наречия с модальным значением (т. е. так называемые модальные слова) могут относиться и ко всему предложению в целом. Например: *han er rimeligvis her* 'он повидимому здесь';

det er dog for galt 'однако это из рук вон плохо'; han vil visst ikke gjøre det mer 'он, конечно, не будет больше делать этого'.

Некоторые наречия (особенно количественные наречия и обстоятельственные наречия места или времени) могут употребляться и как определение при существительном. Например: et slott av bare sølv 'замок из чистого серебра'; en kjær venn langt borte 'дорогой далекий друг'; dagen i går 'вчерашний день'.

Обстоятельственные наречия времени и места легко субстантивизируются и могут тогда управляться предлогом. Например: siden tidlig i sommer 'с начала лета'; forskjellige fra før 'отличные от того, чем они были раньше'; motsetningen mellom inne og ute 'противоречие между тем, что внутри, и тем, что снаружи'.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ

§ 78. Все более обычным становится выделение в синтаксисе учения о словосочетании и учения о предложении как двух равноправных разделов. Ни у кого не вызывает сомнения, что в разделе синтаксиса, посвященном предложению, должны рассматриваться различные типы предложений, сочетания предложений, а также так называемые члены предложения. Но о том, что должно рассматриваться в разделе синтаксиса, посвященном словосочетанию, спорят. Дело в том, что вообще неясно, что такое словосочетание.

Если словосочетание, как подсказывает внутренняя форма слова, — это просто сочетание слов, т. е. всякое сочетание грамматически между собой связанных слов, то тогда надо считать словосочетанием и сочетание служебного слова со знаменательным, например, артикля или предлога с существительным или вспомогательного глагола с именной формой знаменательного глагола. Но сочетания артикля с существительным или вспомогательного глагола с именной формой знаменательного глагола — это сочетания «морфологичные» по своему значению (см. § 3, стр. 21) и поэтому всегда рассматриваемые в морфологии. Что же касается сочетания служебного слова, выражающего отношение (т. е. предлога или союза), со знаменательным словом, то такое сочетание никогда не образует законченного целого (поскольку предлог или союз выражает отношение между двумя знаменательными словами, и значение предлога или союза раскрывается полностью только в сочетании с обоими этими знаменательными словами) и, следовательно, не может быть предметом самостоятельного рассмотрения. Таким образом, оказывается, что сочетание служебного слова со знаменательным нельзя делать предметом рассмотре-

ния в разделе синтаксиса, посвященном словосочетанию. По-видимому, именно поэтому такое сочетание слов обычно не считается словосочетанием.

Вместе с тем, если словосочетание — это всякое сочетание грамматически между собой связанных знаменательных слов, то тогда надо считать словосочетанием и такие сочетания, которые не могут не быть предложениями, например такие сочетания, как *jeg skal prøve* 'я попробую', *han er død* 'он умер', *Knut satte seg* 'Кнут уселся'. Но такие сочетания естественно не могут не рассматриваться в разделе синтаксиса, посвященном предложению. Поэтому такие сочетания (очевидно, во избежание рассмотрения того же самого в двух разных разделах синтаксиса) обычно не рассматриваются в разделе синтаксиса, посвященном словосочетанию, а иногда и не считаются словосочетаниями.

Таким образом, оказывается, что в разделе синтаксиса, посвященном словосочетанию, рассматриваются не все сочетания грамматически между собой связанных слов, а только те, которые по тем или иным соображениям можно рассматривать в этом разделе, а также, что само содержание понятия «словосочетание» зависит от того, какие сочетания слов можно рассматривать в этом разделе. Другими словами, оказывается, что словосочетание — это далеко не такая реальная единица как слово или предложение, а нечто гораздо более условное. Попытки определить словосочетание как сочетание слов, выражающее «единое понятие», «цельное значение» и т. д., не только не вносят ясности в вопрос, но запутывают его еще больше, так как совершенно неясно, что такое в данном случае понимается под «единым понятием», «цельным значением» и т. д.

Даже если считать, что словосочетание — это просто напросто всякое сочетание грамматически между собой связанных знаменательных слов, за исключением сочетаний типа *jeg skal prøve* и т. д., т. е. сочетаний, имеющих в своем составе сказуемое, то все же остается неясным, чем отличается словосочетание от предложения. Сказать, что словосочетание — это составная часть предложения (как часто говорится), очевидно, нельзя. Ведь любое сочетание грамматически связанных между собой слов, так же как и любое отдельное знаменательное слово, может в определенном контексте и при определенной интонации оказаться предложением. Так, словосочетание *tusen rubler* 'тысяча рублей', взятое вне контекста, не является предложением, но в определенном контексте оно, оставаясь тем же словосочетанием, в то же время и предложение. Сравни:

hvor meget er det? — spurte hun. — Tusen rubler (G.) 'сколько? — спросила она. — Тысяча рублей'. Поэтому очевидно, что если и можно сохранить в синтаксисе раздел, посвященный словосочетанию, этот раздел будет отличаться от раздела, посвященного определенным типам предложений, не объектом исследования, а только точкой зрения. Так, сочетание слов *et overmåte høflig ungt menneske* 'чрезвычайно любезный молодой человек' будет в разделе, посвященном словосочетанию, рассматриваться с точки зрения тех связей между словами, его образующими, которые не зависят от того, выступает ли данное сочетание слов в качестве предложения или нет, тогда как в разделе, посвященном предложению, это же сочетание слов будет рассматриваться как предложение определенного типа (сравни, например: *et overmåte høfligt ungt menneske!* (B.) 'чрезвычайно любезный молодой человек!').

Неясным остается также, чем отличается учение о словосочетании от учения о так называемых второстепенных членах предложения. Ведь только сущность главных членов предложения определяется их ролью в предложении (см. § 86). Что же касается второстепенных членов предложения, то их сущность определяется не их ролью в предложении, а их отношением к словам, с которыми они связаны, независимо от роли этих слов в предложении. Так, сущность дополнения и обстоятельства определяется их отношением к глаголу или прилагательному, а сущность определения — его отношением к существительному. Поэтому второстепенные члены предложения не столько составные части предложения, или его члены, сколько слова или сочетания слов, характеризуемых определенными связями с другими словами, т. е. второстепенные члены предложения — это члены словосочетания или целые словосочетания.

Поэтому очевидно, что и учение о второстепенных членах предложения может отличаться от учения о словосочетании не объектом исследования, а только точкой зрения. Так, если в разделе синтаксиса, посвященном второстепенным членам предложения, рассматривается содержание связи между знаменательными словами, или типы этой связи, различные по содержанию, то в разделе синтаксиса, посвященном словосочетанию, могут рассматриваться различные способы выражения связи между знаменательными словами.

Именно такой принцип разграничения учения о словосочетании и учения о второстепенных членах предложения и принят в настоящей работе. В норвежском языке возможны четыре

основных способа выражения связей между знаменательными словами: 1) посредством предлогов, 2) посредством союзов, 3) посредством флексии, 4) посредством расположения слов относительно друг друга. В соответствии с этим ниже будут различаться словосочетания «предложные», «союзные», «флективные» и, что ли, «аналитические».

Способом выражения связи между словами может быть, конечно, и та или иная интонация. Однако выделить «интонационные» словосочетания не представляется возможным, так как интонация никогда не бывает самостоятельным способом выражения связи между словами, а всегда наслаивается на один из других способов.

В зависимости от лексического состава словосочетания можно было бы рассматривать словосочетания с заменимыми компонентами, или свободные словосочетания, и словосочетания с постоянными компонентами, или связанные, устойчивые словосочетания, но это уже будет точка зрения не грамматическая, а лексикологическая.

Делались также попытки классифицировать словосочетания с точки зрения того, какое слово является в них господствующим. Но, во-первых, такая классификация не охватывает всех видов сочетаний знаменательных слов, например сочетаний знаменательных слов, связанных союзом, поскольку в таких сочетаниях нет господствующего слова, а во-вторых, при такой классификации описание словосочетаний должно свестись к описанию частей речи с точки зрения их способности сочетаться с другими словами, т. е. к описанию синтаксических свойств частей речи. Следовательно, при такой классификации словосочетаний раздел синтаксиса, посвященный словосочетанию, не будет отличаться от раздела морфологии, посвященного описанию свойств частей речи, ни по объекту исследования, ни по точке зрения.

Предложные словосочетания

Значение предлога

§ 79. Ответить в общей форме на вопрос о том, что выражает предлог, как будто бы и нетрудно: предлог — это, очевидно, слово, которое выражает отношение. По-норвежски и по-датски предлог обычно и называется *forholdsord*, т. е. буквально 'слово, выражающее отношение'.

Однако нетрудно убедиться в том, что такое определение значения предлога было бы слишком общим, так как те или иные отношения могут выражать и слова, не являющиеся предлогом. Определенные отношения выражают, например, отвлеченные существительные: *likhet* 'равенство', *avhengighet* 'зависимость', *underordning* 'подчинение' и т. п. Отличие предлога от этих слов заключается, очевидно, в том, что он выражает не то или иное отношение в о о б щ е, но отношение между тем, что выражено с л о в а м и и притом, конечно, з н а м е н а т е л ь н ы м и словами (так как незнаменательные, или служебные, слова в силу природы своего значения могут выражать только сами отношения, но не их объекты), или, как обычно для краткости говорится, отношение между знаменательными словами.

Но и это определение при ближайшем рассмотрении оказывается слишком общим. Ведь отношение между знаменательными словами может быть выражено не только предлогом, но и сочинительным союзом, например союзом *og* 'и', *eller* 'или', *men* 'но'. Например: *far og mor* 'отец и мать', *pengene eller livet* 'кошелек или жизнь', *store, men svake* 'большие, но слабые'. Следовательно, в определении предлога должно войти и указание на то, чем он отличается от союза, выражающего отношение между знаменательными словами, т. е., очевидно, указание на то, что слова, связываемые предлогом, синтаксически неоднородны, что одно из них зависит от другого, управляется им, в отличие от слов, связываемых сочинительным союзом, которые синтаксически однородны, или одинаково зависимы друг от друга.

Наконец, должно быть учтено еще и то, что отношение зависимости между знаменательными словами может быть выражено и знаменательным словом или сочетанием таких слов. Например: такое отношение зависимости (правда, зависимости не непосредственной) выражает глагол *elsker* в предложении *jeg elsker henne* 'я ее люблю'. Отличие предлога от таких знаменательных слов заключается, очевидно, в том, что он является не знаменательным, а служебным словом, т. е. выступает не в качестве самостоятельного члена предложения, а в качестве составной и притом подчиненной, служебной части такого члена.

Таким образом, предлог следует определить как служебное слово, которое выражает то или иное зависимое отношение между знаменательными словами.

Может показаться необходимым включить в определение предлога еще и указание на то, что он выражает такое отноше-

ние в предложении, а не где-либо вообще. Это было бы, однако, ошибочным в той мере, в какой значение предлога не зависит от того, образуют ли связываемые им слова предложение или нет. Сравни, например: *å lese i en bok* 'читать книгу' и *han leser i en bok* 'он читает книгу'.

Из установленного определения предлога следует прежде всего, что значение предлога не может рассматриваться вне сочетания тех знаменательных слов, которые он связывает, т. е. вне того, что можно назвать «предложным словосочетанием», и что проблема предлога — это проблема синтаксиса словосочетания, а не морфологии слова.

Определенное отношение между знаменательными словами является значением предлога как отдельного слова. Но, поскольку такое отношение есть отношение между словами, выражение такого отношения есть в то же время грамматическая (или синтаксическая) функция предлога как отдельного слова. Таким образом, из установленного определения предлога следует, что предлог — это слово, значение которого есть в то же время его грамматическая (или синтаксическая) функция, т. е. что, в противоположность знаменательным словам, предлог — это слово, в значении которого нет разделения на функционально самостоятельное и функционально несамостоятельное, или основное и сопутствующее, или лексическое и грамматическое. Иными словами, в каждом отдельном словосочетании предлог имеет единое значение, которое совпадает с его грамматической функцией в данном словосочетании. Так, в словосочетании *huset til mannen* 'дом этого человека' предлог *til* имеет своим значением отношение принадлежности, но выражение этого отношения есть вместе с тем его грамматическая функция в данном словосочетании.

Из установленного определения предлога следует далее, что предлог, очевидно, является предлогом только постольку, поскольку он выполняет свою грамматическую функцию, т. е. выражает отношение между знаменательными словами. Слово того же звукового состава, что и предлог,¹ но не выпол-

¹ В норвежском языке почти все предлоги совпадают по своему звуковому составу с наречиями или прилагательными частицами, а некоторые предлоги совпадают по своему звуковому составу и с глагольными приставками. Сравни, например, предлоги *fra*, *for* и *over* в *å skilles fra hverandre* 'расставаться друг с другом', *å sitte for enden av bordet* 'сидеть у конца стола', *å strøke en over håret* 'погладить кого-нибудь по волосам' и соответствующие наречия в *det gjør hver-*

няющее этой грамматической функции, очевидно нельзя считать предлогом, даже в том случае, если значение этого слова совпадает по своему содержанию со значением данного предлога, т. е. в том случае, если это слово выражает то же отношение, что и соответствующий предлог, но это отношение не является отношением между знаменательными словами.

Так, нередко значение предлога совпадает по своему содержанию со значением наречия того же звукового состава. Сравни, например, значение предлога *etter* в *å komme etter midnatt* 'прийти после полночи' со значением наречия *etter* в *å komme etter* 'прийти после'. Между предложным словосочетанием и словосочетанием, состоящим из глагола и наречия, и тут остается то существенное различие, что в первом есть слово (предлог *etter*), которое выражает зависимое отношение между словами и которое является служебным (т. е. грамматическим по значению), тогда как во втором такого слова нет, но есть слово (наречие *etter*), которое выражает то же отношение, но не между словами, и которое является знаменательным (т. е. лексическим по значению). Таким образом, даже в случае совпадения предлога с наречием и по его звуковому составу, и по содержанию его значения, функционально (т. е. по своему наиболее существенному признаку, тому признаку, который и делает предлог предлогом) предлог отличается от наречия совершенно так же, как и обычно.

Однако совершенно естественно, что между предлогом и наречием возможны и подлинные переходные случаи. Такие случаи имеют место, например, когда при слове, выражающем отношение, нет управляемого им слова, но такое слово легко может быть восполнено из контекста. Например: *der er store skabe med bøger i (I.)* 'там стоят большие шкафы с книгами'; *kommer fra højre med hat på (B.)* 'входит справа в шляпе'. В этих примерах неясно, выражают ли слова *i* и *på* отношение между словами или нет, и, следовательно, неясно, предлоги они или наречия.

Из установленного выше определения предлога следует также, что нельзя считать предлогами и такие слова, которые хотя и выражают отношение между знаменательными словами, т. е. выполняют грамматическую функцию предлога, однако являются знаменательными, а не служебными. Такими сло-

ken fra eller til 'это ничего не убавляет и не прибавляет' (т. е. не меняет дела), *med gardinene for* 'со спущенными гардинами', *uværet drev over* 'буря пронеслась' или соответствующие приставки в *fra-skilt* 'разведенный', *forgå* 'погибать', *overdrive* 'преувеличивать'.

вами всего чаще бывают существительные в сочетании с двумя предлогами — управляющим и управляемым. Например: i anledning av 'по случаю', på denne side av 'по эту сторону', i kraft av 'в силу', på grunn av 'по причине', ved hjelp av 'с помощью', med hensyn til 'относительно'. Иногда в таком сочетании второй предлог отсутствует. Например: i anledning jubileet 'по случаю юбилея'.

Выражать отношение между знаменательными словами может также сложное слово, состоящее из наречия и предлога. Например: oppetter 'вверх по', utover 'вдоль по', overfor 'перед', ned i 'внизу в', ovenpå 'сверху на', inni 'внутри'. Такое сложное слово является по существу «предлогом-наречием», поскольку оно совмещает функции наречия и предлога в каждом отдельном случае своего употребления. Иногда наречие само по себе совмещает эти функции. Например: han løp opp (=oppad) bakken 'он взбежал вверх на пригорок'; lyset sivet inn (=innad) ruten 'свет просачивался внутрь в окно'.

Выражать отношение между знаменательными словами может также и причастие. Например: angående 'относительно', vedrørende 'касательно', uansett 'несмотря на', unntagen 'исключая'.

Все эти функциональные эквиваленты предлога являются все же по существу «лжепредлогами», поскольку они сходны с предлогом только по своей функции, но совершенно отличны от него по своей семантической структуре. Между тем, существенным признаком предлога является то, что он не только выражает отношение между словами, но что это его значение совпадает с его грамматической функцией, т. е. единство его значения и его грамматической функции. До тех пор, пока не произошло полного семантического слияния компонентов «лжепредлога» в единое значение, т. е. до тех пор, пока сохраняется, хотя бы и ослабленное, лексическое значение одного из компонентов «лжепредлога» (например, лексическое значение существительного anledning 'повод' в i anledning av 'по случаю', наречия opp 'вверх' в oppetter 'вверх по', глагола angå 'касаться' в angående 'касательно'), а следовательно, сохраняется и расчлененность его значения на лексическое и грамматическое, — до тех пор не может быть речи о превращении «лжепредлога» в настоящий предлог. Характерно, впрочем, что «лжепредлог» всегда и по своему значению отличен от предлога: значение «лжепредлога» всегда гораздо уже и гораздо меньше зависит от знаменательных слов, которые он связывает, чем значение настоящего предлога. В то

время как значение настоящего предлога, такого, как, например, одного из наиболее употребительных норвежских предлогов, т. е. предлогов av, etter, for, fra, gjennom, hos, i, med, mellom, mot, om, over, på, til, under, uten, ved, может быть сколько-нибудь полно описано только в обширной словарной статье, распадающейся на десятки пунктов, значение «лжепредлога» (такого, например, как i anledning) может быть объяснено в словаре одним словом или вообще не нуждается в объяснении, поскольку оно ясно из значения входящих в его состав компонентов.

Предлог может иметь различные значения, т. е. выражать различные отношения между словами, в зависимости от того, каков состав предложного словосочетания в целом. Все эти частные значения предлога образуют в своей совокупности некоторый комплекс значений, причем в этом комплексе отдельные частные значения тесно друг с другом связаны и несравненно менее четко друг от друга отграничены, чем значения двух разных предлогов. Так, в норвежском предлоге av тесно связаны между собой и нечетко отграничены друг от друга не только его пространственные значения (å gøre seg av flekken 'двигаться с места', å falle av stolen 'свалиться со стула', å tørke svetten av pannen 'вытирать пот со лба', å spise av traugiet 'есть из корыта' и т. д.), но и все его другие значения, т. е. значения причины (å dø av tæring 'умереть от чахотки'), источника действия (bli elsket av sin far 'быть любимым своим отцом'), принадлежности (en venn av meg 'один из моих друзей'), качества (en mann av ære 'человек чести'), и т. д.

Но если частные значения одного предлога образуют вместе какое-то единство, если их можно расположить в один ряд, в котором смежные значения наплывают друг на друга, то нельзя ли в каждом данном предлоге установить «общее» значение, частными случаями которого будут все значения данного предлога, представленные в словосочетаниях с ним? Попытки установить такое «общее» значение предлогов делались и делаются. Однако попытки эти всегда кончаются неудачей.

Наиболее характерной попыткой такого рода является «Теория предлогов» датского лингвиста Брёндаля.¹ Можно согласиться кое с чем в критической части этой работы. Так, Брёндаль несомненно прав, утверждая, что пространственное значение предлога не может считаться его «общим» значением.

¹ V. Brøndal. Præpositionernes teori. Indledning til en rationel betydningslære. København, 1940.

В самом деле, ни в одном из предлогов пространственное значение не является единственным (и, по видимому, и не являлось с тех пор, как предлоги стали предлогами) и ни в одном из предлогов пространственное значение не покрывает всех его частных значений, хотя в большинстве предлогов оно и является семантическим стержнем, вокруг которого группируются частные значения предлога. Однако с позитивной частью работы Брёндаля трудно согласиться. Брёндаль сводит значения всех основных предлогов ряда индоевропейских языков к элементарным математическим отношениям и представляет эти отношения в виде алгебраических схем. В своих построениях Брёндаль совершенно абстрагирует предлог от его грамматической функции, т. е. от предложного словосочетания. Предлогом он поэтому считает любое слово (наречие, существительное, прилагательное и т. д.), которое совпадает по своему звуковому составу с тем или иным предлогом и этимологически ему тождественно. Многообразие отношений, выражаемых тем или иным предлогом, и различия между значениями предлогов в разных языках остаются в схемах Брёндаля совершенно нераскрытыми.

«Общее» значение предлога также не может быть определено как «общее» значение падежа (ср. § 16, стр. 46 сл.). То, что выдается за «общее» значение предлога, это в лучшем случае просто одно из его частных значений, например его наиболее часто встречающееся или его наиболее отчетливое значение, и т. д. Всякая попытка определить значение предлога путем установления его «общего» или, как еще говорится, «категориального» значения, основана на игнорировании природы грамматического значения. Значение предлога может быть полно раскрыто только путем подробного описания всех его частных значений и тех лексических условий, в которых они реализуются. Такое описание может быть сделано в грамматике, поскольку значения предлогов — это значения грамматические. Но оно может быть сделано и в словаре, поскольку предлоги — это слова, и чаще всего в словаре оно и делается.

Простейшим способом раскрытия значения того или иного предлога исследуемого языка является, очевидно, его перевод соответствующим предлогом того языка, на котором производится исследование. Но такой способ раскрытия значения предлога был бы, очевидно, возможен только в случае совпадения всех частных значений данного предлога исследуемого языка со всеми частными значениями соответствующего предлога того языка, на котором производится исследование. Даже

в случае близко родственных языков такое совпадение едва ли возможно. Как правило, предлоги только в некоторых своих значениях могут быть переведены некоторыми предлогами из другого языка в некоторых из их частных значений.

Так, норвежский предлог *av* в некоторых из своих частных значений может быть переведен некоторыми из русских предлогов (а именно предлогами «из», «с», «от», «у», «над», «на», «в», «по») в некоторых из их частных значений. Например: *å forsvinne av stuen* 'исчезнуть из комнаты'; *å rive taket av et hus* 'сорвать крышу с дома'; *å skrike av smerte* 'кричать от боли'; *å hogge hodet av en* 'отрубить у кого-нибудь голову'; *å le av ens dumhet* 'смеяться над чьей-нибудь глупостью'; *å bygge av egne midler* 'строить на собственные средства'; *et tidsrum av tre år* 'промежуток времени в три года'; *å gjøre noe av en annen grunn* 'сделать что-нибудь по другой причине'. В других своих частных значениях норвежский предлог *av* вообще не может быть переведен русским предлогом. Например: *full av gull* 'полный золота'; *oppfunnet av en russisk ingeniør* 'изобретенный русским инженером'; *et uhyre av en dukke* 'чудовищная кукла'. Но и русские предлоги «из», «с», «от», «у», «над», «на», «в», «по» в других своих частных значениях не могут быть переведены норвежским предлогом *av*. Например: «чашка из сервиза», «пошлина с товара», «от двух до трех» и т. д. Даже сравнительно однозначный норвежский предлог *uten* не полностью совпадает со сравнительно однозначным русским предлогом «без». Сравни, с одной стороны, *å ga uten å stanse* 'идти, не останавливаясь', а с другой — 'без четверти двенадцать' *et kvarter på tolv*.

Более точным способом раскрытия значения того или иного предлога является непосредственное называние самих выражаемых им отношений. Так, значение норвежского предлога *av* раскрывается более точно, если вместо перечисления русских предлогов, посредством которых он может быть переведен, указывается, что он выражает отношения удаления от исходного пункта, происхождения, принадлежности и т. п. Однако в большом количестве случаев отношение, выражаемое предлогом, не может быть названо само по себе достаточно точно, поскольку, даже в языках с наиболее развитыми средствами для выражения отвлеченных понятий, отношения, выражаемые предлогами в предложных словосочетаниях, гораздо многообразнее, гораздо дифференцированнее, чем отношения, которые могут быть непосредственно названы, т. е. быть выраженными

отвлеченными существительными типа «удаление», «происхождение», «принадлежность» и т. п.

Наиболее точным способом раскрытия значения предлогов является поэтому описание зависимого и независимого членов предложного словосочетания, в котором предлог выступает в данном значении. Это описание может заключаться, в частности, в указании на синтаксические взаимоотношения зависимого и независимого членов (т. е., например, в указании на то, что предлог вместе с зависимым членом образует дополнение к глаголу или определение к существительному и т. д.). Обычно, однако, одного такого указания бывает недостаточно, так как один и тот же предлог может выражать совершенно разные отношения в составе одного и того же члена предложения. Так, норвежский предлог *av* в составе определения может выражать не только разные оттенки отношения принадлежности (например: *ryggen av bjørnen* 'спина медведя', *en venninne av min hustru* 'подруга моей жены', *slutten av mai* 'конец мая' и т. д.), но также и отношение качества к тому, что обладает этим качеством (например: *en mann av ære* 'человек чести') или, наоборот, того, что обладает определенным качеством к самому этому качеству (например: *et uhyre av en dukke* 'чудовищная кукла'). С другой стороны, предлог может в составе разных членов предложения выражать почти тождественные отношения. Сравни, например, *å bygge noe av sten* (предложное дополнение) 'строить что-либо из камня' и *et hus av sten* (определение) 'дом из камня'.

Поэтому указание на синтаксические взаимоотношения зависимого и независимого членов приходится дополнять указанием на то, чем реально является зависимый член по отношению к независимому члену. Так, определяя значение норвежского предлога *på* в словосочетании *å sitte på benken* 'сидеть на скамье', приходится сказать, что предлог *på* выражает зависимое отношение поверхности к действию, которое проявляется на этой поверхности или, иначе, что предлог *på* употребляется при обозначении поверхности, на которой проявляется какое-нибудь действие.

Но при определении значения предлога должно учитываться и то обстоятельство, что, хотя никакой предлог не может совпадать во всей совокупности своих значений с каким-либо другим предлогом того же языка, в своих частных значениях предлог может близко соприкасаться с частными значениями других предлогов того же языка или даже совпадать с ними. Например: *en professor ved* (или *i*) *universitetet* 'профессор универси-

тета'; *å tenke ved* (или *for*) *seg selv* 'думать про себя'; *å glede seg ved* (или *over*) *noe* 'радоваться чему-нибудь'; *i* (или *på*) *mange år* 'в продолжение многих лет'.

Связи в предложном словосочетании

§ 80. Из двух членов предложного словосочетания, как уже было сказано, один всегда является независимым или управляющим, а второй — зависимым или управляемым. Так, в предложных словосочетаниях *utførelsen av planen* 'выполнение плана', *å lenges etter hjemmet* 'томиться по дому', *å gå av stua* 'уйти из комнаты' *utførelsen*, *å lenges* и *å gå* — независимые члены, а *planen*, *hjemmet* и *stua* — зависимые.

В норвежском языке независимым членом предложного словосочетания может быть любая знаменательная часть речи, а именно существительное в общем падеже (в том числе и местоименное существительное или числительное существительное, например: *årsaken til opprøret* 'причина восстания', *noe av det* 'кое-что из этого', *fire av dem* 'четверо из них'), глагол (как в собственнo-глагольной, так и в именной форме, например: *gå av veien* 'уйди с дороги', *å knipe på lepen* 'закусить губу'), прилагательное (например: *hvit av mel* 'белый от муки') и наречие (например: *tidlig på kvelden* 'рано вечером').

Зависимым членом предложного словосочетания в норвежском языке бывает либо существительное, либо слово или словосочетание, синтаксически эквивалентное существительному, т. е. в какой-то мере субстантивированное. Обычно зависимым членом предложного словосочетания бывает существительное в общем падеже (как во всех примерах, приведенных выше). Зависимым членом предложного словосочетания может быть также личное местоимение в объектном падеже (например: *en venn av meg* 'один из моих друзей'), инфинитив, т. е. глагольно-именная форма, могущая выступать в тех же синтаксических функциях, что и существительное (например: *å leve av å fiske* 'жить рыбной ловлей'), придаточное предложение, вводимое союзом *at* или вопросительным местоимением (например: *han venter på at den neste skal komme* 'он ждет того, чтобы пришел другой', *du tenker ikke på, hva folk vil si* 'ты не думаешь о том, что скажут люди'), наречие или наречное словосочетание, которое в этом случае синтаксически эквивалентно существительному (например: *forskjellen mellom hjemme og her* 'разница между пребыванием дома и пребыванием здесь', *tilfreds med i går aftes* 'довольный тем, что было вчера вечером'). В единич-

ных случаях зависимым членом предложного словосочетания может быть существительное в родительном падеже. Например: *her er nu brev fra Christensens (B.)* 'есть письмо от Кристенсенов'.

Поскольку предлог выражает отношение между двумя знаменательными словами, он всегда синтаксически связан с обоими этими словами, т. е. как с зависимым, так и с независимым членами, причем значение его в большей или меньшей степени зависит от этих членов, их лексического содержания и их грамматической природы.

Как правило, предлог теснее связан с зависимым членом (вместе с которым он образует то, что принято называть предложным оборотом), чем с независимым членом. Вместе со своим зависимым членом предлог может образовывать один второстепенный член предложения (а именно — обстоятельство или определение). Вместе со своим независимым членом предлог, как правило, образует и одну интонационную группу. Характерно, что в древненорвежских и древнеисландских рукописях, когда правописание еще не было регламентировано, предлог нередко писался слитно с зависимым членом, т. е., очевидно, осознавался как его часть.

Когда независимый член — знаменательный глагол, в собственнo-глагольной или именной форме, зависимый член может либо вместе с предлогом образовывать обстоятельство, либо сам по себе образовывать дополнение при этом глаголе. Формальным отличием обстоятельства от дополнения и будет в этом случае отличие в характере связи предлога с независимым и зависимым членами.

Образуя вместе с зависимым членом обстоятельство, предлог связан с зависимым членом гораздо теснее, чем с независимым членом. Связь его с независимым членом в этом случае минимальна. Вместе с тем значение предлога в этом случае наиболее отчетливо и самостоятельно. Например: *å bo i skogen* 'жить в лесу', *å arbeide i to timer* 'работать в течение двух часов', *å sitte til over midnatt* 'сидеть за полночь', *å kjøre med sporvognen* 'ехать на трамвае', *å hyle av smerte* 'выть от боли', *ikke å kunne tale for gråt* 'не мочь говорить от слез', *å gå uten å stanse* 'идти не останавливаясь'.

Употребление того или иного предлога обусловлено в этом случае исключительно характером отношения, которое должно быть выражено. Поэтому в таких словосочетаниях значение предлога, или во всяком случае значение предложного оборота в целом, обычно понятно и в случае опущения независимого

члена, т. е. глагола. Например: *i skogen* 'в лесу', *i to timer* 'в течение двух часов', *til over midnatt* 'за полночь', *uten å stanse* 'не останавливаясь'. Как видно из примеров, предлог в этом случае может выражать различные отношения: пространственные, временные, причинные и т. д. Распространенное мнение, будто именно в пространственном значении предлог всего самостоятельнее, ошибочно. Всего самостоятельнее он не в пространственном, а в обстоятельном значении, т. е. в том числе и в пространственном.

Предложные обороты такого типа нередко являются устойчивыми словосочетаниями. Например: *av veien* 'прочь с дороги', *for seg selv* 'сам по себе', *på denne måten* 'таким образом', *med grunn* 'не без причины', *for spøk* 'в шутку'. Если при этом зависимый член оказывается в данном словосочетании изолированным, т. е. если он не употребляется вне данного устойчивого словосочетания, то происходит слияние предлога с зависимым членом в одно сложное слово — наречие. Например: *i fleng* 'без разбора', *i fjor* 'в прошлом году', *omkull* 'кувырком', *på skakke* 'криво', *i går* 'вчера'.

Но хотя, как было сказано выше, предлог наиболее самостоятелен по своему значению, когда он вместе со своим зависимым членом образует обстоятельство, и в этом случае самостоятельность его значения очень относительна. В словосочетании *å bo i Oslo* 'жить в Осло' предлог *i* имеет определенное пространственное значение только потому, что слова *bo* и *Oslo* могут быть связаны определенным пространственным отношением. Предлог *i* имел бы другое свойственное ему значение, если бы состав словосочетания (и особенно, конечно, его зависимый член) был другим. В устойчивом словосочетании возможно даже, что то же самое пространственное отношение будет выражено другим предлогом. Так, если название города *Oslo* заменить названием города *Hamar*, то придется сказать *å bo på Hamar* 'жить в Хамаре', где предлог *på* будет выражать совершенно то же самое, что выражает предлог *i* в словосочетании *å bo i Oslo*.

Тот факт, что значение предлога наиболее отчетливо и самостоятельно в предложном обстоятельстве, нередко истолковывается так, что предлог в этом случае якобы «сохраняет свое лексическое значение», тогда как в других случаях он якобы «теряет свое лексическое значение» или «грамматизируется». Такое истолкование имеет своей предпосылкой прежде всего терминологическую неурядицу. Термин «лексическое значение» употребляется в этом случае как расплывчатый эквивалент

термина «значение отдельного слова», тогда как в строгом употреблении он является эквивалентом только термина «значение знаменательного слова». Признание возможности «лексического значения в предлоге» имеет также своей предпосылкой ошибочное представление, что тот, кто не признает такой возможности, отрицает якобы возможность большей или меньшей отчетливости или самостоятельности значения предлога. В действительности, однако, отрицание возможности «лексического значения в предлоге» означает только то, что предлог признается служебным словом, т. е. словом, которое никогда, ни в каком синтаксическом положении и ни при какой относительной самостоятельности своего значения не может выступать как самостоятельный элемент высказывания, т. е. как член предложения, а входит в состав такого члена как его подчиненная часть (см. § 2, стр. 12). Косвенным подтверждением того, что значение предлога не может быть лексическим, является то, что в предлоге невозможно обнаружить сочетание двух различных по функции значений (основного и ему сопутствующего). Между тем, одним из свойств лексического значения является то, что оно не может выступать в слове без сопутствующего ему и оформляющего его грамматического значения.

В случае менее тесной связи предлога с зависимым членом или одинаковой связи предлога как с зависимым членом, так и с глаголом, зависимый член образует дополнение к этому глаголу.

Тесная связь предлога с глаголом может выражаться в том, что глагол требует после себя определенного предлога, т. е. управляет предлогом. Например: *å løfte på hatten* 'приподнять шляпу', *å hilse på en venn* 'приветствовать друга', *å lete etter en blyant* 'искать карандаш', *å be om forlatelse* 'просить прощения', *å nikke med hodet* 'кивать головой', *å lenges etter hjemmet* 'томиться по дому', *å vente på våren* 'ждать весны', *å bestemmes ved et adjektiv* 'определяться прилагательным'. В таких словосочетаниях предлог имеет заметно менее отчетливое и самостоятельное значение, причем и само содержание его значения всегда отлично от содержания его значения в предложном обстоятельстве (так, предлог в этом случае не может иметь пространственного, временного, причинного и других обстоятельственных значений). Однако ошибочным было бы считать, что предлог в таких словосочетаниях вовсе не имеет никакого значения. В таких словосочетаниях предлог во всяком случае выражает отношение действия к своему объекту,

т. е. определенное отношение зависимости, причем в норвежском языке он обычно выражает отношение определенного действия к определенному объекту, поскольку с глаголом определенного значения обычно связывается определенный предлог, т. е. предлог, в какой-то мере связанный с данным глаголом по своему значению. Так, например, глаголы *be* 'просить', *trygle* 'умолять', *tigge* 'выпрашивать', *anmode* и *ansøke* 'ходатайствовать' и т. п. употребляются с предлогом *om*, тогда как глаголы *fortsette* 'продолжать', *slutte* и *ende* 'кончать', *opphøre* 'прекращать' и т. п. употребляются с предлогом *med*, глаголы *håpe* 'надеяться', *lite* 'полагаться', *regne* 'рассчитывать', *vente* 'ждать' и т. п. употребляются с предлогом *på*, а глаголы *lete* 'искать', *lenges* и *trå* 'томиться', *streve*, *stunde*, *hike* и *trakte* 'стремиться', *tørste* 'жаждать' и т. п. употребляются с предлогом *etter*.

Таким образом, даже в тех случаях, когда выбор того или иного предлога зависит исключительно от того, каким предлогом управляет данный глагол, предлог все же сохраняет свою семантическую индивидуальность, поскольку им управляют только глаголы определенного значения. Полная немотивированность предлога возможна только в устойчивых словосочетаниях, т. е. в словосочетаниях, для которых вообще характерно, что их компоненты могут быть немотивированы.

Нередко один и тот же предложный оборот, в зависимости от значения предлога, а следовательно, и связи предлога с зависимым и независимым членами, может быть либо обстоятельством, либо сочетанием предлога с дополнением. Так, например, *å komme etter noen* может обозначать как 'прийти после кого-либо', так и 'прийти за кем-либо' (т. е. чтобы увести его). В первом случае *etter noen* будет обстоятельством, во втором — сочетанием предлога с дополнением.

Однако и связь предложного дополнения с глаголом может быть более тесной или менее тесной в зависимости от синтаксических условий. Предложное дополнение слабее связано с глаголом в том случае, если наряду с ним при глаголе есть и беспредложное дополнение. Например: *å gi en bok til gutten* 'дать книгу мальчику', *å lese noe for barna* 'читать что-либо детям', *å gratulere en med festen* 'поздравлять кого-нибудь с праздником', *å bytte en gås mot en hane* 'променять гуся на петуха'.

Предложное дополнение слабее связано с глаголом также и в том случае, если данный глагол употребляется и вообще без дополнения. Сравни, например: *å tenke på noe* 'думать о чем-

либо' (å tenke употребляется и вообще без дополнения) и å lite på noe 'полагаться на что-либо' (å lite без предложного дополнения никогда не употребляется).

Слабее связано предложное дополнение с глаголом и в том случае, если при одном и том же глаголе предложное дополнение может чередоваться с беспредложным. Сравни, например: å hogge til noe 'рубануть по чему-нибудь' (возможно и å hogge noe 'рубить что-либо') и å tvile på noe 'сомневаться в чем-либо' (å tvile noe — невозможно). Но в случае чередования предложного и беспредложного дополнения при одном и том же глаголе в норвежском языке нередко наблюдается различие либо в значении дополнения, либо в видовом значении глагола. Предложное дополнение обычно выражает в этих случаях менее полную связь действия с объектом, меньший охват объекта действием, чем беспредложное дополнение. Поэтому предложное дополнение может в этих случаях отличаться от беспредложного как выражение орудия действия от выражения непосредственного объекта действия (сравни, например: å ryste på hodet 'качать головой' и å ryste en 'потрясать кого-либо'). Чаще, однако, предложное дополнение отличается от беспредложного (в случае глаголов, совмещающих предельность и неопределенность) как выражение объекта при глаголе, только неопределенном, от выражения объекта при глаголе как предельном, так и неопределенном, в зависимости от контекста. Сравни, например: å skrive på et brev 'писать письмо' и å skrive et brev 'писать (или написать) письмо', å lese i avisa 'читать газеты' и å lese avisa 'читать (или прочитать) газету', å gripe etter noe 'хватать (или пытаться схватить) что-либо' и å gripe noe 'хватать (или схватить) что-либо'.

Как ни тесна связь предлога с глаголом, который им управляет, предлог все же выражает отношение между глаголом и другим словом, т. е. остается предлогом. По мере того как связь предлога с глаголом становится еще теснее, предлог превращается из выразителя отношения между глаголом и другим словом в приглагольную частицу.

Приглагольная частица (или глагольный послелог) отличается от предлога тем, что она входит в состав сочетания имеющего единое лексическое значение, а не выражает отношение между глаголом и другим словом. Поэтому глагол с приглагольной частицей всегда отличается по своему значению от соответствующего глагола без приглагольной частицы. Сравни, например: å holde 'держат' и å holde på 'продолжать', å komme 'приходить' и å komme ved 'касаться', å ligge 'лежать'

и å ligge under 'быть побежденным', å falle 'падать' и å falle fra 'умирать'.

Глагол с приглагольной частицей может иметь при себе беспредложное дополнение. Например: å finne på noe 'придумать что-либо', å gjøre opp regnskap 'оплатить счет'. Но он может иметь при себе и предложное дополнение. Например: å holde på med noe 'продолжать что-либо', å bære over med en 'терпимо относиться к кому-либо'. В первом случае предложного словосочетания вообще нет, а есть сочетание глагола с приглагольной частицей и его дополнения. Во втором случае независимым членом предложного словосочетания является глагол с приглагольной частицей.

Независимым членом предложного словосочетания может быть и связочный глагол. Характерно, однако, что при этом даже наиболее грамматизированный из связочных глаголов, а именно глагол være, всегда сохраняет остаток лексического значения, а предложный оборот при нем представляет собой, в сущности, нечто промежуточное либо между предикативным членом и обстоятельством (в случае меньшей связи предлога с глаголом være, например: å være ved det gamle 'оставаться по-старому', å være av samme mening 'придерживаться того же мнения', å være i godt humør 'находиться в хорошем настроении'), либо между предикативным членом и сочетанием предлога с дополнением (в случае большей связи предлога с глаголом være, например: å være av glass 'состоять из стекла').

Когда независимый член — существительное, предлог вместе с зависимым членом образует определение к этому существительному. Например: skiene til gutten 'лыжи мальчика'; en del av bøkene 'часть книг'; en flokk med hester 'табун лошадей'; øynene på insekter 'глаза насекомых'; slaget ved Waterloo 'битва при Ватерлоо'; makt over mennesker 'власть над людьми'; kampen mot rusdrikken 'борьба против спиртных напитков'; en spøk fra hennes side 'шутка с ее стороны'; mannen ved pensen 'человек у стрелки'; håpet om å komme til en forståelse 'надежда прийти к соглашению'. В этом случае, хотя предлог теснее связан с зависимым членом (вместе с которым он образует определение), чем с независимым членом (который является определяемым), связь предлога с независимым членом тоже сравнительно сильна. Так, хотя в словосочетании skiene til gutten предложный оборот til gutten, конечно, нечто более осмысленное, чем сочетание skiene til, все же без определяемого непонятно, что такое til gutten («к мальчику», «мальчика» или «мальчику?»). Связь предлога с независимым членом существи-

тельным всего слабее, когда предлог имеет пространственное или другие значения, характерные для предлога в обстоятельстве, т. е. когда предложное определение параллельно предложному обстоятельству. Например: *møtene på gata* 'встречи на улице' (сравни *å møte på gata* 'встречаться на улице'). Напротив, связь предлога с независимым членом — существительным — всего сильнее, когда предлог имеет значение, характерное для предлога при дополнении, т. е. когда предложное определение параллельно предложному дополнению при глаголе. Например: *lengselen etter hjemmet* 'тоска по дому' (сравни *å lenges etter hjemmet* 'томиться по дому'). В этом случае можно говорить о том, что существительное управляет определенным предлогом.

Связь предлога с независимым членом также сравнительно сильна, когда независимый член — прилагательное. Например: *hvit av mel* 'белый от муки', *full av gull* 'полный золота', *hård mot barna* 'суровый к детям', *kroket i ryggen* 'со сторбленной спиной'. Связь предлога с независимым членом — прилагательным — всего сильнее, когда данное прилагательное (или прилагательное в данном значении) без предложного оборота не употребляется. Например: *tilbøyelig til noe* 'склонный к чему-либо', *skjeltv på hånden* 'с дрожащей рукой', *glad i barn* 'любящий детей'.

Местоположение предлога

§ 81. Синтаксические связи внутри предложного словосочетания обуславливают и местоположение его элементов относительно друг друга. Поскольку предлог выражает отношение между независимым и зависимым членами, естественно, что наиболее обычным его положением и является положение между независимым и зависимым членами (такое положение он занимает, в частности, во всех примерах, приведенных выше). Когда независимый член — существительное или прилагательное, т. е. когда связь предлога с независимым членом сравнительно сильна, такое положение является в норвежском языке и единственно возможным. Но когда независимый член — глагол, т. е. когда связь предлога с независимым членом не обязательно сильна, в норвежском языке возможны и другие положения предлога, причем такие положения обычно связаны с большими или меньшими нарушениями обычных связей внутри предложного словосочетания.

Если обозначить обычное словорасположение внутри предложного словосочетания как Н—п—З (независимый член—предлог—зависимый член), то остальные теоретиче-

ски мыслимые расположения элементов предложного словосочетания будут тогда, очевидно, Н—З—п, п—З—Н, п—Н—З, З—п—Н и З—Н—п.

Расположение п—З—Н встречается довольно часто в том случае, когда предлог вместе с зависимым членом образует обстоятельство. Например: *på bordet ligger bøger, tidsskrifter og aviser* (I.) 'на столе лежат книги, журналы и газеты'; *her hos farmors sang lille Mildrid en dag brudeslåttten* (B.) 'здесь у бабушки маленькая Мильдри спела однажды свадебный напев'. Возможность такого положения предлога есть, очевидно, вследствие его очень слабой связи с независимым членом, — гораздо более слабой, чем с зависимым членом. Однако в таком положении предлог все же остается предлогом. Его слияние с зависимым членом в сложное наречие типа *i går* происходит только в том случае, если зависимый член не употребляется вне данного сочетания (см. § 80, стр. 159).

Расположение Н—З—п обычно только для некоторых предлогов или в некоторых выражениях. Так, оно довольно обычно для предлога *over*. Например: *De blir jo hjemme vintgen over, hører jeg* (I.) 'я слышу, что Вы остаетесь дома на зиму'. Такое положение довольно обычно также для предлогов *forbi*, *foruten*, *igjennom*, *imellom*, а также для «предлогов-наречий» (см. § 79) типа *nedover*, *oppeover*, *utover* и др. Например: *hun syntes ikke hun kunde leve den foruden* (I.) 'ей казалось, что она не может жить без нее [т. е. без любви]'. Для предложных оборотов *mann imellom* 'между мужчинами', *gård imellom* 'между дворами' и т. п. другое расположение и невозможно.

Такое положение предлога обуславливается очевидно тем, что ослаблена его связь не только с независимым, но и с зависимым членом. Поэтому при таком словорасположении создаются условия для превращения предлога в наречие, а зависимого члена предложного словосочетания — в беспредложное дополнение при глаголе. Так, *å kjøre dalen utover* можно понять и как 'ехать вдоль по долине', и как 'проехать долину вдоль'. Не случайно это положение наиболее обычно именно для «предлогов-наречий» (см. § 79, стр. 152).

Если предложное обстоятельство с таким положением предлога выносится в начало предложения, то получается расположение З—п—Н. Однако на практике оно, повидимому, не встречается или встречается очень редко.

Напротив, в ряде случаев обычно расположение З—Н—п. Такое расположение, во-первых, обычно, когда зависимый член — относительное местоимение или (в случае придаточ-

ного без вводящего слова) то слово главного предложения, которое определяется придаточным. Например: *det er bøger, som jeg læser i* (I.) 'это книги, которые я читаю'; *et annet karakteristisk trekk ved den sovjetiske vitenskap er det kollektive prinsipp, som den arbeider etter* (Fr.) 'другая характерная черта советской науки — это принцип коллективизма, которому она следует'; *det er sjøen de lever av og en gang må dø av* (G.) 'они живут морем и когда-нибудь умрут от него'; *senere fortalte han hvem den skrev sig fra* (G.) 'позднее он рассказал, откуда она [т. е. информация]'.
 Расположение 3—Н—п, во-вторых, обычно, когда зависимый член предложного словосочетания имеет при себе определение, выраженное инфинитивом, и этот инфинитив является в то же время независимым членом того же предложного словосочетания. Например: *her er fast grund at bygge på* (I.) 'это прочная основа для постройки'; *hun må være lykkelig som har Deres øyne å se med* (G.) 'счастлива должна быть та, которая может смотреть вашими глазами'.

Расположение 3—Н—п, в-третьих, обычно, когда зависимый член с целью его выделения выносится на первое место предложения. Например: *det tænker vi byfolk så lidet på* (I.) 'об этом мы, горожане, так мало думаем'; *det har jeg selv mest glæde av* (B.) 'я сам больше всего рад этому'; *denne hveten dreier nå alles tanker seg om* (Fr.) 'на этой пшенице сосредоточены теперь мысли всех'. Когда зависимый член — вопросительное слово, такое вынесение его на первое место в предложении является правилом. Например: *hva tenker du på?* 'о чем ты думаешь?'; *hvem snakker du om?* 'о ком ты говоришь?'.

Расположение 3—Н—п, в-четвертых, обычно, когда независимый член — глагол в страдательном залоге. Например: *foredragene ble hørt på med levende interesse* (Fr.) 'доклады слушались с живым интересом'; *sligt noget kan jo ikke lægges dølgsmål på alligevel* (I.) 'такие вещи все же нельзя скрыть'.
 Во всех случаях расположения 3—Н—п предлог отрывается от своего зависимого члена, но сохраняет отчетливую связь с независимым членом. Таким образом, создаются условия для превращения предлога в прилагательную частицу, т. е. для полного затемнения связи предлога с зависимым членом и включения значения предлога в лексическое значение глагола. Вместе с тем и зависимый член предложного словосочетания из предложного дополнения или составной части обстоятельства превращается в беспредложное дополнение, обстоятельство или даже подлежащее (в последнем случае).

В современном норвежском языке не встречается расположение п—Н—З (в древности оно было, повидимому, возможно).

Таким образом, место предлога в предложном словосочетании обусловлено его грамматической функцией. Поскольку эта функция заключается в том, чтобы выражать то или иное отношение зависимости между словами, наиболее обычным положением предлога является его положение между независимым и зависимым членами (Н—п—З) или, во всяком случае, перед зависимым членом (п—З—Н). В последнем случае, однако, возможно слияние предлога с зависимым членом в наречие. Во всех остальных случаях предложное словосочетание в большей или меньшей степени разрушается и создаются условия для превращения предлога в наречие (расположения Н—З—п или 3—п—Н) или в прилагательную частицу (расположение 3—Н—п).

Союзные словосочетания

§ 82. Союзное словосочетание, так же как предложное словосочетание, представляет собой сочетание знаменательных слов, отношение между которыми выражено посредством служебного слова (союза). Значение союза, поэтому, так же как значение предлога, совпадает с его грамматической функцией и в каждом отдельном случае его употребления едино (см. § 79, стр. 150).

Однако в отличие от членов предложного словосочетания члены союзного словосочетания одинаково зависимы друг от друга, т. е. синтаксически однородны. Другими словами, в союзном словосочетании союз всегда связывает одинаковые знаменательные части речи (существительные, глаголы, прилагательные, наречия) и одинаковые члены предложения (подлежащие, сказуемые, дополнения, определения или обстоятельства). Например: *gutten og piken (leker)* 'мальчик и девочка (играют)'; *(han elsker) hverken deg eller meg* '(он не любит) ни тебя, ни меня'; *(jeg) skriver og leser* '(я) пишу и читаю'; *store, men svake* 'большие, но слабые'; *både pent og tydelig* 'красиво и отчетливо'.

Таким образом, союзные словосочетания в синтаксическом отношении гораздо однороднее и проще, чем предложные словосочетания, а значения союзов, связывающих отдельные знаменательные слова, гораздо шире, чем значения предлогов.

В норвежском языке важнейшими союзами, связывающими знаменательные слова, являются следующие: 1) соединительные союзы *og* 'и', *både* 'и...и', *hverken* 'ни...ни', *samt* 'как и', *såvel* 'как...так и' (например: *Ole og Hans* 'Уле и Ханс'; *både skakk og halt* 'кривой и хромо́й'; *hverken far eller mor* 'ни отец, ни мать'); 2) противительный союз *men* 'но', 'а' (например: *Ole, men ikke Hans* 'Уле, но не Ханс'; *ikke Hans, men Ole* 'не Ханс, а Уле'); 3) разделительные союзы *eller* 'или', *enten* 'либо...либо' (например: *pengene eller livet!* 'кошелек или жизнь!'; *enten han eller jeg* 'либо он, либо я').

Флективные словосочетания

§ 83. Флективное словосочетание — это сочетание знаменательных слов, отношение между которыми выражено флексией, т. е. формой слова. Поэтому анализировать эти словосочетания значит анализировать формы слов, которые выражают отношения между словами. Поскольку, однако, формы слова — это предмет морфологии, а не синтаксиса, словосочетания эти рассматриваются обычно в морфологии, а не в синтаксисе.

В норвежском языке возможны флективные словосочетания двух видов.

1. Генитивные словосочетания, или сочетания двух существительных, из которых первое, выступающее в качестве определения, стоит в родительном падеже (*genitiv*), а второе, выступающее в качестве определяемого, в общем падеже. Например: *guttens bok* 'книга мальчика'. В таком словосочетании второе существительное управляет первым. Другими словами, первое из этих существительных зависимо по своему падежу (т. е. форме, выражающей отношение к другим словам), тогда как второе — независимо. Такие словосочетания рассматриваются в разделе морфологии, посвященном падежу существительного (см. §§ 13—16).

2. Адъективные словосочетания, или сочетания существительного с согласуемым с ним прилагательным (*adjektiv*). Например: *en stor gutt* 'большой мальчик'; *et stort bord* 'большой стол', *de store guttene* 'большие мальчики'. В таком словосочетании прилагательное (выступающее в качестве определения) согласуется с существительным (выступающим в качестве определяемого) в роде, числе, а также в «определенности» или «неопределенности». Другими словами, прилагательное в таком словосочетании показывает своим окончанием, с каким существ-

вительным (т. е. существительным какого рода и числа, а также «определенным» или «неопределенным» существительным) оно соотносено. Такие словосочетания рассматриваются в разделе морфологии, посвященном согласованию и функциям прилагательного (см. §§ 20—21).

Сходство между этими двумя видами флективных словосочетаний заключается в том, что и в том и в другом имеет место сочетание определения с определяемым. Различие же между этими двумя видами флективных словосочетаний заключается в том, что в первом из них определением является существительное, т. е. знаменательное слово, независимое по своей грамматической природе, тогда как во втором из них определением является прилагательное, т. е. знаменательное слово, зависимое по своей грамматической природе. Формально это различие выражается в том, что в первом случае определение и определяемое грамматически распадаются (а именно распадаются по падежу), тогда как во втором случае определение и определяемое грамматически уподобляются (а именно уподобляются по роду, числу, а также по «определенности» или «неопределенности»).

Аналитические словосочетания

§ 84. Аналитическое словосочетание — это сочетание знаменательных слов, отношение между которыми выражено только посредством расположения этих слов относительно друг друга. Как правило, слова, входящие в состав такого словосочетания, примыкают друг к другу, т. е. стоят рядом, причем обычно в определенном порядке. Иногда разные аналитические словосочетания отличаются друг от друга только порядком следования слов или интонацией. Сравни, например, *mannen ser* 'человек видит', *ser mannen* 'видит человека', *ser mannen?* 'человек видит?'. Иногда, напротив, порядок следования слов в аналитическом словосочетании более или менее безразличен. Сравни, например: *aldri sover* и *sover aldri* 'никогда не спит' и 'не спит никогда'. В некоторых аналитических словосочетаниях примыкание слов может чередоваться в определенных случаях с их разделением другими словами. Сравни, например: *(jeg pleide) å lese bøker* 'я имел обыкновение читать книги' и *bøker (kunne jeg ikke) lese* 'книг я не мог читать'.

В той мере, в какой способность вступать в определенные аналитические словосочетания является характерным грамма-

тическим свойством тех или иных частей речи или тех или иных форм, эти словосочетания и рассматриваются в разделах морфологии, посвященных соответствующим частям речи или формам. В той мере, в какой определенные аналитические словосочетания являются в то же время теми или иными членами предложения, сочетаниями тех или иных членов предложения или целыми предложениями, эти словосочетания и рассматриваются в разделах синтаксиса, посвященных соответствующим членам предложения, их сочетаниям или целым предложениям. Здесь остается только суммировать замечания, разбросанные по разным разделам морфологии и синтаксиса.

В аналитических словосочетаниях, которые существительное образует с глаголом в собственно-глагольной форме, оно выступает как подлежащее (например: *sola skinner* 'солнце светит', *brevet blir skrevet* 'письмо пишется', см. § 87 сл.) или беспредложное дополнение (например: *skriv et brev* 'напиши письмо', см. § 99). В аналитических словосочетаниях с собственно-глагольной формой и другим существительным существительное выступает как прямое или косвенное дополнение (например: *gi gutten boka* 'дай мальчику книгу', см. § 102) или предикативный член дополнения (например: *kall gutten Olav* 'назови мальчика Улавом', см. § 104). В аналитическом словосочетании с инфинитивом существительное выступает как определяемое (например: *tanken å gå dit* 'мысль о том, чтобы пойти туда', см. § 114) или беспредложное дополнение (например: *å spise brød* 'кушать хлеб', см. § 99). В аналитических словосочетаниях с инфинитивом и собственно-глагольной формой существительное выступает в качестве подлежащего сложного дополнения (например: *ser moren komme* 'видит, что мать идет', см. § 103). Наконец, с причастием I (например: *et tenkende vesen* 'мыслящее существо', см. § 109) и с наречием (например: *av bare sølv* 'из чистого серебра', см. § 115) существительное выступает в качестве определяемого.

Существительное может образовывать аналитические словосочетания с другим существительным только в качестве приложения (например: *billedhoggeren Vigeland* 'скульптор Вигеланн', см. § 117) или в том случае, если оно имеет значение того, мера или количество чего выражены другим существительным (например: *et glass øl* 'стакан пива', *en sverm bier* 'рой пчел', *en mengde mennesker* 'множество людей', см. § 112). В других случаях сочетание двух существительных, отношение между которыми выражено только их положением относительно друг друга (например: *en ordliste* 'список слов', *en bisverm*

'рой пчел'), являются не словосочетаниями, а сложными словами (см. § 113).

Прилагательное образует аналитические словосочетания только с инфинитивом (например: *lett å narre* 'которого легко одурачить', см. § 95) и наречием (в том числе и адвербиализованным причастием I). Например: *meget stor* 'очень большой', *skinnende hvit* 'блестяще белый', см. § 77).

Кроме уже перечисленных аналитических словосочетаний, глагол образует аналитические словосочетания с инфинитивом, в которых он выступает как дополнение (например: *hold opp å snakke* 'перестань разговаривать', см. § 100) или обстоятельство (например: *han satte seg å lese* 'он уселся читать', см. § 106), а также с наречием (например: *synger vakkert* 'поет красиво', см. § 106) и причастием I (например: *svarte smilende* 'отвечал улыбаясь', см. § 97).

Наконец, наречие, кроме уже перечисленных аналитических словосочетаний, может образовывать аналитические словосочетания с другим наречием (в том числе адвербиализованным причастием I). Например: *ganske annerledes* 'совершенно иначе', *overrumpende plutselig* 'совершенно неожиданно' (см. § 77).

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 85. Наряду со словом предложение — это основная единица, с которой имеет дело грамматика. Нет никаких сомнений в том, что, так же как и слово, это вполне реальная единица. Не случайно эта единица настолько отчетливо выделяется в сознании говорящих, что в большинстве конкретных случаев не представляет никакого труда сказать, является ли данный отрезок речи такой единицей или нет. Но дать определение основной единицы той или иной науки (даже наиболее точной науки) всегда чрезвычайно трудно. Ведь определение такой единицы должно лежать в основе всех других определений данной науки, а само не может основываться на каких-либо других определениях.

Что касается слова, то удовлетворительного определения его пока не найдено. Легче, чем слово в о о б щ е, определить знаменательное слово. Поэтому часто определения знаменательного слова выдаются за определения слова вообще. Попытка нового определения знаменательного слова есть и в настоящей работе (см. стр. 19). Не найдено пока и удовлетворительного определения предложения, хотя их было предложено бесчисленное множество. Впрочем, часто определения

предложения принимались за новые только потому, что были забыты старые. Если не стремиться к кратости и ясности, то, комбинируя элементы старых определений предложения, можно создать любое количество новых его определений.

Из существующих определений предложения прежде всего должны быть отвергнуты те, которые основаны на явном или скрытом отождествлении предложения и суждения. Дело в том, что отождествление предложения и суждения до сих пор широко распространено. С одной стороны, едва ли сейчас найдется такой грамматист, который решился бы открыто признать, что он не видит никакого различия между предложением и суждением. Но, с другой стороны, едва ли сейчас найдется и такой грамматист, который в своих высказываниях о предложении и его главных членах фактически в какой-то мере не отождествлял бы предложения и суждения.

На путь отождествления предложения и суждения толкает грамматиста прежде всего, конечно, то, что между предложением и суждением, или вернее между наиболее изученным типом предложения и суждением, действительно есть соотносительность и что такую соотносительность легко принять за тождество предложения и суждения вообще. На путь отождествления предложения и суждения толкает грамматиста также и то, что такое отождествление избавляет его от огромных теоретических трудностей. Ведь если предложение это то же самое, что суждение, то тем самым сложнейшая проблема соотношения языка и мышления, грамматики и логики будто бы и разрешена.

Наиболее явной формой отождествления предложения и суждения является утверждение, что всякое предложение выражает суждение (утверждение, которое отнюдь не вытекает из того очевидного факта, что всякое суждение выражается предложением). В самом деле, если всякое предложение выражает суждение, то тогда суждение и предложение это, очевидно, то же самое, но только рассматриваемое с разных точек зрения — с точки зрения логики и с точки зрения грамматики, — и лингвистам нечего больше ломать себе голову над тем, как следует определять предложение: его, очевидно, следует тогда определить просто как «непосредственную действительность суждения» или «суждение, рассматриваемое с точки зрения его выражения» или как-нибудь в этом роде. Когда же логики говорят, что единственными предложениями, которые не выражают суждения, являются предложения вопросительные и побудительные, то это немногим меняет положение, так как за вычетом вопросительных и побудительных предложений осталь-

ные остаются все же лишь «непосредственной действительностью суждения». Спор между логиками о том, выражают ли вопрос и побуждение суждение, не затрагивает основного для грамматиста вопроса — вопроса о том, чем всякое предположение отличается от всякого суждения.

Более замаскированной формой отождествления предложения и суждения является приписывание предложению смысловой структуры суждения, т. е. утверждение, что содержание всякого предложения расчленяется на то, о чем в нем предсказывается (или говорится, сообщается), и то, что в нем предсказывается, т. е. на субъект и предикат, или на какие-то два другие аналогичные, хотя иначе названные «члена», или «компонента», или «элемента», или «представления» и т. п. (т. е. те же субъект и предикат, но прикрытые при помощи терминологических ухищрений).

Между тем не представляет сомнения, что существуют предложения, которые не выражают суждения и в которых поэтому нет никакого соединения «двух компонентов» и т. п. Так, выразить содержание предложения *brann!* «пожар!» и т. п. в виде суждения совершенно невозможно. Всякое разложение содержания такого предложения на субъект и предикат (например: «то, что я вижу, есть пожар» или «пожар есть то, что происходит» и т. п.) устраняет основное в содержании этого предложения, то, что составляет сущность его специфики — его эмфатическую нерасчлененность — и вводит в него то, чего в нем нет, — ту логическую расчлененность, которая в предложениях этого типа невозможна.

С другой стороны, специфика этих предложений заключается, повидимому, в роли, которую играет в них интонация. Ведь о том, что слово *brann* является в данном случае предложением, мы узнаем только благодаря интонации, с которой это слово произнесено (в письме эта интонация может подставляться соответствующим знаком препинания или контекстом). Именно определенная интонация делает эти предложения предложениями. Другими словами, это предложения, оформленные только интонацией.

Но совсем иначе обстоит дело в предложениях *han sitter der* «он сидит там» или *veggen er hvit* «стена бела», т. е. предложениях, в которых есть сказуемое. В таких предложениях именно наличие сказуемого, т. е. определенная смысловая структура, является тем, что заставляет осознавать эти предложения как предложения. В самом деле, ведь словосочетания *han sitter der* или *veggen er hvit*, очевидно, не могут не быть пред-

ложениями, поскольку в них есть сказуемое. Словосочетания эти будут предложениями при любой интонации (если, конечно, сама интонация не будет показывать, что слова, их составляющие, никак не связаны друг с другом, т. е. если они не будут произнесены с перечислительной интонацией, т. е. *han, sitter, der* и т. д.).

Другими словами, мы воспринимаем эти словосочетания как предложения не потому, что они произнесены с определенной интонацией (а само собой разумеется, что в речи им всегда будет присуща та или иная интонация), но потому, что в них есть сказуемое. Таким образом, это предложения, оформленные не интонацией, а определенной смысловой структурой.

Легко заметить, однако, что структурно оформленные предложения это вместе с тем такие предложения, содержание которых может быть выражено посредством суждения и которые часто даже не нуждаются в перефразировке для того, чтобы было выявлено их логическое содержание. Так, предложения *han sitter der* и *veggen er hvit* вместе с тем и суждения.

Следовательно, сказуемому свойственно особое мыслительное содержание, которое играет важнейшую роль в оформлении предложения. Это мыслительное содержание называют «сказуемостью» или «предикативностью» (что этимологически то же самое), а также «предикативным отношением» или «предикативной связью», поскольку предикативность обычно проявляется как определенное отношение к другому члену структурно оформленного предложения — его подлежащему.

Однако то, что предикативность может делать предложение предложением, вовсе не значит, что предикативность всегда делает словосочетание, в котором она наличествует, предложением. Предикативность, характерная для сказуемого так называемых «придаточных предложений» (см. § 118), т. е. частей предложения, которые, очевидно, не являются целыми предложениями и называются «предложениями» только по недоразумению, не превращает эти части предложения в предложения. Точно так же предикативность, характерная для одного из компонентов сложного дополнения (который можно назвать «сказуемым сложного дополнения», см. § 103), не превращает это дополнение в предложение.

Таким образом, между предикативностью и предложением нет прямой соотносительности. В предложении может не быть предикативности, и предикативность может быть там, где нет предложения.

Напротив, между предикативностью и суждением, несомненно, есть прямая соотносительность. Наличие сказуемого (а следовательно, и предикативности) в предложении указывает на способность этого предложения выражать суждение. Предикативность, или предикативная связь, или предикативное отношение, это, несомненно, по содержанию и есть то, что в логике называется отношением между субъектом и предикатом суждения.

В чем же сущность этого отношения? Повидимому, в том, что благодаря нему отношения действительности оказываются как бы активно раскрываемыми мыслью. Но, впрочем, определение сущности этого отношения — дело логики, а не грамматики.

Поскольку предикативность указывает на способность предложения выражать суждение, скрытой формой отождествления предложения и суждения может быть утверждение (ошибочное, конечно), что всякому предложению свойственна предикативность, в этом смысле, или что предикативность и есть то, что делает всякое предложение предложением. Более часто, однако, признание предикативности свойством всякого предложения основано на том, что слово «предикативность» употребляется в двух совершенно различных значениях (причем те, кто так его употребляют, сами этого не замечают), а именно в значениях: «то, что делает сказуемое сказуемым», или «мыслительное содержание сказуемого», или «сказуемость», что то же самое, и «то, что делает предложение предложением», или, если так можно выразиться, «предложенность».

Если бы человек в своей практической деятельности стал, не замечая этого, называть одним и тем же словом совсем разные, хоть и как-то связанные предметы, например, воду и мыло, то, конечно, действительность вскоре заставила бы его отказаться от такой привычки, иначе ему пришлось бы утолять жажду мылом, и т. д. В другом положении находится лингвист-теоретик. Ничто не препятствует ему называть одним словом две совсем разные, хотя и как-то связанные вещи, и не замечать этого. Напротив, это иногда даже помогает ему, так как делает то, что он хочет сказать, неуловимым и, следовательно, неопровержимым.

Так, ничто не препятствует лингвисту, не замечая этого, называть «грамматикой» то грамматический строй языка, то науку, этот строй изучающую; «лексическим значением» — то значение знаменательного слова, то значение отдельного слова; «национальным языком» — то литературный язык на-

ции, то язык нации вообще (включая его диалекты); «субъектом» — то субъект суждения, то подлежащее, то производителя действия; «стилем» то одно, то другое и даже трудно сказать что. Ничто не препятствует лингвисту употреблять и слово «предикативность» как в значении «то, что делает сказуемое сказуемым», так и в значении «то, что делает предложение предложением».

Стоит ли, однако, употреблять слово «предикативность» в значении «то, что делает предложение предложением», и нужно ли слово с таким значением? Ведь такое слово было бы, очевидно, нужно только в том случае, если бы то, что делает предложение предложением, встречалось бы и вне предложения, т. е. только если бы то, что делает предложение предложением, не покрывалось бы полностью понятием предложения. Но так как нельзя себе представить, чтобы то, что делает предложение предложением, или «предложенность», встречалось и вне предложения, то и слово для обозначения того, что делает предложение предложением, так же не нужно, как не нужно слово «домность» для обозначения того, что делает дом домом, или слово «апельсинность» для обозначения того, что делает апельсин апельсином, или слово «лошадность» для обозначения того, что делает лошадь лошадью. Введение таких слов, очевидно, имело бы только тот сомнительный смысл, что оно сделало бы возможными такие мнимые определения, как «дом это то, чему свойственна домность», «апельсин это то, существенным свойством чего является апельсинность», «лошадь это то, что обладает свойством лошади», а «предложение это то, что формируется категорией предложенности», и т. д.

Что под «предикативностью» в таком употреблении этого слова не подразумевается ничего такого, чего бы мы уже не знали раньше о предложении, ясно из того, что авторы, которые указывают на «предикативность» как на основной признак предложения, в то же время дают определения предложения, в которых «предикативность» даже не упоминается. Если бы «предикативность» действительно была в таком понимании этого слова не только «предложенностью», т. е. если бы действительно в предложении было открыто какое-то основное свойство (помимо «предложенности»), то тогда естественно было бы подставить найденное решение в определение предложения, определить его как «единицу, обладающую предикативностью» или как-нибудь в этом роде и отказаться от всех других определений. Повидимому, такие определения не даются именно потому, что они сделали бы очевидным бессодержательность

слова «предикативность» в таком его употреблении и его ненужность (нельзя же в самом деле сказать: «предложение это то, основным свойством чего является предложенность»).

Вместе с тем, едва ли можно сомневаться в том, что слово «предикативность» в его этимологическом значении (т. е. в значении «сказуемость» и т. д.) нужное слово. Ведь в том-то и дело, что предикативность в этом смысле характерна не только для сказуемого, но и для членов предложения или их элементов, которые в собственном смысле слова не являются сказуемыми (например, она свойственна второму элементу сложного дополнения, см. § 103). Только в этом смысле слово «предикативность» употребляется в настоящей работе.

В определении предложения нередко вводят указания на его форму. Указывается, например, что предложению свойственна определенная интонация или некоторая грамматическая оформленность. Но, как уже говорилось выше, для структурно оформленных предложений интонация как раз не является существенным признаком, т. е. не является тем, что делает их предложениями. Что же касается грамматической оформленности, то она свойственна как речи в целом, так и всем ее элементам, в частности частям предложения и отдельным словам, а не только предложению.

Излишни в определении предложения также указания на то, что предложение выражает мысль или отражает действительность или что его содержание как-то отнесено к действительности. Ведь все это присуще речи в целом, а не только отдельному предложению.

Единственное свойство, на которое обычно указывается в определениях предложения и которое, повидимому, действительно существенно для него — это «законченность». Но указание на законченность предложения есть всего лишь признак того, что предложение — это некая единица, что и так очевидно.

Повидимому, существенным является также указание на то, что предложение — это единица речи, т. е. нечто, функционирующее как речь, в отличие от слова, которое является лишь потенциально элементом речи и не обязательно образует в ней единицу (сравни *brand* 'пожар' как слово и *brand* как часть единицы речи *branden gaser* 'пожар бушует' или целая единица *brand!* 'пожар!'). Поэтому, хотя определение предложения как «единицы речи» и мало содержательно, оно все же едва ли не наилучшее.

Таким образом, предложение может состоять как из одного слова, так и из нескольких слов и быть оформленным либо интонацией, либо определенной смысловой структурой.

Предложение, оформленное только интонацией, может состоять из слов разного характера. Так оно может состоять из одного существительного (например: *far!* 'отец!'), из существительного с определяющими его словами (например: *den forbi-strede Gråberg!* (I.) 'проклятый Гроберг!'), из инфинитива (например: *der gives andre måder. . . at overliste? At tvinge?* (Bo.) 'есть другие способы. . . перехитрить? Принудить?'), из наречия (например: *så!* 'так!'), и т. д. Для некоторых слов, а именно для утвердительных и отрицательных слов, а также для междометий, характерно, что они обычно образуют в речи такие предложения. Например: *å nei!* 'о нет!'; *ja da!* 'да!'; *bravo!* 'бравол!'; *hysj!* 'тише!'.

С точки зрения их значения, предложения, оформленные только интонацией, могут быть восклицательными (см. примеры выше), вопросительными (например: *ja?* 'да?'), описательными (например в описании декораций в пьесе: *en stue med åpne dører ut til en park* (B.) 'комната с дверьми, открытыми в парк'), звательными (например: *Hedvig!* 'Гедвига!') и т. д. Впрочем, интонационные разновидности предложений, встречающихся в устной речи, еще совершенно не изучены.

От предложений, оформленных только интонацией, следует отличать неполные структурно оформленные предложения, т. е. предложения, смысловая структура которых может быть восполнена из контекста (см. примеры в § 93).

Структурно оформленному предложению тоже всегда свойственна та или иная интонация. Однако на то, что оно является предложением, указывает не его интонация, но его смысловая структура, а именно наличие в нем двух соотносительных членов, находящихся между собой в так называемой предикативной связи (подлежащего и сказуемого), или по меньшей мере одного из этих членов — того, который выражает наличие предикативной связи (или предикативности) в предложении, т. е. сказуемого. Таким образом, существенным признаком всякого структурно оформленного (иначе — предикативного) предложения, в отличие от интонационно оформленного (или непредикативного) предложения, является то, что в этом предложении есть сказуемое.

Структурно оформленное предложение может иметь в своем составе и так называемые второстепенные члены (дополнение, обстоятельство и определение).

В соответствии с изложенным, часть грамматики, посвященная предложению, может быть разделена на две подчасти: одну, посвященную интонационно оформленным, или непредикативным, предложениям, и другую, посвященную структурно оформленным, или предикативным, предложениям, а каждая из этих подчастей — на параграфы, посвященные отдельным типам предложений. Однако часть грамматики, посвященная предложению, может быть разделена и иначе, а именно на подчасти, посвященные отдельным элементам или членам предложения — главным (которые возможны только в структурно оформленных предложениях и в так называемых «придаточных предложениях»), второстепенным (которые возможны и в интонационно оформленных предложениях), а также так называемым придаточным предложениям.

Члены предложения

§ 86. Из сказанного в предыдущем параграфе следует, что подлежащее и сказуемое, или так называемые главные члены предложения, — это соотносительные члены, которые находятся между собой в предикативной связи и в силу этого делают предложение предложением (если только они не являются членами так называемого «придаточного предложения»); причем, поскольку именно сказуемое выражает предикативную связь, или предикативность, оно само по себе, и при отсутствии подлежащего, делает предложение предложением, тогда как подлежащее без сказуемого вообще немыслимо.

Так как, несомненно, как уже было сказано, что предикативная связь — это по содержанию то самое, что в логике называется связью между субъектом и предикатом суждения, то не следует ли сделать вывод, что подлежащее и сказуемое — просто-напросто выражение соответственно субъекта и предиката суждения? Подавляющее большинство определенных подлежащего и сказуемого действительно подразумевает такой вывод. Ведь «то, о чем говорится в предложении», и «то, что говорится в предложении о подлежащем», или «предмет, признак которого определяется в сказуемом», и «признак того предмета, который выражен подлежащим», и т. д. и т. п. — все это несомненно описания субъекта и предиката суждения и ничего больше. Многовековая традиция освящает такие определения подлежащего и сказуемого. Не случайно сами слова «подлежащее» и «сказуемое» представляют собой кальки латин-

ских слов *subjectum* и *praedicatum*. Не случайно в западноевропейских языках подлежащее и субъект суждения, так же как сказуемое и предикат суждения, обозначаются одним словом. Так, норвежское *subjekt* (немецкое *Subjekt*, английское *subject*, и т. д.) обозначает и 'субъект суждения', и 'подлежащее', а норвежское *predikat* (немецкое *Prädikat*, английское *predicate*, и т. д.) обозначает и 'предикат суждения', и 'сказуемое'. В случае же необходимости в этих языках говорится о «грамматическом субъекте» (т. е. подлежащем) и «логическом субъекте» (т. е. субъекте суждения), «грамматическом предикате» (т. е. сказуемом) и «логическом предикате» (т. е. предикате суждения).

Беда, однако, заключается в том, что, хотя параллелизм между членами суждения и главными членами предложения совершенно несомненен, сущность этого параллелизма настолько сложна, что определения подлежащего и сказуемого с точки зрения их значения (т. е. их соответствия членам суждения) оказываются все же всегда неудовлетворительными.

Дело в том, что, во-первых, подлежащее и сказуемое — слова, а не понятия, тогда как субъект и предикат суждения — понятия, а не слова. Но понятие может быть выражено как одним знаменательным словом, так и несколькими. Поэтому, когда субъект суждения выражен не одним знаменательным словом, а несколькими, подлежащее оказывается лишь частью выражения субъекта суждения, а именно господствующим словом в его выражении. Таково же соотношение сказуемого и предиката суждения. Например, в предложении *Osloarbeidernes solidaritetskomité arrangerer onsdag et åpent møte* (Fr.) 'Комитет солидарности рабочих Осло устраивает в среду открытое собрание' выражением субъекта и предиката суждения являются соответственно словосочетания *Osloarbeidernes solidaritetskomité* и *arrangerer onsdag et åpent møte*, тогда как подлежащим и сказуемым являются соответственно слова *solidaritetskomité* и *arrangerer*.

Вместе с тем, с грамматической точки зрения, в этом предложении вычлениются так называемые второстепенные члены предложения, которые не имеют никакого соответствия в суждении (определение — *Osloarbeidernes*, дополнение — *et møte*, обстоятельство — *onsdag*, и т. д.). Таким образом, выражение субъекта и предиката суждения вовсе не обязательно совпадает с подлежащим и сказуемым.

Во-вторых, возможны случаи полного расхождения между словами, обладающими формальными признаками главных

членов предложения, и соответствующими членами суждения. Ударение, падающее на слово, не обладающее никакими формальными признаками сказуемого, может показывать, что это слово выражает предикат суждения. Так, ударение, падающее на слова *Olav* или *i morgen* в *Olav kommer i morgen* 'Улав придет завтра', может показывать, что слова *Olav* или *i morgen* выражают предикат суждения (т. е. что логическая структура соответствующих предложений — «тот, кто придет завтра, — Улав» и «время прихода Улава — завтра»), хотя по формальным признакам сказуемым в *Olav kommer i morgen* может быть только *kommer*.¹ Вынесение слова, не обладающего другими формальными признаками подлежащего, на место, характерное для подлежащего, может показывать, что это слово выражает субъект суждения. Так, дополнение, вынесенное в начало предложения, обычно имеет значение субъекта суждения. Например: *fru Rendalen moret det ikke* (B.) 'Фру Рендален не интересовалась этим' (букв.: 'Фру Рендален это не интересовало'). Наконец, в некоторых типах предложений (а именно в предложениях с так называемым «формальным» и «безличным» подлежащим, см. §§ 90—91) слово, обладающее всеми формальными признаками подлежащего, вообще не может выражать субъекта суждения.

Но если, таким образом, при расхождении между формальными признаками главных членов предложения и их значением решающими оказываются их формальные признаки, то нельзя ли дать чисто формальные определения главных членов предложения и совершенно отвлечься от их отношения к членам суждения? Попытки таких определений действительно делались. Однако такие попытки, как правило, похожи на попытки страуса спрятаться от своих преследователей, засовывая голову под собственное крыло. Дело не столько в том, что формальные признаки главных членов предложения (в норвежском языке это было бы только их выражение теми или иными частями речи и формами слов и их место в предложении) разнообразны и не поддаются обобщению, сколько в том, что определение главных членов предложения, ограничивающееся перечислением этих формальных признаков, не объясняет, что объеди-

¹ Считать, как часто делается, что такая транспозиция предиката суждения посредством ударения не имеет отношения к грамматике, нет никаких оснований. Ведь ударение — грамматическое средство.

няет эти признаки и почему эти признаки должны считаться признаками главных членов предложения. Ведь признаки эти различны не только для разных языков, но и для разных периодов одного языка, между тем как то, что объединяет эти признаки (очевидно — значение главных членов предложения), остается тем же. Таким образом, чисто формальные определения главных членов предложения оказываются всегда неудовлетворительными. Более того, перечисление формальных признаков в определениях главных членов предложений, повидимому, вообще совершенно излишне. Ведь определение должно содержать указания только на существенные признаки. Между тем, ни один из формальных признаков главных членов предложения не может считаться сам по себе существенным.

Иначе обстоит дело с так называемыми второстепенными членами предложения. Для них, повидимому, возможны чисто формальные определения. Правда, относительно того, что является существенным признаком второстепенного члена предложения, нет единства мнения. Если считать его существенным признаком то, какой частью речи он выражается (т. е. если считать, что дополнение — это второстепенный член предложения, выраженный существительным, определение — прилагательным, обстоятельство — наречием, и т. д.), то тогда остается совершенно непонятным, в чем различие между второстепенным членом предложения и частью речи. Второстепенный член предложения сливается с частью речи и в том случае, если считать существенным признаком его значение. Слово со значением предметности окажется тогда дополнением и существительным, слово со значением признака — определением и прилагательным, а слово со значением признака — обстоятельством и наречием.

Повидимому, существенным признаком второстепенного члена предложения следует считать не его выражение и не его значение, а только его отношение к другим словам в предложении (см. подробнее в §§ 98, 105 и 108). Но так как это отношение в основном не зависит от роли этих слов в предложении, второстепенные члены предложения — в то же время члены словосочетания и могут рассматриваться в разделе синтаксиса, посвященном словосочетанию (см. §§ 78 и 80). Таким образом, в отличие от главных членов предложения, сущность которых не может быть определена в отвлечении от их роли в предложении, так называемые второстепенные члены предложения — вообще не обязательно члены предложения.

Подлежащее

Выражение подлежащего

§ 87. В функции подлежащего выступает всегда либо существительное в общем падеже (в том числе, конечно, и местоименное существительное и числительное-существительное), либо личное местоимение в субъектном падеже, либо слово или сочетание слов, синтаксически эквивалентное существительному, т. е. в какой-то мере субстантивированное. Так, подлежащим может быть субстантивированное прилагательное (например: *der kommer den gamle* (B.) 'вот идет старик'), инфинитив (например: *at leve er — krig med trolde i hjertets og hjernens hvælv* (I.) 'жить значит бороться с троллями в своем сердце и уме'); придаточное предложение (см. пример в § 119). Однако существительное в общем падеже или слово, синтаксически эквивалентное существительному, могут выступать не только в функции подлежащего, но также и в функции других членов предложения или их частей (а именно в функции предикативного члена, дополнения и т. д.). Единственная форма слова, которая, как правило, выступает в функции подлежащего, — это личное местоимение в субъектном падеже (сравни, однако, § 31, стр. 84).

Место подлежащего

§ 88. В простом предложении место подлежащего соотносительно месту сказуемого, а именно подлежащее, как правило, стоит рядом со сказуемым: либо перед ним, т. е. на первом месте предложения (при этом союзы и артикли остаются вне счета, а определяемое вместе со своими определениями считается занимающим одно место), либо в особых случаях, о которых см. в § 94, стр. 189, после него, т. е. на втором или третьем месте предложения. Например: *Høyesterett har avsagt dom i drapssaken i Alesund* (Fr.) 'Верховный суд вынес приговор по делу об убийстве в Олесюнне'; *tror De?* 'вы думаете?'; *og så begynte paraden* (Fr.) 'и вот начался парад'. Подлежащее может быть отделено от сказуемого только дополнением, выраженным местоимением в объектном падеже. Например: *hverken inde fra huset eller ute fra gaten naadde dem en lyd* (E.) 'Ни изнутри дома, ни с улицы не доносилось до них ни звука'. Таким образом, подлежащее может стоять как на первом месте предложения, так и на втором или третьем его месте и как перед сказуемым, так и после него.

Отсутствие подлежащего

§ 89. Поскольку предикативная связь выражается в сказуемом, предложение может быть структурно оформленным и в случае отсутствия подлежащего. Так, отсутствие подлежащего является обычным в предложениях, в которых глагол стоит в повелительном наклонении (см. § 63). Например: *følg i hans fotspor* (G.) 'следуй по его стопам'. В разговорной речи при глаголе может отсутствовать подлежащее, которое должно было бы быть выражено словами *jeg* или *det*. Например: *ber om forladelse. Er kommen den gale vejen* (I.) 'прошу прощения. Не туда попал'; *ser deg i hvert fall imorgen* (G.) 'во всяком случае увижу тебя завтра'; *kan gjerne være* (I.) 'вполне возможно'; *behøves ingen opskæring for mig* (I.) 'мне не нужно никакого разрезывания'.

Подлежащее также нередко отсутствует, если его место занимает наречие *her* 'здесь' в функции обстоятельства. Например: *her blir folksomt idag* (Bo.) 'здесь сегодня становитсялюдно'; *her luktet av halm og korn* (Bo.) 'здесь пахло соломой и зерном'.

Формальное подлежащее

§ 90. Нередко в предложении место подлежащего занимает особое, лишенное лексического значения слово, а именно служебное слово *det* (см. § 39, стр. 96). Слово *det* в этой функции принято называть «формальным» подлежащим, а предложение с таким подлежащим — безличным. Значение безличного предложения характеризуется тем, что в нем подлежащее не может быть выражением субъекта суждения.

Безличное предложение может иметь своим сказуемым:

1) так называемый безличный глагол, т. е. глагол, который в данном значении употребляется только в безличных предложениях, например: *det isede i ham* (L.) 'у него похолодело внутри';

2) глагол, который в данном значении употребляется не только в безличных предложениях, например: *det blåste friskt og skydekktet var truende* (Fr.) 'дул свежий ветер, и облачность была угрожающей', сравни *vinden blåser* 'дует ветер';

3) сочетание связочного глагола с прилагательным в среднем роде, например: *der er blitt mørkt* (G.) 'стемнело';

4) глагол в страдательном залоге, например: *det blir sagt*... 'говорят...', ср. § 59;

5) сочетание связочного глагола с существительным, например: *det er ikke jagtvejr idag* (I.) 'сегодня не охотничья погода'.

Последний тип безличного предложения является переходным к предложению с «мнимым» подлежащим (см. § 91) и нередко неотличим от него.

Раньше вместо формального подлежащего *det* (особенно при глаголе в пассиве) употреблялось слово *der*. Например: *der ringes ude i forstuen* (I.) 'в передней звонят'.

Формальное подлежащее *det* иногда приближается по своему значению к неопределенному местоимению *и*, следовательно, становится близким по функции к настоящему подлежащему; например: *det stamper i gangen til høire* (Bo.) 'кто-то стучит ногами в проходе направо'; *det snorket høit og lavt derinde* (Bo.) 'внутри повсюду храпели люди'; *vi skal gjøre det vi kan, svarte det trett* (G.) 'мы сделаем, что можем, — ответил кто-то устало'. Предложения с формальным подлежащим *det* приближаются тогда к неопределенно-личным предложениям, т. е. предложениям, в которых подлежащим являются неопределенные местоимения *en* или *man* (см. § 39, стр. 95) или личные местоимения *de* или *du* в неопределенно-личном значении (см. § 31, стр. 86).

Мнимое и безличное подлежащие

§ 91. От безличных предложений следует отличать предложения, в которых подлежащее отеснено со своего места служебным словом *det* (или *der*, раньше всегда *der*). Слово *det* (или *der*) в этом случае по терминологии Вестерна является «мнимым» подлежащим (*skinnssubjekt*). Что же касается отесненного этим словом подлежащего, то его можно назвать «безличным», поскольку предложения с таким подлежащим близки по значению к безличным предложениям (см. ниже). Сказуемым в таких предложениях может быть:

1) знаменательные (а не связочные!) глаголы *være* 'быть', 'находиться' и *bli* 'становиться', например: *det var bare en pike i hele huset* (G.) 'во всем доме была одна девушка'; *der blev høst* (Bo.) 'наступила осень'; *det var blitt full dag* (G.) 'наступил день';

2) непереходные глаголы типа *stå* 'стоять', *ligge* 'лежать', *sitte* 'сидеть', *komme* 'приходить', *lyde* 'звучать' и т. п., например: *der ligger våd sne på de store ruder i tagvinduet* (I.) 'на больших стеклах окна в потолке лежит мокрый снег';

der sitter to ved bordet (G.) 'за столом сидят двое'; der lyder hymner og forbannelser (G.) 'звучат гимны и проклятья'; der blåste en frisk vind (Fr.) 'дул свежий ветер';

3) глагол в страдательном залоге, например: det ble foretatt stor utrykning (Fr.) 'было предпринято большое выступление'; det ble i går holdt et møte hos representanter for Telegrafverket forbund (Fr.) 'вчера состоялось собрание представителей союза телеграфистов'.

Иногда в функции мнимого подлежащего встречается и слово *her*. Например: *her bor ikke solvente folk her i huset* (I.) 'здесь в доме не живут платежеспособные люди'.

Что место подлежащего занимает в таких предложениях не безличное, а мнимое подлежащее, видно из того, что последнее всегда примыкает к сказуемому, тогда как первое может быть отделено от него. Например: *det var en gang en mann som...* 'жил-был человек, который...'.
 Безличное подлежащее, подобно формальному подлежащему (см. § 90), не может быть выражением субъекта суждения. Поэтому предложение с безличным подлежащим ближе по значению к безличному предложению, чем к предложению с обычным подлежащим. Так, предложение *det blåste en frisk vind* 'дул свежий ветер' ближе по своему значению к предложению *det blåste friskt* 'дул свежий ветер', чем к предложению *en frisk vind blåste* 'свежий ветер дул'. Однако безличное подлежащее, в отличие от формального подлежащего, является знаменательным словом и поэтому может входить в выражение предиката суждения. Повидимому, смысловому слиянию безличного подлежащего со сказуемым в таких предложениях способствует, в частности, то, что существительное, выражающее безличное подлежащее, в таких предложениях не может быть «определенным» по характеру своей соотносительности с действительностью (см. § 18), т. е. имеет при себе либо неопределенный артикль, либо не имеет никакого артикля.

Предваряющее подлежащее

§ 92. От безличных предложений и предложений с безличным подлежащим следует отличать предложения, в которых занимающее место подлежащего слово *det* хотя и имеет о с л а б л е н н о е лексическое значение, однако все же является указательным местоимением, поскольку оно выражает предваряющее указание на последующий инфинитив (например: *det er så ondt å bli gammel* (G.) 'так неприятно стареть';

men hardt er det å elske slik (G.) 'но тяжело так любить') или последующее придаточное предложение, вводимое союзом *at*. Например: *det gjorde os ondt at vi ikke kunde ta dig i vognen* (I.) 'нам было неприятно, что мы не могли взять тебя в экипаж'.

Слово *det* в таких предложениях называют «предваряющим» подлежащим. Что касается инфинитива или придаточного предложения, на которые указывает «предваряющее подлежащее», то их можно было бы считать своего рода «приложением» к нему. Однако от обычного приложения это «приложение» отличается тем, что оно выражено не существительным. Вместе с тем для этого «приложения» характерно, что оно, как правило, выражает субъект суждения, противопоставленный его предикату. Повидимому, в таких предложениях субъект суждения оказывается «приложением», а не подлежащим именно потому, что он выражен не существительным, а инфинитивом или придаточным предложением, т. е. словами, которые для связи со сказуемым нуждаются в посредстве служебного слова с грамматическим значением существительного, т. е. в посредстве предваряющего подлежащего.

Слово *det* является предваряющим подлежащим также и в том случае, когда оно выражает предваряющее указание на последующее «выделительное» придаточное предложение, т. е. определительное придаточное предложение, один из членов которого является в то же время предикативным членом главного предложения. Например: *rungen min er ikke væk*. *Det er tolv kroner som er væk* (Bo.) 'мой кошелек не украден. Украдено двенадцать крон'; *det var meg som vilde her opp i aften* (G.) 'это я хотел прийти сюда сегодня'; *det er en annen De er glad i* (G.) 'вы любите другого'. Сложное предложение такого типа равнозначно простому предложению, в котором один из членов выделен ударением как предикат суждения: *det er tolv kroner som er vekk* = *tolv kroner er vekk*; *det var meg som ville her opp i aften* = *jeg ville her opp i aften*; *det er en annen De er glad i* = *De er glad i en annen*.

Предложение с *det* в функции мнимого подлежащего может формально совпадать с предложением, в котором *det* является предваряющим подлежащим. Например: *det var mange som gråt* 'многие плакали' (*det* — мнимое подлежащее, *var* — знаменательный глагол, *mange* — «безличное» подлежащее), «плакали многие» (*det* — предваряющее подлежащее, *var* — связка, *mange* — предикативный член). Раньше, когда в функции мнимого подлежащего обычно употреблялось не *det*, а *der*, эти

предложения различались и формально: *der var mange som gråt* 'многие плакали' и *det var mange som gråt* (= *mange gråt*) 'плакали многие'.

Сказуемое

Выражение сказуемого

§ 93. Для сказуемого характерно, что оно, как правило, либо выражено собственно-глагольной формой глагола (простой или сложной), либо имеет ее в своем составе. Сказуемое первого типа принято называть простым, а сказуемое второго типа — составным. Составное сказуемое, в свою очередь, может быть образовано либо сочетанием собственно-глагольной формы связочного глагола с так называемым предикативным членом (именное сказуемое), либо сочетанием собственно-глагольной формы знаменательного глагола с предикативным членом (глагольно-именное или двойное сказуемое).

Глагол в собственно-глагольной форме является словом, которому не только свойственно быть сказуемым, но которому и невозможно не быть сказуемым. Поэтому предложение, в котором есть глагол в собственно-глагольной форме, является всегда структурно оформленным.

Собственно-глагольная форма может отсутствовать в структурно оформленном предложении только в исключительных случаях.

Так, она может отсутствовать в неполных структурно оформленных предложениях, т. е. в предложениях, в которых сказуемое может быть восполнено из контекста. Например: *ubetinget* (B.) (= *jeg tror det ubetinget*) 'безусловно' (ответ на вопрос: *tror De det?* 'вы верите этому?'); *ud af huset?* (I.) (= *går du ut av huset?*) 'из дома?' (предшествует предложение *går du!* 'ты уходишь!').

Собственно-глагольная форма может иногда отсутствовать в именном сказуемом (см. § 95, стр. 194).

Наконец, иногда собственно-глагольная форма может отсутствовать в живом повествовании перед инфинитивом или предложным оборотом, выражающим направление. Например: *hun til at huje og skrike* (A.) 'она — ну орать и кричать'; *hun satte sig op på Ryggen hans, og han af gårde* (A.) 'она села на его спину, и он помчался'; *jeg med nogen møje ned og bortover til dem* (B.) 'я с трудом — вниз и к ним'.

Место сказуемого

§ 94. В то время как подлежащее может занимать как первое, так и второе и третье место в предложении (см. § 88), место сказуемого в простом предложении гораздо более устойчиво. Простая собственно-глагольная форма, входящая в состав всякого сказуемого (за исключением сказуемого в неполных предложениях, см. § 93), является частью предложения, наиболее устойчивой в отношении своего места: она никогда не стоит дальше второго места предложения (считая, что простая собственно-глагольная форма, входящая в состав сказуемого, и остальная часть сказуемого занимают два места).

Простая собственно-глагольная форма, входящая в состав сказуемого, как правило, стоит на втором месте в повествовательном предложении и в вопросительном предложении, вводимом вопросительным словом, независимо от того, какой член предложения стоит на первом месте предложения. Например: *freden kan bare bevares ved fredelige midler* (Fr.) 'мир может быть сохранен только мирными средствами'; *i kveld opptre de sovjet-russiske kunstnere for annen gang i Oslo* (Fr.) 'сегодня советские артисты выступают в Осло во второй раз'; *onde er dine ord* (G.) 'твои слова злы'; *bjørn har jeg også skudd* (I.) 'я стрелял и медведей'.

Простая собственно-глагольная форма остается на втором месте предложения и в том случае, когда глагол в простой собственно-глагольной форме или в форме инфинитива выдвигается с целью его смыслового выделения в начало предложения, тогда как сказуемым является заменяющий его глагол *gjøre*, который в соответствующей собственно-глагольной форме стоит на втором месте предложения. Например: *og blåste gjorde det* (A.) 'и ветер дул'; *men stod gjorde det* (K.) 'но оно продолжало стоять'; *velte gjør den nok ikke* (Bo.) 'опрокинуться-то она не опрокинется'.

На первом месте простого предложения простая собственно-глагольная форма, входящая в состав сказуемого, стоит как правило только в следующих случаях.

1. В вопросительных предложениях, не вводимых вопросительным словом. Например: *har du husket på at bede doktor Rank?* (I.) 'ты не забыла попросить доктора Ранка?'.

Если, однако, на вопрос не ожидается ответа или если вопрос содержит уверенность в положительном ответе, возможен и порядок слов, обычный для повествовательного предложения.

2. В предложениях, выражающих пожелание. Например: *måtte du også tenke på ham* (G.) 'хоть бы ты тоже подумал о нем'.

3. В предложении, непосредственно следующем после прямой речи или цитаты, которые по смыслу подчинены этому предложению. Например: *«hvor har du vært?» — spurte han* 'где ты была?' — спросил он'.

4. В повелительных предложениях и в других предложениях, где отсутствует подлежащее (см. § 89). Например: *pass dig godt* (G.) 'берегись, мальчик'; *skal så gjøre* (I.) 'я так и сделаю'.

5. При повторении подлежащего и собственно-глагольной части сказуемого. Например: *du er en strid en, er du* (B.) 'ты упрямая'.

Изредка собственно-глагольная форма стоит на первом месте в разговорной речи для выделения сказуемого (например: *såret jeg Dem nu* (G.) 'задела я вас') и еще реже, в подражание стилю древнеисландских саг, для выражения связи с предыдущим предложением. Например: *den undersøkte først hvor den hadde gått, dernæst hvor den hadde ligget, og ændelig hvor den skulde gå. Tok den så på at rusle i vej* (B.) 'она [осна] исследовала сначала, где она прошла, потом — где она лежала и наконец — куда она должна была идти. Затем она заковыляла'.

На третьем месте простого предложения собственно-глагольная форма встречается только в поэзии. Например: *og til idag hun gav dig frist?* (J.) 'и она дала тебе срок до сегодняшнего дня?'.

Что касается именной части глагольного сказуемого (т. е. причастия II или инфинитива), то она, как правило, следует за простой собственно-глагольной формой, либо непосредственно за ней (например: *Sovjetunionen har lagt fram forslag til resolusjon* (Fr.) 'Советский Союз предложил проект резолюции'), либо будучи отделена от нее подлежащим или обстоятельством. Например: *ikke i manns minne har flommen anrettet så stor skade i disse områder* (Fr.) 'с незапамятных времен наводнение не причиняло такого вреда в этих районах'; *jeg har i dag gitt ordre til evakuering av alle våre kvinner og barn* (G.) 'я отдал сегодня приказ об эвакуации всех наших женщин и детей'; *sånn hadde jeg nå ikke tenkt det* (G.) 'я не представлял себе этого так'.

Именная часть глагольного сказуемого иногда стоит и до простой собственно-глагольной формы. Например: *saa rent*

omkalfjæret Skriften har Præsterne (K.) 'так начисто переделали священники писание'.

В простом предложении с именным сказуемым предикативный член обычно следует после связочного глагола (в простой или сложной форме), а именно либо непосредственно после него (например: *det er sant* 'это верно'), либо будучи отделен от него подлежащим или реже другим членом предложения. Например: *naturligvis er det Gina Hansen* (I.) 'конечно, это Гина Хансен'. Предикативный член может стоять и на первом месте предложения, причем такое положение обуславливает его смысловое выделение. Например: *den første er De dog ikke* (B.) 'но вы не первый'; *min pligt hadde det været* (B.) 'это был мой долг'.

Именное сказуемое

§ 95. Именное сказуемое состоит из собственно-глагольной формы связочного глагола (т. е. связки) и предикативного члена.

Основное значение глагола-связки заключается в том, чтобы выражать предикативную связь (см. § 85) между подлежащим и предикативным членом, т. е. другим словом, которое само по себе не может выражать предикативную связь и которое только вместе со связкой образует сказуемое. Это основное значение связки является не лексическим, а грамматическим. Однако глагол, функционирующий как связка, может в большей или меньшей степени сохранять остаток того лексического значения, которое он имеет, когда функционирует не как связка, а как простое сказуемое.

Наиболее грамматизован в функции связки глагол *være* 'быть'. Этот глагол вместе с тем и наиболее употребителен как связка.¹

Менее грамматизованы в функции связки глаголы *bli* 'становиться',² *synes*, *se ut*, *forekomme* 'казаться', *kalles* 'называться' и некоторые другие, близкие к ним по значению гла-

¹ Однако, когда глагол *være* имеет значение 'пребывать', 'находиться', 'присутствовать', 'происходить', он является не связочным, а знаменательным, и, следовательно, сам по себе образует простое глагольное сказуемое. Например: *jeg var hjemme to dager nu* (G.) 'я теперь пробыл дома два дня'; *dette var ifjor vår* (Bo.) 'это было прошлой весной'. Возможны, конечно, и переходные случаи, т. е. случаи, когда глагол *være* не вполне грамматизован. Глагол *være* всегда не вполне грамматизован в инфинитиве. Поэтому, в сущности, правильнее было бы говорить не о связке *være*, а о связке *er*, *var* и т. д.

² Глагол *bli* также может быть и знаменательным глаголом. Например: *hvor lenge ble du der?* 'как долго ты оставался там?'.

голы. Например: *du skal også bli gammel* (G.) 'ты тоже постареешь'; *det kan synes dem latterlig* (G.) 'это может показаться им смешным'; *husene heime så så mørke og truende ut* (Bo.) 'дома в родной деревне выглядели такими мрачными и грозными'; *ventetiden faldt lang* (Bo.) 'время ожидания казалось длинным'; *denne tanke føltes helt beroligende* (Bo.) 'эта мысль казалась совершенно успокаивающей'; *ansikter virker enda hårdere* (G.) 'лица кажутся еще суровее'.

В некоторых устойчивых словосочетаниях связками являются и глаголы *ligge* 'лежать', *stå* 'стоять', *gå* 'идти'. Например: *eng og aker ligger brak* (I.) 'луга и поля заброшены'; *vinduet står åpent* 'окно открыто'. Сравни также выражения *stå fadder* 'быть крестным отцом', *gå ledig* 'быть праздным' и т. п.

Предикативным членом может быть:

1) прилагательное,¹ например: *de fremmede er ikke mange* (G.) 'чужих не много';

2) адъективизированное причастие I, например: *Fru Fanny var i denne Tid mere straalende end nogensinde* (K.) 'фру Фанни была в это время более сияющая, чем когда-либо';

3) причастие II, например: *utsettelsen på grunn av ferietiden synes søkt* (Fr.) 'повидимому, добиваются отсрочки по причине каникул';

4) существительное в общем падеже, например: *vitenskap i Sovjetunionen er folkets vitenskap* (Fr.) 'наука в Советском Союзе — это народная наука';

5) иногда существительное в родительном падеже, например: *min sak er de tuseners her i landet* (Bo.) 'мое дело — это дело тысяч здесь в стране';

6) личное местоимение в объектном или субъектном падеже, например: *ja, det er bare mig* (G.) 'да, это только я' (сравни § 31, стр. 84);

7) наречие, например: *litt annerledes er forholdet ved følgende eksempler* (W.) 'несколько иначе обстоит дело в следующих примерах';

8) предложный оборот, например: *bladet er antakelig av jern* (Fr.) 'лезвие — повидимому, из железа';

9) инфинитив, например: *at digte — det er at holde dommedag over sig selv* (I.) 'писать, значит судить самого себя';

10) сочетание прилагательного с инфинитивом, образующее

¹ О согласовании прилагательного в функции предикативного члена см. § 20.

неразрывное смысловое целое, например: *unge herr Werle er ikke så svær at kende igen* (I.) 'молодого господина Верле нетрудно узнать';

11) сочетание прилагательного с существительным и инфинитивом, образующее неразложимое смысловое целое, например: *det var et bittert brev å få* (G.) 'горько было получить такое письмо'.

Таким образом, в ряде случаев предикативным членом могут быть слова, которые не могут быть подлежащим. Так, не могут быть подлежащим несубстантивированные прилагательные, причастия и наречия, личные местоимения в объектном падеже, существительные в родительном падеже, предложные обороты. Только существительные в общем падеже, инфинитивы и личные местоимения в субъектном падеже могут быть как подлежащим, так и предикативным членом.

Если связочный глагол связывает два члена, каждый из которых по своей грамматической природе мог бы быть как подлежащим, так и предикативным членом (например, два существительных в общем падеже), и если при этом в предложении нет слов, которые требовали бы определенного положения подлежащего или предикативного члена по отношению к себе, то невозможно определить, является ли член, стоящий перед связкой, подлежащим или вынесенным вперед предикативным членом, поскольку невозможно определить, с каким словом связка образует сказуемое, т. е. невозможно определить, к какому слову относится выражение предикативной связи. Поэтому в отношении таких предложений можно говорить о «досвязочном» и «послесвязочном» членах, а также о «досвязочном члене, выделенном ударением» и т. д., но нельзя говорить о подлежащем и сказуемом. Положение, однако, сразу меняется, как только в предложении появляется слово, которое требует определенного положения подлежащего и предикативного члена по отношению к себе. Так, невозможно отличить подлежащее от предикативного члена, например, в следующих предложениях: *den vakreste var den yngste Datteren* (A.) 'самая красивая была младшая дочь'; *grunnen til det dårlige hummerfisket er den kalde sjøen i vårmånedene* (Fr.) 'причина плохого улова омаров — холодное море в весенние месяцы'. Но в предложении *den vakreste var ikke den yngste datteren* 'самая красивая была не младшая дочь' подлежащее — *den vakreste*, а в предложении *den vakreste var den yngste datteren ikke* 'младшая дочь не была самая красивая' подлежащее — *den yngste datteren*, и т. д.

Что же касается логической структуры предложения, в котором нельзя отличить подлежащего от предикативного члена, то как досвязочный, так и послесвязочный члены могут в нем выражать предикат суждения, отчасти в зависимости от ударения, отчасти в зависимости от контекста. Так, в предложении *den vakreste var den yngste datteren* 'самая красивая была младшая дочь' досвязочный член будет предикатом суждения, если он выделен ударением или если все предложение — ответ на вопрос 'кто была младшая дочь?'. Но если досвязочный член не выделен ударением или если все предложение — ответ на вопрос «кто была самая красивая?», то послесвязочный член будет предикатом суждения. Сказать, как нередко говорится, что тот член, который выражает более широкое понятие, одновременно является и предикатом суждения, нельзя, потому что, во-первых, объем понятий, выражаемых досвязочным и послесвязочным членами, может быть одинаков (как в вышеприведенном примере), а во-вторых, всегда можно представить себе такую ситуацию (как бы она ни была необычна), когда член, выражающий более узкое понятие, является, несмотря на это, предикатом суждения. Так, хотя в предложении *Olav er en gutt* 'Улав — мальчик' *Olav* более узкое понятие, *Olav* будет выражать предикат суждения, если предложение отвечает на вопрос «кто мальчик, а не девочка?».

Когда предикативный член состоит из неразложимого сочетания прилагательного и инфинитива, предложение в целом может внешне совпадать с предложением с предваряющим подлежащим и «приложением» к нему (см. § 92). Например: *det var umulig å tenke* может значить как 'подумать это было невозможно' (*det* — обычное подлежащее, *umulig å tenke* — предикативный член), так и 'думать было невозможно' (*det* — предваряющее подлежащее, *umulig* — предикативный член, *å tenke* — «приложение» к *det*).

Предикативный член при связочных глаголах со значением «казаться» иногда имеет в своем составе инфинитив связки *være* или предложный оборот *til å være*. Например: *også de fleste arbeidsgivere synes å være tilbøyelig til å støtte planen* (Fr.) 'большинство работодателей, повидимому, тоже склонны поддержать план'; *hun så ud til å være fire-fem og tyve* (Bo.) 'ей было на вид года двадцать четыре-двадцать пять'.

Напротив, сама связка *være* в некоторых случаях отсутствует, и тогда сказуемое состоит из предикативного члена и «нулевой связки». Связка *være* может отсутствовать в некоторых разговорных выражениях (например: *ikke sant?* 'неправда ли?';

så koselig av dere å slenge innom (G.) 'так мило, что вы зашли'); в кратких вопросах (например: *hvorfor det?* 'почему так?'); в газетных заголовках (например: *store byer under vann* (Fr.) 'большие города — под водой'; *200 omkommet* (Fr.) '200 человек погибло'); в поговорках (например: *ingen roser uten torne* 'нет роз без шипов'); в ответах на вопрос. Например: *Torres Snørtelvold* (K.) (= *det er T. S.*) 'Төррес Снёртеволл' (ответ на вопрос *hva er Deres navn?* 'как вас зовут?').

К некоторым связочным глаголам предикативный член, выраженный существительным, может присоединяться посредством союза *som*. Например: *han står vel som kautionist for et par tusen* (Bo.) 'ведь он является поручителем тысячи на две'.

Связка *være* с причастием II как именное сказуемое

§ 96. В ряде случаев именное сказуемое, состоящее из связки *være* и причастия II, внешне совпадает с аналитическими формами глагола и поэтому нередко рассматривается в морфологии, а не в синтаксисе. Однако теоретически все же правильнее рассматривать такие сказуемые в синтаксисе, поскольку по своему значению они являются составными, а не простыми, т. е. не формой глагола.

Сочетание глагола-связки *være* в пресенсе или претерите с причастием II переходного глагола обычно называется «пассивом состояния» в отличие от внешне совпадающих с ним перфекта или плюсквамперфекта обычного пассива, или «пассива действия» (см. §§ 56—58).

Сочетание глагола-связки *være* в пресенсе или претерите с причастием II переходного неопределенного глагола употребительно только, если это причастие адъективизировано (что выражается, в частности, в том, что это причастие может быть определением и что при нем возможно определяющее его наречие). Такое сочетание выражает состояние, являющееся результатом действия, одновременного этому состоянию. Например: *han var ælsket av alle* (B.) 'он был любим всеми' (сравни *en elsket datter* 'любимая дочь', *han var meget elsket* 'его очень любили'); *vi misfornøjede var dengang ilde set af mange her i landet* (I.) 'на нас, недовольных, многие смотрели тогда недружелюбно в нашей стране'; *begge er meget imponert over sovjetishockeyen* (Fr.) 'на обоих произвел большое впечатление советский хоккей'.

Сочетание глагола-связки *være* в пресенсе или претерите с причастием II переходного предельного

глагола всегда возможно. Оно выражает состояние, явившееся результатом действия в прошлом по отношению к этому состоянию. Другими словами, временное значение этого сочетания аналогично временному значению пресенса или претерита, тогда как внешне совпадающие с ним формы «пассива действия» имеют значение перфекта или плюсквамперфекта.

Сочетание глагола-связки *være* в пресенсе с причастием II переходного предельного глагола выражает состояние, наличное в настоящем, но явившееся результатом действия в прошлом. Например: *hun er klædt i sort fløj* (I.) 'она одета в черный бархат'. Сравни «пассив действия» в перфекте: *etter at hun er (blitt) kledd* 'после того как ее одели' или в пресенсе: *hun blir kledd* 'ее одевают'.

Сочетание глагола-связки *være* в претерите с причастием II переходного предельного глагола выражает состояние, наличное в какой-то момент прошлого и явившееся результатом действия, предшествовавшего этому моменту. Например: *men endnu var alting lukket, og bak alle butiksvinduene var gardinerne rullet ned* (Bo.) 'но все еще было закрыто, и за витринами магазинов гардины были спущены'. Сравни «пассив действия» в плюсквамперфекте: *da allting var (blitt) lukket...* 'когда всё закрыли...' — или претерите: *allting ble lukket* 'всё закрыли'.

Само по себе причастие II выражает состояние, явившееся результатом действия, одновременного этому состоянию или предшествовавшего ему (ср. § 72). Поэтому очевидно, что в сочетаниях глагола *være* с причастием II переходных глаголов не происходит никакого слияния элементов в аналитическую форму. Рассматриваемое сочетание, в сущности, совершенно аналогично сочетанию глагола-связки с прилагательным в функции предикативного члена.

Сочетание глагола-связки *være* в пресенсе или претерите с причастием II непереходного предельного глагола означает действие, имеющее своим результатом определенное состояние, т. е. имеет результативное значение. Например: *tiden er kommet* (G.) 'час настал'.

Оборот этот нередко считается разновидностью перфекта или плюсквамперфекта и называется «перфектом или плюсквамперфектом с *er*» (в отличие от «перфекта или плюсквамперфекта с *har*»). Однако значение этого видового оборота заметно отличается в современном языке от значения перфекта, который в случае непереходных предельных глаголов обычно не имеет результативного значения. Сравни *han er gått* 'он

ушел' и *han har gått hele veien* 'он шел всю дорогу'; *han er reist* 'он уехал' и *han har reist mange mil* 'он проехал много миль'. Раньше, когда в перфекте и плюсквамперфекте непереходных предельных глаголов обычно употреблялся глагол *være*, такого различия не было (как его нет в датском языке).

Глагольно-именное, или двойное сказуемое

§ 97. Предложение может иметь в своем составе, помимо непереходного знаменательного глагола, являющегося сказуемым, еще и прилагательное, которое связано с подлежащим не непосредственно и, следовательно, не является его определением, а через посредство этого глагола, т. е. является своего рода предикативным членом. Сочетание знаменательного глагола с таким прилагательным можно назвать «глагольно-именным» или, поскольку в состав его входят два знаменательных слова, «двойным» сказуемым. Прилагательное, входящее в состав такого сказуемого, обычно следует непосредственно за глаголом. Например: *løvskogen stod gul langs veien* (Bo.) 'лиственный лес стоял желтый вдоль дороги'; *professoren havde i længre tid ligget syg* (Bo.) 'профессор долго лежал больной'; *flade Myrter strakte sig sorte* (K.) 'плоские болота простирались, чернея'.

Прилагательное в составе глагольно-именного сказуемого иногда невозможно отличить от совпадающего с ним по форме наречия в функции обстоятельства. Например: *graset grodde frodig* 'трава росла обильная' (или 'росла обильно?').

Предикативным членом глагольно-именного сказуемого может быть и адъективизированное причастие II. Например: *Eigill og Paul sitter tennisklædte i makelige havestoler* (G.) 'Эйгилль и Пёуль сидят одетые в теннисные костюмы в удобных садовых креслах'; *trærne i haven står hvide og bøiede af tindrende snelag* (Bo.) 'деревья в саду стоят белые и согбенные под слоем сверкающего снега'.

Когда предикативным членом глагольно-именного сказуемого является причастие I, то последнее может выражать действие, сопровождающее действие, выражаемое глаголом в собственно-глагольной форме. Например: *ja da! — raabte Julie leende* (K.) 'да! — воскликнула Юлия, смеясь'.

Предикативный член глагольно-именного сказуемого может состоять из прилагательного и связанного с ним союзом причастия I. Например: *elven flød stor og larmende* (Bo.) 'река текла большая и шумящая'.

Причастие I в составе глагольно-именного сказуемого следует отличать от адвербиализованного причастия I в функции обстоятельства. Например: *han smilte bebreidende hen til hende* (Bo.) 'он улыбнулся ей укоризненно'.

Знаменательный глагол *bli* 'оставаться' образует с причастием I неопределенного глагола сказуемое со значением не двух сопровождающих друг друга, а одного длящегося действия. Например: *han kom op gjennom haven og blev stående usett inne blandt stammenes mørke* (G.) 'он прошел через сад и стоял, невидимый в тени стволов'. К такому сказуемому может быть присоединен посредством союза *og* (повидимому, в результате переосмысления частицы *å*, см. § 68, стр. 133) инфинитив, выражающий действие, одновременное с действием, выражаемым сказуемым. Например: *hun blir stående og pustet tungt av spænding* (Bo.) 'она стоит и тяжело дышит от напряжения'; *Knut blev liggende og lytte ut i mørket* (G.) 'Кнут лежал и вслушивался в темноту'.

Знаменательный глагол *komme* 'приходить' образует с причастием I глаголов передвижения сказуемое со значением тоже не двух, а одного действия, а именно передвижения, обычно по направлению к чему-то. Например: *en vakker dag kommer han listende og banker på døren* (Bo.) 'в один прекрасный день он подкрадывается и стучит в дверь'; *men den næste dagen kom Hans ridende ind mellem husene på en stor, rød hoppe* (Bo.) 'на следующий день Ханс проехал между домами на большой, рыжей кобыле'; *en ung Tromsø dame kom fredag seilende inn på havnen i Bodø* (Fr.) 'молодая дама из Трумсё в пятницу приплыла в гавань Будё'; *en sporvogn kom kjørende ut av tåken* (G.) 'из тумана выехал трамвай'.

Дополнение

§ 98. Дополнение следует, повидимому, определить как член предложения или словосочетания, который грамматически зависит от глагола или прилагательного (ср. также §§ 78, 80, 86 и 105).

Беспредложное и предложное дополнения

§ 99. Основное различие в грамматической форме дополнения — это различие между беспредложным и предложным дополнениями. Беспредложное дополнение бывает выражено либо существительным в общем падеже, либо личным местоимением в объектном падеже, либо инфинитивом.

Беспредложное дополнение, как правило, стоит в простом предложении после глагола в простой или сложной форме, а именно: либо непосредственно после него (например: *idrettslekene opptar mesteparten av dagen* (Fr.) 'спортивные игры занимают большую часть дня'), либо будучи отделено от него подлежащим (например: *under etterforskningen fant politiet en hatt* (Fr.) 'при расследовании полиция нашла какую-то шляпу').

Беспредложное дополнение может стоять и на первом месте предложения. Такое беспредложное дополнение обычно имеет значение субъекта суждения и противопоставлено остальной части предложения как предикату суждения (ср. § 86, стр. 181). Например: *mig har det optatt ikke mindre* (G.) 'меня это занимало не меньше'. Однако вынесение беспредложного дополнения на первое место предложения возможно только, если либо подлежащее, либо само это дополнение выражены личным местоимением в соответствующем падеже (субъектном в случае подлежащего и объектном в случае дополнения). Если бы этих условий в предложении не было, беспредложное дополнение, вынесенное на первое место в предложении, было бы неотличимо от подлежащего. Например: **mannen opptok det ikke mindre*.

В редких случаях беспредложное дополнение стоит между собственно-глагольной формой и именной частью глагольного сказуемого. Например: *jeg har absolut ingen forrådt* (B.) 'я совершенно никого не предал'; *forretningens innehaver... hadde ingen ting hørt* (Fr.) 'владелец предприятия... ничего не слышал'.

Беспредложное дополнение в норвежском языке, т. е. языке, в котором все беспредложные дополнения стоят в одном падеже, отнюдь не тождественно прямому дополнению в русском или древнорвежском языках, т. е. языках, в которых беспредложное дополнение может стоять в разных падежах. Поэтому термин «прямое дополнение» совершенно неуместен в применении к норвежскому беспредложному дополнению. Нечто сходное с русским или древнорвежским прямым дополнением возможно в норвежском языке только в случае двух беспредложных дополнений (см. § 102).

Беспредложное дополнение в основном характерно для глагола. При прилагательном оно встречается редко, причем обычно бывает выражено личным местоимением. Например: *for du er mig så kjær!* (Bo.) 'ведь ты мне так дорог!'; *det er mig knekkende likegyldig* (G.) 'это мне совершенно безразлично';

han var blitt sig sine krefter bevisst (G.) 'он стал сознавать свои силы'; den er alene verd inngangspengene (Fr.) 'он один стоит входной платы'. Беспредложное дополнение встречается также при прилагательных redd 'боящийся чего-либо', mektig 'владеющий чем-либо', lei или kjed 'уставший от чего-либо', bekjent 'знакомый кому-либо', lik 'похожий на кого-либо', fri 'свободный от чего-либо', skyldig 'должный кому-либо', hull 'благо-склонный к кому-либо', и т. д.

Что касается предложного дополнения, то оно всегда связано с глаголом предлогом и образует вместе с ним предложное словосочетание (см. также § 80, где рассматривается различие в характере связи между членами предложного словосочетания в зависимости от того, какой второстепенный член предложения оно имеет в своем составе).

Предложное дополнение обычно занимает в простом предложении такое же место, как и беспредложное. Однако предложное дополнение, как правило, менее тесно связано с глаголом, чем беспредложное. Это сказывается, в частности, в том, что предложное дополнение гораздо чаще, чем беспредложное, занимает первое место в предложении, т. е. отрывается от глагола. В этом случае предлог остается при глаголе. Например: ham er du opkallt efter (B.) 'ты назван по нему'; mig behøver du ikke å hyle for (G.) 'тебе незачем лицемерить передо мной'.

Глагол может иметь при себе одновременно как предложное, так и беспредложное дополнение. В этом случае беспредложное дополнение предшествует предложному.

Для отношений между беспредложным дополнением и глаголом характерно, что нередко глагол вместе со своим беспредложным дополнением образуют фразеологическое единство. Например: å gjøre lykke 'иметь успех', å ta skade 'потерпеть ущерб', å ta feil 'ошибаться', å finne sted 'иметь место'. Такое глагольное фразеологическое единство часто в свою очередь требует предложного дополнения. Например: å ta hensyn til noe 'принимать что-либо в расчет'; å legge merke til noe 'обращать на что-либо внимание'; å gjøre mye av en 'носиться с кем-либо'; å ha bruk for noe 'нуждаться в чем-либо'; å gjøre krav på noe 'претендовать на что-либо'; å sette pris på noe 'ценить что-либо'; å få bukt med noe 'побороть что-либо'; å sende bud etter noen 'послать за кем-либо'.

Беспредложного дополнения может иногда требовать глагольное фразеологическое единство, состоящее из глагола и предложного дополнения к нему. Например: å ligge en i blodet 'быть у кого-либо в крови'; å gå en til hjerte 'трогать кого-

либо до глубины души'; å sette noe i kraft 'вводить что-либо в силу'.

Как предложного, так и беспредложного дополнения может требовать глагол с приглагольной частицей, причем приглагольная частица стоит в этом случае перед дополнением (а не после него, как в датском языке). Например: de vil gjøre op regnskapet (G.) 'они оплатят счет', politiet tok opp forklaring (Fr.) 'полиция приняла заявление'; jeg bærer over med Dem (G.) 'я отношусь к вам терпимо'.

Предложного дополнения нередко требует прилагательное. Например: full av ungdom 'полный молодежи'; rik på skog 'богатый лесом'; rød i ansiktet 'с красным лицом'; redd for ham 'боящийся его'; ferdig til å gå 'готовый идти'.

Глагол в страдательном залоге может иметь при себе предложное дополнение, выражающее производителя действия (см. § 57). Например: denslags framferd møtes av en samlet motstand fra de fagorganiserte arbeidere (Fr.) 'такого рода поведение встречает сплоченное сопротивление со стороны рабочих, организованных в профсоюзы'.

Дополнение, выраженное инфинитивом

§ 100. Особого рассмотрения требует беспредложное дополнение, выраженное инфинитивом, поскольку в отношении этого дополнения нет единства мнения.

Некоторые утверждают, что инфинитив вообще не может быть дополнением в силу того, что он не имеет отчетливого грамматического значения существительного, т. е. не является существительным в собственном смысле слова. Это утверждение, очевидно, основано на непризнании того, что член предложения, в противоположность части речи, имеет своей спецификой не определенное грамматическое значение, присущее ему, как слову, а определенное грамматическое отношение к другим словам в предложении (ср. § 86), т. е. на непризнании того, что член предложения это не то же, что часть речи. Это утверждение, таким образом, явно несостоятельно.

Другие утверждают, что хотя инфинитив вообще может быть дополнением при глаголе, он является не дополнением, а «частью сказуемого» в тех случаях, когда он образует с глаголом особенно тесное единство, а именно в так называемом модальном обороте, т. е. сочетании инфинитива с модальным глаголом. Как будет показано ниже, несостоятельно и это утверждение, хотя не подлежит сомнению тот факт, что модальный глагол

может образовывать в сочетании с инфинитивом очень тесное единство.

Глагол в модальном обороте выражает не действие, а отношение к действию. В силу этого все сочетание в целом имеет значение не действия по отношению к другому действию, а просто отношения к действию, т. е. его необходимость, желательность, возможность и т. д. Обычно модальный глагол вне модального оборота не употребляется или не имеет того значения, которое он имеет в модальном обороте. Это способствует тесному смысловому объединению элементов сочетания. Инфинитивная частица в модальном обороте, как правило, опускается (ср. § 68). Это обеспечивает более тесное примыкание инфинитива к глаголу и является внешним проявлением смыслового объединения элементов сочетания.

В норвежском языке модальные обороты такого рода образуются с модальными глаголами *skulle* 'долженствовать', *ville* 'хотеть', *få* 'долженствовать', 'мочь', *måtte* 'мочь', 'долженствовать', *burde* 'долженствовать', *kunne* 'мочь', *torde* 'смечь'.¹

¹ Оттенки модальных значений, выражаемых этими глаголами, описываются в словарях. Вкратце они сводятся к следующему.

Модальный глагол *skulle* выражает долженствование вследствие естественного хода вещей, приказа, морального долга или целесообразности. Например: *problemet skulle nå løses* 'предстояло решение проблемы'; *du skal sitte rolig* 'ты должен сидеть смирно'; *skal jeg lese?* 'читать мне?'; *det skal du ikke bry deg om* 'не беспокойся об этом'; *du skulle ikke ha gjort det* 'тебе не следовало делать этого'.

Глагол *skulle* может употребляться в значении, обычно свойственном всему обороту, и без инфинитива. Например: *hun skulle hjem* 'ей надо было идти домой'; *hva skal jeg med det?* 'что я должен делать с этим?';

Модальный глагол *ville* выражает желание или намерение. Например: *hva vil De si med det?* 'что вы хотите этим сказать?'; *jeg vil ikke gå* 'я не хочу идти'; *jeg vil gjerne gjøre det* 'я охотно сделаю это'; *jeg ville gjerne gjøre det* 'я бы хотел сделать это'.

Глагол *ville* употребляется и без инфинитива. Например: *hva ville han her?* 'что ему надо было здесь?';

Модальный глагол *få* выражает долженствование вследствие необходимости или объективную возможность. Например: *du får bli hjemme* 'тебе придется остаться дома'; *det får være så* 'ничего не поделаешь'; *vi får sende bud etter legen* 'надо послать за доктором'; *jeg får ikke sove* 'я не могу уснуть'; *jeg får aldri snakke med deg* 'я никогда не могу поговорить с тобой'; *det fikk hun tåle* 'ей пришлось терпеть это'.

Глагол *få* может употребляться в значении, обычно свойственном всему обороту, и без инфинитива (например: *jeg får ut* 'мне нужно уйти из дома'); а также в немодальном значении. Например: *jeg har fått nye bøker* 'я получил новые книги'. Ср. также стр. 204 и § 104, пункт 3, а также §§ 52 и 54.

Модальный глагол в составе такого оборота может в той или иной степени терять свое лексическое значение, и тогда все сочетание приближается по своему значению к морфологическому словосочетанию (см. § 3, стр. 21). Характерно, что некоторые формы глагола (будущее I, см. § 51, будущее II, см. § 52, будущее в прошедшем I, см. § 53, сослагательное наклонение, см. § 65) произошли именно из таких модальных оборотов. В некоторых случаях ограничения модального оборота от глагольной формы представляет значительные трудности.

Эта тенденция модального оборота к сближению с морфологическим словосочетанием, т. е. к грамматизации, заставляет некоторых грамматистов относить его рассмотрение в морфологию, а именно в тот ее раздел, в котором рассматривается наклонение, — глагольная категория, наиболее близкая по своему значению к модальному обороту. Однако в той мере, в какой

Модальный глагол *måtte* выражает долженствование вследствие необходимости или целесообразности или объективную возможность. Например: *det endte som det måtte ende* 'это кончилось, как и должно было кончиться'; *jeg må gå* 'мне надо идти'; *De må vite at...* 'вы, конечно, знаете, что...'; *han måtte ha gjort det straks han var kommet* 'он, вероятно, сделал это, как только пришел'; *da de så på hinannen, måtte de begge le* 'когда они взглянули друг на друга, они не могли не рассмеяться'; *må jeg komme inn?* 'можно мне войти?'; *må jeg røyke her?* 'можно мне курить здесь?'; *måtte han komme!* 'хоть бы он пришел!'

Глагол *måtte* может употребляться в значении, обычно свойственном всему обороту, и без инфинитива. Например: *jeg må til byen* 'мне надо в город'.

Модальный глагол *burde* выражает долженствование вследствие морального долга или целесообразности. Например: *du bør hjelpe henne* 'ты должен помочь ей'; *du burde ha vært for henne som en far* 'ты должен бы относиться к ней как отец'; *De bør ikke gå ut i dag* 'вам не следует выходить сегодня'; *han burde ha lagt seg for lenge siden* 'ему давно следовало лечь'.

Модальный глагол *kunne* выражает объективную или субъективную возможность. Например: *kan jeg komme inn?* 'можно мне войти?'; *det kan godt være* 'это вполне возможно'; *hun kunne sitte så hele dagen* 'она могла сидеть так целый день'; *han kunne ha hylt av fortvilelse* 'он чуть не вылетел от отчаяния'; *han kunne vel være 10 år gammel* 'ему, вероятно, было 10 лет'.

Глагол *kunne* употребляется и в немодальном значении. Например: *han kan tysk* 'он знает немецкий'.

Модальный глагол *torde* выражает возможность вследствие смелости или объективную возможность. Например: *jeg tør ikke gå der* 'я не смею идти туда'; *tør jeg spørre?* 'позвольте спросить?'; *det tør hende at...* 'возможно, что...'; *saken torde forholde seg annerledes* 'возможно, что дело обстоит иначе'.

модальный глагол все же сохраняет, хотя в некоторых случаях и не полностью, свое лексическое значение, т. е. является глаголом **з н а м е н а т е л ь н ы м** (или в некоторых случаях «полузнаменательным»), теоретически все же правильное рассматривать модальный оборот в синтаксисе, а не в морфологии. Тенденция знаменательного слова к грамматизации не есть грамматизованность в собственном смысле.

Если считать, что инфинитив в составе модального оборота не является дополнением, т. е. членом предложения, поскольку он образует с модальным глаголом некоторое смысловое единство, то тогда последовательно было бы пойти еще дальше (как некоторые и делают), а именно считать, что не является дополнением и инфинитив при любом глаголе, выражающем отношение к действию. Ведь любой такой глагол в сочетании с инфинитивом образует смысловое единство, выражающее не действие по отношению к другому действию, а просто отношение к действию, независимо от того, употребляется ли он вне такого сочетания и опускается ли при этом инфинитивная частица. В норвежском языке тогда пришлось бы считать «частью сказуемого» инфинитив при таких глаголах, как *orke* 'быть в состоянии', *våge* 'сметь', *ønske* 'желать', *like* 'любить', *prøve* 'пытаться', *akte* 'намереваться', *tenke* 'намереваться', *unne* 'позволять' и т. д. Многие из этих глаголов употребляются и с дополнением, выраженным существительным. Сравни *han liker å lese* 'он любит читать' и *han liker lesning* 'он любит чтение' и т. д. При многих из этих глаголов инфинитивная частица может опускаться, хотя чаще не опускается (ср. § 68).

Но границы того, что является «частью сказуемого», а что — дополнением, становятся тогда совершенно расплывчатыми.

С другой стороны, тесное смысловое единство образует в некоторых случаях сочетание глагола видового значения (т. е. глагола, выражающего характер протекания действия, или его фазу) с инфинитивом. Из таких видовых оборотов наиболее близким к морфологическому словосочетанию является, пожалуй, сочетание глагола *få* с инфинитивом (без частицы *å*) некоторых глаголов восприятия, а именно глаголов *se* 'видеть', *høre* 'слышать', *vite* 'знать'. Глагол *få* в этом обороте потерял свое лексическое значение, и весь оборот в целом обозначает завершенность восприятия, его осуществление. Например: *der kom Risen ud og fik se dem* (A.) 'вышел великан и увидел их'; *du skal få se det* (I.) 'ты увидишь это'; *har De fått se på det som jeg har gjort?* (G.) 'видели ли вы, что я сделал?'; *og så*

fik jeg vide sandheden (I.) 'тогда я узнал правду'. Пресенс этого оборота обычно имеет значение завершенного восприятия в будущем. Например: *vi får se 'увидим'; så får De høre at... 'вы услышите, что...'; det får jeg vite, når han kommer 'я узнаю это, когда он придет'. Нередко этот видовой оборот сочетается с модальным. Например: *bedstefar må ikke få høre noget om det* (I.) 'дедушка не должен слышать что-либо об этом'.*

Повидимому, совсем не грамматизован, хотя и обладает большим лексическим охватом, другой оборот этого типа, а именно сочетание глагола *holde på* (или *holde på med*) с инфинитивом. Оборот этот имеет значение действия, длящегося в данный момент или находящегося в процессе своего осуществления. Например: *han holdt i det samme på at drikke af et ølglass* (Bo.) 'как раз в это время он пил из пивного бокала'; *for tiden holder en på å bygge ferdig store kraftverk* (Fr.) 'в настоящее время как раз заканчивается строительство больших электростанций'. У глаголов, выражающих предельное действие, этот оборот имеет значение непосредственной близости действия к осуществлению. Например: *hestene holdt på å stupe i middagssolen* (G.) 'лошади чуть не падали на полуденном солнце'; *hans bataljon holder på å utslettes* (G.) 'его батальон почти уничтожен'. Характерно, что глагол *holde på* употребляется и вне этого оборота в сходном значении. Например: *dette holdt de på med en lang stund* 'они продолжали это долгое время'; *ikke ganske gjort den endnu; men jeg holder på med det* (I.) 'еще не сделал его; но как раз занимаюсь им'. Характерно также, что, в противоположность инфинитивам в сочетаниях, образующих более тесное смысловое единство, в этом обороте инфинитив всегда имеет при себе частицу *å*.¹

Безусловно совсем не грамматизованными видовыми оборотами являются сочетания глаголов *pleie* 'иметь обыкновение', *bli ved* 'продолжать', *holde opp* 'прекращать', *begynne* 'начинать' и т. д. с инфинитивом. Например: *på denne tid pleier han være hos økonomen* (Bo.) 'в это время он обычно бывает у эконома'; *han pleier ikke å gi sig så lett* (Bo.) 'он обычно не так легко сдается'. Многие из глаголов видового значения могут иметь при себе и дополнение, выраженное существительным.

¹ Иногда эта частица заменяется созвучным с ней союзом *og*, и тогда инфинитив заменяется собственнo-глагольной формой (ср. § 68, стр. 133). Например: *barna holder på og leker* (вместо *å leke*) 'дети как раз сейчас играют'.

Сравни *han begynte å tale* 'он начал говорить' и *han begynte sin tale* 'он начал свою речь'.

Очевидно, что и в отношении видовых оборотов невозможно в некоторых из них считать инфинитив «частью сказуемого», а в других — дополнением: видовое значение свойственно всем этим оборотам, степень же объединения их элементов в смысловое единство очень различна.

Очевидно также, что всякое признание инфинитива при глаголе «частью сказуемого» основано на переоценке роли собственного значения слова при определении его роли в предложении. Дело в том, что глагол всегда образует некоторое смысловое единство со своим дополнением, хотя бы уже потому, что он может вместе с дополнением выражать то, что говорится о подлежащем, т. е. предикат суждения (откуда, конечно, отнюдь не следует, что дополнение является частью сказуемого, ср. § 86, стр. 180). Не случайно глагол часто образует вместе со своим дополнением фразеологическое единство (ср. § 99, стр. 200). Но смысловое объединение глагола с дополнением может быть очень различной степени. Очень различной степени может быть и смысловое объединение глагола с инфинитивом. Тем не менее по своей грамматической природе отношение между элементами этого единства остается тем же, а именно оно остается отношением слова, грамматически зависящего от глагола, к этому глаголу. Это, в частности, проявляется в том, что место приглагольного инфинитива всегда остается тем же, что и место дополнения, выраженного существительным.

Таким образом, приглагольный инфинитив следует считать дополнением во всех случаях (кроме, конечно, тех случаев, где он обстоятельство и где грамматическая природа его связи с глаголом действительно иная, см. § 105, или тех случаев, где он часть сложной глагольной формы, см. §§ 51—53 и 65).

Формальное дополнение

§ 101. В некоторых идиоматических выражениях в качестве беспредложного дополнения выступает лишнее лексического значения служебное слово *det* (см. § 39, стр. 96), которое в таком случае называется «формальным» дополнением. Например: *å mene det godt* 'иметь хорошие намерения', *å ha det godt* 'хорошо поживать', *å ha det vondt* 'плохо поживать', *å ta det med ro* 'не волноваться', *å gjøre det av med en* 'порвать с кем-либо', *å ha det travelt* 'быть занятым'.

Прямое и косвенное дополнения

§ 102. Если при глаголе есть два беспредложных дополнения, выраженных существительными, то одно из них (называемое «косвенным») менее тесно связано с глаголом, чем другое (называемое «прямым»). Обычно оба эти дополнения стоят после глагола, причем косвенное дополнение стоит перед прямым. Например: *Kongen gav da de seks de gildeste Klæder* (A.) 'тогда король дал этим шести великолепнейшие платья'; *det har gitt mig dig* (G.) 'оно дало мне тебя'. Если прямое дополнение занимает первое место в предложении или стоит между собственно-глагольной формой и именной частью глагольного сказуемого, то косвенное стоит после глагольного сказуемого. Например: *ingenting ondt har du gjort mig* (G.) 'ничего плохого ты мне не сделала'; *han har intet gjort mig* (Bo.) 'он мне ничего не сделал'. В редких случаях косвенное дополнение занимает первое место в предложении, причем только если оно само либо подлежащее выражено личным местоимением в соответствующем падеже (косвенное дополнение — объектным, подлежащее — субъектным). Например: *gutten gav jeg en bok* (W.) 'я дал книгу мальчику'. Иногда косвенное дополнение, выраженное личным местоимением первого или второго лица, по смыслу совсем не связано с глаголом. Например: *kom gut! og drik dig et Glas!* (K.) 'ну-ка, парень! выпей рюмку!'.

По характеру своей связи с глаголом косвенным дополнением следует считать также дополнение при именном сказуемом. Например: *vilde den nu også bli hende en virkelig søn?* (Bo.) 'будет ли он ей тоже настоящим сыном?'.

Что косвенное дополнение меньше связано с глаголом, чем прямое, видно из следующего.

1. Прямое дополнение в случае устранения косвенного всегда сохраняет свое значение, тогда как косвенное дополнение в случае устранения прямого часто не сохраняет своего значения. Так, например, если в предложении *kongen ga da de seks de gildeste klær* 'тогда король дал этим шестерым великолепнейшие платья' откинуть прямое дополнение, получится **kongen ga da de seks* 'тогда король дал эти шесть'.

2. Косвенное дополнение, как правило, равнозначно предложному дополнению с *til* или реже с *for*: *kongen ga da de seks de gildeste klær* = *kongen ga da de gildeste klær til de seks*. Однако во многих случаях косвенное дополнение менее характерно для разговорного языка, чем равнозначное ему предложное дополнение (например, при именном сказуемом).

3. Косвенное дополнение более ограничено в своем лексическом выражении, более зависит от него, чем прямое: словом, выражающим косвенное дополнение, обычно бывает обозначение лица (всего чаще — личное местоимение в объектном падеже). В тех редких случаях, когда существительным, выражающим косвенное дополнение, является не обозначение лица, это существительное обычно имеет при себе определенный артикль.

Сложное дополнение

§ 103. Если глагол имеет два дополнения (предложное и беспредложное, два предложных или два беспредложных), то каждое из таких дополнений связано с глаголом по отдельности и оба дополнения вместе не образуют грамматического единства, к которому глагол относился бы как к целому. Возможен, однако, и такой случай, когда два элемента, находящиеся между собой в предикативной связи (см. § 85), образуют грамматическое единство, которое как целое является дополнением при глаголе. Такое дополнение называется «сложным». Его следует отличать от сочетания дополнения с предикативным членом дополнения (см. § 104). Элементы сложного дополнения, находящиеся в предикативной связи, можно назвать его «подлежащим» и «сказуемым». Подлежащее сложного дополнения — всегда существительное в общем падеже или личное местоимение в объектном падеже. Сказуемое сложного дополнения — это либо инфинитив (сложное дополнение с таким сказуемым можно назвать «инфинитивным»), либо прилагательное или реже существительное в общем падеже (сложное дополнение с таким сказуемым можно назвать «именным»).

1. Инфинитивное сложное дополнение возможно в следующих случаях.

а) При глаголах восприятия. Например: *jeg kan bare sitte og se barnet gli fra mig* (G.) 'я могу только сидеть и смотреть как ребенок ускользает от меня'; *jeg hørte noen av ingeniørene snakke sammen* (G.) 'я слышал, как некоторые инженеры разговаривали между собой'; *hun kjænte ham stryke hennes hår med den ene hånd* (B.) 'она чувствовала, что он гладит ее волосы одной рукой'.

Иногда в сложном дополнении при глаголе восприятия подлежащее отсутствует. Например: *eller kanskje du ikke har hørt tale om opfindelsen?* (I.) 'может быть ты не слышал, что говорят об изобретении?'. В этом случае дополнение при инфинитиве может стоять на месте подлежащего сложного дополнения.

Например: *jeg hadde hørt hovedbygningen omtale som en av de største træbygninger i Norge* (B.) 'я слышал, что о главном здании говорили как о самом большом деревянном здании в Норвегии'.

Встречается также соответствующая конструкция с глаголом в страдательном залоге и инфинитивом. Подлежащее инфинитивного сложного дополнения становится в этом случае подлежащим всего предложения, а глагол в страдательном залоге образует с инфинитивом особое глагольно-именное сказуемое. Например: *det uhyggelige jordskjelvet ventes å ha krevet over tusen menneskeliv* (Fr.) 'предполагается, что ужасное землетрясение стоило свыше тысячи человеческих жизней'. Такая конструкция встречается в основном в книжном языке.

б) Иногда также при глаголах высказывания, глаголах мысли и некоторых других. Например: *han siger sig at have sovet i tre år i en hule hinsides Jordan* (I.) 'он говорит, что спал три года в пещере по ту сторону Иордана'.

От инфинитивного сложного дополнения следует отличать простое дополнение того же состава, но совершенно другой грамматической структуры. Так, в предложении *dette her har ikke noget med øjnene at skaffe* (I.) 'это не имеет никакого отношения к глазам' дополнение тоже состоит из существительного (*noget*) и инфинитива (*at skaffe med øjnene*). Однако инфинитив в нем — определение при местоименном существительном *noget*, которым и управляет глагол.

От инфинитивного сложного дополнения следует также отличать двойное беспредложное дополнение с вторым дополнением, выраженным инфинитивом. Такое двойное дополнение встречается при глаголах волеизъявления. Например: *jeg vil be bedstefar skyde vildanden for mig* (I.) 'я попрошу дедушку застрелить мне дикую утку'; *vi vil be dig respektere det* (G.) 'мы попросим тебя уважать это'; *kommandere lar jeg mig ikke* (B.) 'я не позволю собой командовать'; *la ingeniør Eriksen komme inn* (G.) 'пусть инженер Эриксен войдет'.

При глаголе *la* второе дополнение (т. е. инфинитив) теснее связано с этим глаголом, чем первое. Поэтому первое дополнение в этом случае является как бы дополнением к сочетанию глагола *la* с инфинитивом как к целому. Первое дополнение в этом случае может и совсем отсутствовать. Например: *Sivert lar høre en lav fnisen* (G.) 'Сиверт тихо хихикает'.

2. Именное сложное дополнение встречается иногда при глаголах мысли, восприятия, желания и некоторых других. Например: *Edvard begyndte at tro alting muligt* (B.) 'Эдвард

начал думать, что все возможно'; *hun så det sygt og ingen som passede det* (Bo.) 'она видела, что он болен и что некому смотреть за ним'; *jeg kjendte mig så uværdig til at se dig i øinene mer* (Bo.) 'я чувствовала себя такой недостойной смотреть тебе в глаза'; *det var da han våknet en morgen og fant sig berømt* (G.) 'это тогда он проснулся однажды утром и увидел, что он знаменит'; *han føler sig kvalm og elendig* (G.) 'он чувствует, что его тошнит и что он несчастен'; *vi krever krigsproduksjonen stanset* (Fr.) 'мы требуем, чтобы военное производство было прекращено'.

В книжном языке встречается соответствующая конструкция с глаголом в страдательном залоге и причастием вторым. Подлежащее сложного дополнения в этом случае становится подлежащим всего предложения. Например: *kirken var ny, og var forsøkt opbygd i den gamle norske trækirkestil* (B.) 'церковь была новая, и ее пытались выстроить в стиле старых норвежских деревянных церквей'; *i bystyret kan denne store sak ventes behandlet en gang i løpet av høsten* (Fr.) 'можно предполагать, что это большое дело будет рассмотрено в городском управлении когда-нибудь в течение осени'; *arbeidet med utvidning av skolegårdsplassene søkes påskyndet* (Fr.) 'принимаются меры к ускорению работы по расширению школьных дворов'.

Когда сказуемое сложного дополнения выражено существительным, оно обычно вводится союзом *som*. Например: *hun betrakter ekteskapet som en utlevd institusjon* (G.) 'она считает брак отжившим институтом'; *hun så sig som ung, uskyldig pige* (Bo.) 'она видела себя молодой, невинной девушкой'.

Сказуемое сложного дополнения может быть и предложным оборотом. Например: *jeg anser det for mulig* 'я считаю это возможным'.

Предикативный член дополнения

§ 104. Нередко в предложении, наряду с глаголом в функции сказуемого и дополнением к нему, есть еще член, связанный и с глаголом и с дополнением. Например: *i en sådan stund havde Hjalmar Ekdal pistolen rettet mod sit eget bryst* (I.) 'в такой час пистолет был направлен в грудь Ялмара Экдаля'. Этот член называют предикативным членом дополнения. От сказуемого сложного дополнения (см. § 103) этот член отличается тем, что он не входит в состав дополнения и связан с ним не непосредственно, а через посредство глагола. Поскольку, вместе с тем, при наличии этого члена дополнение обычно зависит не от глагола самого по себе, а от сочетания глагола с этим

членом, которое в ряде случаев бывает устойчивым, этот член как бы восполняет сказуемое.

Предикативный член дополнения обычно стоит после дополнения. В случае наиболее тесного смыслового слияния сказуемого с предикативным членом дополнения (см. пункт 3 ниже) оно может стоять и перед дополнением.

Предикативный член дополнения встречается в следующих случаях.

1. При глаголах типа *bringe* 'приносить', *finne* 'находить', *la* 'оставлять', *kjøpe* 'покупать' и т. п., т. е. глаголах, обозначающих действие, не вызывающее каких-либо изменений в своем объекте. Предикативный член дополнения в этом случае обычно выражен прилагательным или причастием. Например: *hans menn brakte ham døende over på et fransk hospitalskip* (G.) 'его люди принесли его умирающим на французское госпитальное судно'.

При глаголе в страдательном залоге такой предикативный член дополнения превращается в предикативный член глагольно-именного сказуемого. Например: *hun ble funnet livløs* (Fr.) 'она была найдена мертвой'.

2. При глаголе *ha* 'иметь'. Предикативный член дополнения в этом случае выражен причастием, реже прилагательным. Например: *de havde hvid Dug bredt mellem sig* (K.) 'между ними была расстелена белая скатерть'; *jeg har formeget ugjort* (I.) 'у меня слишком много еще не сделано'.

Сочетание глагола с таким предикативным членом дополнения может обозначать действие, производитель которого не выражен подлежащим. Именно из сочетания глагола с таким предикативным членом дополнения произошли перфект и плюсквамперфект, которые и сейчас отличаются внешне от такого сочетания только порядком слов. Сравни *han har barnet gjemt* (Bo.) (глагольное сказуемое + предикативный член дополнения) 'у него спрятан ребенок' и *han har gjemt barnet* (перфект) 'он спрятал ребенка'.

3. При глаголе *få* 'получать'. Предикативный член дополнения в этих случаях выражен причастием, реже прилагательным. Например: *hun havde faat disse Mennesker kjær* (L.) 'она полюбила этих людей'; *hun hadde fått ham hatefull* (G.) 'она возненавидела его'.

Особенно употребительно сочетание глагола *få* с причастием II переходного предельного глагола. Глагол *få* в таком сочетании обычно в какой-то степени теряет свое лексическое значение, и все сочетание в целом имеет значение действия, имеющего

своим результатом определенное состояние его объекта, т. е. является видовым оборотом. Например: *men far og bedstefar får lånt den så tidt de vil* (I.) 'но отец и дедушка берут ее, когда только им захочется'; *i mange tilfelle har vi i de senere årene fått gjennomført norske a-former i stedsnavn* (S.) 'во многих случаях мы в последние годы провели норвежские формы на -а в географических названиях'; *Robins fikk ham trukket inn på kontoret* (G.) 'Робинс затащил его в контору'; *på andre måter hadde hun fått reist et par hundre til* (G.) 'другими способами она добыла еще пару сотен'.

Сочетание глагола *få* с причастием II вообще близко морфологическому словосочетанию (см. § 3, стр. 21). В некоторых же случаях оно и является морфологическим словосочетанием, а именно будущим II (см. § 52) или будущим в прошедшем II (см. § 54).

Сочетание глагола *få* с причастием II переходного предельного глагола может обозначать действие, производитель которого не выражен подлежащим. Например: *jeg har fått dem skrevet av* (G.) 'мне их списали'; *en lastebil med tilhenger endte i en kornåker og fikk tilhengeren knust* (Fr.) 'грузовик с прицепом очутился в засеянном поле, и его прицеп разбился'.

4. При глаголе *gjøre* 'делать'. Предикативный член дополнения в этом случае выражен прилагательным или причастием. Например: *nu har du gjort os ulykkelige begge to* (A.) 'теперь ты сделала несчастными нас обоих'; *jeg skal gjøre denne byen utdødd* (G.) 'я сделаю этот город вымершим'.

Такое сочетание обычно имеет значение действия, имеющего своим результатом определенное состояние своего объекта, причем глагол *gjøre* нередко образует с предикативным членом дополнения устойчивое словосочетание. Например: *gjøre mulig* 'делать возможным', *gjøre gal* 'сводить с ума', *gjøre gjeldende* 'выдвигать'.

5. При глаголах, обозначающих любое действие, посредством которого его объект приводится в то или иное состояние. Предикативный член дополнения в этом случае бывает выражен прилагательным, причастием, наречием или предложным оборотом. В сочетании такого рода нередко входит глагол, который вне данного сочетания не является переходным. Например: *sovjetkunstnere spilte og danset seg rett inn i den store publikumsmassens hjerter* (Fr.) 'своей игрой, пением и танцами советские артисты проникли в сердца широких масс публики'; *han tier Anton til å gå* (G.) 'своим молчанием он заставляет Антона уйти'.

6. При глаголе *kalle* 'называть'. Предикативный член дополнения в этом случае выражен существительным или прилагательным. Например: *det kaller man fremskridt* (B.) 'это называют прогрессом'.

Обстоятельство

§ 105. Обстоятельство следует, повидимому, определить как член предложения или словосочетания, который связан с глаголом или прилагательным, но грамматически не зависит от них, т. е. связан с ним значительно слабее, чем дополнение (ср. также §§ 78, 80, 86 и 98). То, что обстоятельство не зависит от глагола или прилагательного, т. е. связано с ними значительно слабее, чем дополнение, сказывается, в частности, в том, что грамматическая природа обстоятельства обычно понятна и вне связи с глаголом, к которому оно относится, тогда как грамматическая природа дополнения обычно непонятна вне связи с управляющим им словом. Так, в предложении *sæt dig nu bort til bordet og læs på den seddelen* (I.) 'сядь-ка там к столу и почитай эту записку' обстоятельственное значение сочетания *bort til bordet* 'к столу' понятно и вне данного предложения, тогда как значение дополнения в сочетании *på den seddelen* вне данного предложения непонятно ('на записку?', 'на записке?', 'записку?', 'по записке?' и т. д.).

Меньшая связь обстоятельства с глаголом по сравнению с дополнением сказывается также в том, что в случае, если при глаголе есть и дополнение и обстоятельство, это последнее может относиться не к глаголу самому по себе, но к сочетанию глагола с дополнением или ко всему предложению. Так, в предложении *i går overleverte utenriksdepartementet en note til Sovjetunionens ambassadør* (Fr.) 'вчера министерство иностранных дел вручило ноту советскому послу' обстоятельство *i går* относится не к глаголу *overleverte* самому по себе, а к его сочетанию с дополнениями *en note* и *til Sovjetunionens ambassadør*.

В грамматиках обычно разделяют обстоятельства на несколько групп в зависимости от лексического значения слов, которыми выражено обстоятельство (обстоятельства места, времени, образа действия и т. д.). Такая классификация обстоятельств, однако, дает очень мало для понимания грамматической природы обстоятельства: лексические различия только иногда или непоследовательно связаны с различием в грамматическом составе обстоятельства, его местом в предложении или его синтаксическими связями.

Выражение обстоятельства

§ 106. Обстоятельство всего чаще бывает выражено либо наречием (например: *omsider legger Narvik kniv og gaffel* (G.) 'наконец Нарвик кладет нож и вилку'; подробнее о наречии см. §§ 74—77), либо предложным оборотом (например: *i vold-somt tempo øker utbyggingen av innenlands vannveier i Sovjetunionen* (Fr.) 'быстрыми темпами растет строительство внутренних водных путей в Советском Союзе'; подробнее о предложном обороте см. §§ 79—81), причем такое обстоятельство может выражать самые разнообразные отношения (пространственные, временные, модальные, причинные и т. д.). Обстоятельство при прилагательном всегда бывает выражено либо наречием, либо предложным оборотом.

Обстоятельство, выражающее пространственные или временные отношения, может быть выражено также сочетанием существительного в общем падеже с его определением (например: *andre steder* 'в других местах', *enkelte steder* 'кое-где', *mange dager* 'много дней', *hele dagen* 'целый день', *halve natten* 'половину ночи', *en times tid* 'в течение часа', *natt til onsdag* 'в ночь на среду'); сочетанием существительного в общем падеже с наречием (например: *i fjor vår* 'прошлой весной', *skogen opp* 'вверх по лесу'); сочетанием двух существительных в общем падеже, соединенных союзом или предлогом (например: *dag og natt* 'день и ночь', *time etter time* 'час за часом'); сложным словом, образованным из двух существительных, в общем падеже (например: *fredag kveld* 'в пятницу вечером', *onsdag formiddag* 'в среду до полудня'); существительным в общем падеже с неопределенным артиклем (например: *en dag* 'однажды', *en natt* 'однажды ночью', *en stund* 'некоторое время').

Существительное в общем падеже без определения и без неопределенного артикля может быть обстоятельством только в том случае, если оно является названием дня недели. Например: *mandag kom endelig sommeren til Europa* (Fr.) 'в понедельник лето наконец пришло в Европу'; *lørdag hadde brannvesenet i alt 11 utrykninger* (Fr.) 'в субботу пожарные команды вызывались в общей сложности 11 раз'.

Раньше в функции обстоятельства употреблялось иногда существительное в родительном падеже. Например: *tidlig dags* 'рано утром', *sommerdags* 'в летний день'. Однако, с точки зрения современного языка, -s в этих случаях скорее суффикс наречия, чем окончание родительного падежа.

Впрочем, выступая в функции обстоятельства (само по себе или в сочетании с другими словами), существительное всегда в большей или меньшей мере теряет свое грамматическое значение существительного. Характерно, в частности, что, выступая само по себе в функции обстоятельства, существительное никогда не имеет при себе определенного артикля.

Обстоятельство, выражающее целевые отношения, бывает иногда выражено инфинитивом (чаще, однако, сочетанием предлога с инфинитивом, т. е. предложным оборотом, см. выше). Например: *han... satte sig hen at læse* (B.) 'он сел читать'.

Таким образом, обстоятельство значительно отличается от дополнения и по выражению. Для наречия функция дополнения невозможна, тогда как функция обстоятельства для него обычна. Для существительного в общем падеже функция дополнения обычна, тогда как функция обстоятельства для него возможна в единичных случаях и притом с большей или меньшей потерей значения существительного. Также и для инфинитива функция дополнения гораздо более обычна, чем функция обстоятельства. Только для предложного оборота одинаково обычна как функция дополнения, так и функция обстоятельства. Именно в этом случае поэтому особенно важное значение приобретает различие в характере связи глагола с предложным оборотом (см. § 80, стр. 158 сл.).

Место обстоятельства

§ 107. Поскольку обстоятельство слабее связано с глаголом, чем дополнение, оно и менее устойчиво в отношении своего места в предложении, чем дополнение. Можно даже сказать, что из всех членов предложения обстоятельство наименее устойчиво в отношении своего места в предложении. В зависимости от своей формы и значения, а также от состава предложения и ритмических условий в нем, обстоятельство может занимать очень различные места в предложении.

Обстоятельство может стоять непосредственно после сказуемого. Например: *lampen slingrer frem og tilbake* (G.) 'лампа качается вперед и назад'.

В случае сказуемого, выраженного сложной глагольной формой, обстоятельство может стоять либо между собственно-глагольной и именной формой (так обычно стоят обстоятельства, выраженные наречиями модального или временного значения, например: *jeg har jo aldrig sådan egentlig været gift* (I.) 'я ведь собственно никогда

не был женат'), либо после всего сказуемого (так обычно стоят прочие обстоятельства, например: *trafikken har pågått i tre år* (Fr.) 'торговля продолжалась в течение трех лет').

В случае сказуемого, выраженного простой глагольной формой, обстоятельство, выраженное модальным наречием, может стоять между подлежащим и сказуемым. Например: *han bare så på henne* 'он только смотрел на нее'.

Очень часто обстоятельство стоит на первом месте предложения, непосредственно перед сказуемым, причем, в отличие от дополнения, обстоятельство в таком положении не обязательно является выделенным (ср. § 99). Например: *idag leker jeg blindebukk med mig selv* (G.) 'сегодня я играю в жмурки сама с собой'; *på badestrendene har det vært målt opptil 30 grader i skyggen* (Fr.) 'на пляжах температура достигала 30 градусов в тени'.

Если при глаголе есть беспредложное или предложное дополнение, обстоятельство может в зависимости от ритмических условий стоять либо перед дополнением (например: *den internasjonale domstolen i Haag avviste tirsdag det amerikanske standpunktet* (Fr.) 'международный суд в Гааге отклонил во вторник американскую точку зрения'), либо после дополнения (например: *jeg har ført hus i over firte år* (G.) 'я вела хозяйство более сорока лет').

От ритмических условий зависит обычно и положение различных обстоятельств относительно друг друга. Однако обстоятельство, обозначающее место проявления действия, обычно предшествует обстоятельству, обозначающему время проявления действия (если только последнее не выделено особым ударением). Например: *Nordlandsekspressen gikk av sporet ved Grong stasjon fredag kveld* (Fr.) 'нурланнский экспресс сошел с рельс у станции Гронг в пятницу вечером'.

Определение

§ 108. Определение — это, повидимому, член предложения или словосочетания, который грамматически зависит от существительного (ср. также §§ 78 и 86). Вместе с существительным, от которого оно зависит, определение образует синтаксическое единство, называемое группой существительного. Определение обычно примыкает к своему определяемому и входит с ним в одно фонетическое единство (синтагму). Поэтому

считается, что определяемое вместе со своим определением занимает одно место в предложении.

Грамматические свойства определения остаются теми же, каким бы членом предложения не выступало определяемое им существительное. Но в зависимости от того, как выражено определение, его грамматические свойства различны.

Определение — прилагательное

§ 109. Определение может быть выражено прилагательным (в том числе местоименным прилагательным, числительным прилагательным и адъективированным причастием). Прилагательное в функции определения согласуется с существительным, которое является его определяемым, в роде, числе, а также «определенности» или «неопределенности» (см. § 20) и образует вместе с этим существительным флексивное словосочетание (см. § 83).

Прилагательное в функции определения обычно стоит непосредственно перед своим определяемым и после артикля, если определение имеет при себе артикль. Например: *en salt blåst hviner i de spente barduner* (G.) 'соленый ветер воет в натянутых снастях'.

После своего определяемого прилагательное может стоять только, если оно имеет при себе предложное дополнение (например: *båter fulle av ungdom* 'лодки, полные молодежи'), если оно является постоянным эпитетом при имени собственном или в составе застывшего выражения (например: *Halydan svarte* 'Халдан черный'; *Olav den hellige* 'Улав святой'; *tre kongsdøtre i berget det blå* 'три королевские дочери в голубой горе') или если оно является местоименным притяжательным прилагательным (см. § 34, стр. 89).

Если два прилагательных определяют одно существительное, ближе к существительному стоит то, которое теснее связано с ним. Например: *en vakker ung pike* 'красивая молодая девушка'. Но если два прилагательных одинаково связаны с существительным (т. е. когда их можно связать посредством сочинительного союза), ближе к существительному обычно стоит более узкое по значению. Например: *en mørk, blåsende natt* (G.) 'темная, ветреная ночь'; *stive, dødstrøtte øyne* (G.) 'неподвижные, смертельно усталые глаза'; *store, sorgmodige dråper* (G.) 'большие, печальные капли'.

Если прилагательное является определением при сложном существительном, то грамматически оно всегда относится к та-

кому существительному как целому. Однако лексическое значение такого прилагательного может иногда относиться только к одной из частей сложного существительного; например: *en ulykkelig kjærlighetshistorie* 'история несчастной любви'.

Причастие в функции определения всегда бывает в большей или меньшей степени адъективировано. Поэтому оно, подобно прилагательному, может иметь при себе определяющие его наречия. Например: *en meget baktalt, men også høyt skattet kjenning* (Fr.) 'знакомый, на которого много наговаривают, но также и высоко ценят'.

Определение — предложный оборот

§ 110. Определение может быть выражено также предложным оборотом, т. е. образовывать вместе с определяемым предложное словосочетание. Например: *den 20 år gamle Vasilij Kuznetsov fra Moskva satte fredag ny europeisk rekord* (Fr.) 'двадцатилетний Василий Кузнецов из Москвы поставил в пятницу новый европейский рекорд'; *en krig mot disse mennesker ville være umulig* (Fr.) 'война против этих людей была бы невозможна'; *er det intet håp om å komme til en forståelse?* (G.) 'неужели нет надежды прийти к соглашению?'.

Определение, выраженное предложным оборотом, всегда следует непосредственно за своим определяемым и не может быть от него оторвано. Различие в характере связи между членами предложного словосочетания в зависимости от того, что оно имеет в своем составе определение, дополнение или обстоятельство, рассматривается в главе о предложном словосочетании (см. § 80, стр. 158 сл.).

В функции определения часто встречаются предложные обороты, выражающие различные оттенки отношения принадлежности. Например: *en venn av meg* 'один из моих друзей'; *minner fra studentårene* 'воспоминания студенческих лет'; *hendene på ham* 'его руки'; *mannskapet på et skip* 'команда корабля'; *herren i huset* 'хозяин дома'; *huset til mannen* 'дом этого человека'; *en samling med våpen* 'собрание оружия'; *på grensen av sult* 'на грани голода' (сравни также примеры в § 15, стр. 45).

Однако в зависимости от предлога, вводящего определение, это определение может выражать очень разнообразные отношения. Чтобы описать эти отношения, надо было бы описать значения самих предлогов, что, однако, удобнее сделать в словаре, а не в грамматике.

Очень трудно определить и общий характер тех отношений, которые выражает предложное определение. Не верно было бы, в частности, утверждать, что оно всегда выражает признак, присущий тому, что выражено определяемым. В некоторых сочетаниях определяемого с предложным определением (с предлогами *av* и *til*), как раз наоборот, определяемое выражает признак, присущий тому, что входит в состав предложного определения. Например: *det var da Faen til Gut!* (K.) 'вот чортов парень!'; *men nu hadde den helviten til båtsen funnet på å fylle kaffekjelen med vann* (G.) 'но теперь проклятый боцман придумал наполнять кофейник водой'; *hun så på veninnen et glimt av et øjeblik* (B.) 'она посмотрела на подругу одно короткое мгновение'; *en slubbert av en mann* (El.) 'бездельник муж'.

Определение — существительное в родительном падеже

§ 111. Определение может быть выражено также существительным в родительном падеже, т. е. падеже, основной функцией которого и является выражать некоторые отношения определения к своему определяемому. Поскольку, однако, эта функция присуща родительному падежу как форме слова, она и рассматривается в морфологии (см. §§ 15—16).

Определение, выраженное существительным в родительном падеже, всегда предшествует своему определяемому. Например: *Norges kommunistiske ungdomsforbund* 'коммунистический союз молодежи Норвегии'; *Oslo-arbeidernes solidaritetskomité* 'комитет солидарности рабочих города Осло'.

Грамматической спецификой определения, выраженного существительным в родительном падеже, является то, что оно не может иметь своим определяемым существительное «неопределенное» по своей соотнесенности с действительностью (сравни § 18, стр. 58).

Определение — существительное в общем падеже

§ 112. Определение может быть выражено существительным в общем падеже, если оно имеет значение того, мера или количество чего выражены определяемым. Существительное в функции такого определения всегда следует непосредственно за своим определяемым. Например: *1 del solbær, 1 del bringebær, 2 deler stikkelsebær og 2 deler rips kokes med så meget vann at det såvidt står over bærene* (Fr.) '1 часть черной смородины, 1 часть малины, 2 части крыжовника и 2 части красной сморо-

дины варятся в таком количестве воды, что она едва покрывает ягоды'; *det er rent nifst å ligge her bare med et skjørt stykke glass og noen tommer jern mellom sig og det veldige, hylende hav* (G.) 'просто страшно лежать здесь, имея только хрупкий кусок стекла и несколько дюймов железа между собой и огромным, ревущим морем'.

Существительное в функции такого определения может в свою очередь иметь при себе определение и, если оно является считаемым, может стоять во множественном числе. Например: *en tredje kom ind med en kurv nyvasket barnetøj* (Bo.) 'третья пришла с корзиной свежестыранного детского белья'; *dr. Bratford gjorde en hel rekke andre funn fra fly* (Fr.) 'доктор Братфорд сделал целый ряд других открытий с самолета'; *brannvesenet måtte tilkalle forsterkninger fra en rekke stasjoner* (Fr.) 'пожарная охрана должна была вызвать подкрепление из ряда пожарных частей'.

Что в группе *en del solbær* и т. п. второе из существительных является определением, а первое определяемым, а не наоборот, как могло бы казаться с первого взгляда и как считают некоторые грамматисты, следует из того, что, как видно из примеров, слова, определяющие всю группу как целое, согласуются с первым существительным, от которого, следовательно, зависят второе, как от господствующего.

Из примеров видно также, что определяемое в подобного рода сочетаниях всегда «неопределенно» по своей соотносительности с действительностью и, если стоит в единственном числе, имеет при себе неопределенный артикль. Иногда встречается, однако, определение, выраженное существительным в общем падеже, при «определенном» существительном. Но такое определение по своему значению не похоже на описанное выше. Например: *med et rykk av ubehag kom han nå inn på problemet Margaret* (G.) 'с неприятным чувством он задумался о проблеме, которую представляла для него Маргарет'; *av undergruppene har gruppen mjølk, smør, ost og egg steget med 2,1 prosent* (Fr.) 'из подгрупп группа, состоящая из молока, масла, сыра и яиц, поднялась на 2,1 процента'.

Определение в составе сложного существительного

§ 113. В норвежском языке широко распространены такие сочетания, как *en ordliste* 'список слов', *en parfymefabrikk* 'парфюмерная фабрика', *en truselpolitikk* 'политика угроз', *en skaperprosess* 'творческий процесс', *en værmelding* 'сооб-

щение о погоде', *et deltakerantall* 'число участников', *et fjell-landskap* 'горный ландшафт', *Oslo-arbeiderne* 'рабочие Осло' и т. п. В каждом из таких сочетаний первый элемент по смыслу подчинен второму как его определение и вне данного сочетания несомненно является существительным, т. е. самостоятельным словом. Тем не менее, такое сочетание — не словосочетание, а сложное слово, поскольку все характерные для существительного (т. е. самостоятельного слова) грамматические значения — а именно значения определенности и неопределенности, числа, падежа и рода — оформляют лексическое значение всего такого сочетания в целом, а не одного из его элементов. То, что некоторые из таких сочетаний пишутся в одно слово, другие — через дефис или в два слова, является лишь орфографической условностью.

Однако, хотя такие сочетания являются сложными словами, а не словосочетаниями, они отличаются от других сложных слов в том отношении, что представляют собой сочетание элементов, более или менее свободно возникающее в речи, а не данное уже в языке, т. е. явление синтаксическое, а не лексическое. Именно поэтому такие сложные слова заслуживают упоминания в синтаксисе, хотя и относятся к словообразованию.

Определение — инфинитив

§ 114. Иногда определение бывает выражено инфинитивом. Например: *en av de mange som søker om hjelp for å få et sted å bo* (Fr.) 'один из многих, которые ищут помощи в приискании себе места для жилья'. Такой инфинитив часто имеет при себе предлог, который по смыслу управляет определяемым. Например: *her er fast grund at bygge på* (I.) 'вот твердая почва для постройки'; *der er mange måter å være trett på* (Bo.) 'есть разные виды усталости'. Определение, выраженное инфинитивом, всегда следует непосредственно за своим определяемым.

Иногда определяемое инфинитивного определения имеет при себе определение, выраженное прилагательным, которое по смыслу относится не к своему определяемому, а к инфинитивному определению. Например: *det var et bittert brev å få* (G.) 'горько было получить такое письмо'.

Определение — наречие

§ 115. В редких случаях определение бывает выражено наречием. Например: *han ønskede bare at de derhjemme kunde se hende* (K.) 'он хотел только, чтобы те, кто были дома, увидели ее'.

Обособленное определение

§ 116. Определение, которое не примыкает к своему определяемому и поэтому связано с ним менее тесно, чем обычное определение, называется обособленным. Такое определение обычно выражено прилагательным и может занимать разные места в предложении. Например: *men skibet reiser sig foran ham, mørkt og stille som døden* (G.) 'но корабль вздымается перед ним, темный и тихий как смерть'; *hvit, uttæret lå han borte i sengen* (G.) 'бледный, истощенный, он лежал в постели'. Как видно из последнего примера, обособленное определение возможно и при личном местоимении. В функции обособленного определения нередко выступают местоименные прилагательные *selv* 'сам', *hver* 'каждый', *all* 'весь' и *begge* 'оба'.

Приложение

§ 117. Определение, которое представляет собой другое обозначение того же самого, что обозначено определяемым, называется приложением. Приложение обычно бывает выражено существительным, причем это существительное может иметь при себе свои определения. Приложение может быть более самостоятельным и менее самостоятельным. Оно бывает более самостоятельным либо когда оно стоит после определяемого и выражено существительным, имеющим при себе определение (например: *far syntes jeg kunne vente til Kristen, eldste bror min, kom hjem* (G.) 'отцу казалось, что я мог бы подождать возвращения Кристины, моего старшего брата'), либо когда оно стоит после определяемого и выражено одним собственным именем (например: *ivrig drøftet de en annen opprører, Byron* (G.) 'они горячо обсуждали другого бунтовщика, Байрона'). Приложение бывает менее самостоятельным либо когда оно стоит после определяемого и выражено одним нарицательным именем (например: *Nordlandsekspressen gikk av sporet ved Grong stasjon* (Fr.) 'норланнский экспресс сошел с рельс у станции Гронг'), либо когда он стоит перед определяемым (например: *skuespillet var satt i scene av skuespiller Gisle Straume* (Fr.) 'пьеса была поставлена артистом Гисле Стрёуме'; *bak ham følger friidrettsforbundets formann Arne Molen* (Fr.) 'за ним следует председатель общества легкой атлетики Арне Мулен').

Придаточные предложения

§ 118. Одна из частей предложения может иметь в своем составе подлежащее и сказуемое, т. е. быть аналогичной по своему строению структурно оформленному (предикативному) предложению. Такую часть предложения принято называть «придаточным предложением», остальную его часть — «главным предложением», а все предложение в целом — «сложно-подчиненным предложением». Очевидно, однако, что термины «придаточное предложение» и «главное предложение» совершенно условны. «Придаточное предложение» и «главное предложение» — не предложения, а части предложения. Утверждать, что они тоже в каком-то смысле предложения, значило бы утверждать, что наличие подлежащего и сказуемого или наличие предикативной связи — существенный признак предложения. Между тем, как было показано выше (§ 85), это, безусловно, не так. Тем не менее, термины «придаточное предложение» и «главное предложение» настолько вошли в обиход, что с этой оговоркой представляется целесообразным продолжать их употреблять.

Поскольку придаточные предложения — это части предложения, они могли бы рассматриваться в разделах синтаксиса, посвященных отдельным частям или членам предложения: придаточные подлежащие — в разделе, посвященном подлежащему, придаточные сказуемые — в разделе, посвященном сказуемому, и т. д. Так, однако, никогда не делается по той причине, что придаточные предложения, какими бы членами предложения они не являлись, имеют ряд общих черт и что поэтому их удобнее рассматривать в особом разделе.

Тем не менее, что касается классификации придаточных предложений, то она очень часто основывается на возможности приравнять придаточное предложение к одному из членов простого предложения (главному или второстепенному). В соответствии с этим придаточные предложения принято делить на подлежащие, сказуемые, дополнительные, определительные и обстоятельственные, которые в свою очередь делятся на временные, причинные, целевые, следственные, условные, уступительные, сравнительные и т. д.

Хотя такая классификация и дает возможность описать большинство существующих типов придаточных предложений, она обладает и существенными недостатками. Дело в том, что не все придаточные предложения могут быть приравнены к одному из членов простого предложения. Например: *han vasket både sig selv og huden, hvilket var et drygt arbejde* (B.) 'он вымыл

себя и шкуру, что было нелегким делом'. Придаточные этого типа нередко называют определительными. Однако такое придаточное не подчинено никакому существительному и, следовательно, лишено основного признака определения. Оно скорее могло бы быть названо «присоединительным» придаточным.

Не имеет параллели среди членов простого предложения и придаточное, на которое указывает «предваряющее» подлежащее (см. примеры в § 92). Называть такие придаточные подлежащими, конечно, нет никаких оснований.

Многие из так называемых обстоятельственных предложений очень существенно отличаются от обстоятельств простого предложения. Таковы особенно придаточные условные, следственные и уступительные. Обстоятельства простого предложения не могут выражать тех отношений, которые выражают эти придаточные предложения. «Обстоятельственными» эти придаточные являются, повидимому, лишь постольку, поскольку обстоятельство — член предложения, связь которого с другими членами предложения наименее определена (см. § 105). Характерно, что обстоятельственные придаточные, как правило, и классифицируются иначе, чем обстоятельства простого предложения.

Отличаются от дополнений простого предложения и дополнительные предложения. Некоторые глаголы, которые не могут иметь при себе беспредложного дополнения, т. е. являются непереходными, могут иметь при себе дополнительное придаточное. Таковы, например, глаголы *forutsette* 'предполагать', *synes* 'полагать' и т. п.

Таким образом, в классификации придаточных предложений по членам предложения многое очень условно.

Вместе с тем нередко придаточные, выступающие в функции различных членов предложения, тождественны по форме. Так, в норвежском языке придаточные, вводимые союзом *at*, могут выступать в функции почти любого члена предложения. Напротив, придаточные, выступающие в функции одного и того же члена предложения, нередко очень разнообразны по форме. Таковы, например, в норвежском языке обстоятельственные придаточные. Поэтому естественно, что описания придаточных предложений, расклассифицированных по их синтаксической функции (т. е. по членам предложения), как правило, изобилуют повторениями и не раскрывают общих структурных особенностей придаточных предложений в данном языке.

Однако, поскольку придаточные одной и той же формы могут быть очень различны по синтаксической функции, не

менее трудно расклассифицировать их по их форме, элементами которой являются вводящее их слово, порядок слов, интонация и форма сказуемого.

Придаточные, вводимые подчинительным союзом

§ 119. Словом, вводящим придаточное предложение, может быть подчинительный союз, т. е. служебное слово, функцией которого и является оформлять придаточное предложение. В норвежском языке наиболее универсальным подчинительным союзом является союз *at*. Этот союз вводит придаточные различного значения и выступающие в качестве различных членов предложения, но всего чаще придаточные подлежащие и дополнительные. Например: *at den sør-koreanske «presidenten» Syngman Rhee hater det kinesiske folk. . . , er alment kjent* (Fr.) 'что южнокорейский «президент» Ли Сын Ман ненавидит китайский народ. . . , общеизвестно'; *jeg vilde så gjerne at De skulde bli* (G.) 'я бы так хотел, чтобы Вы остались'. Реже союз *at* вводит придаточные определительные. Например: *er det rygte sandt, at du engang skal være kejserens efterfølger?* (I.) 'верен ли слух, что ты будешь преемником императора?'

Характерно, что в ряде случаев придаточное, вводимое союзом *at*, равнозначно придаточному, в котором вводящее слово вообще отсутствует (см. § 121). В случае двух придаточных, соединенных сочинительным союзом, в одном из них вводящее слово может отсутствовать, а в другом стоять союз *at*. Например: *han drømmer han er i helvete og at Satan roser ham for god fyring* (G.) 'ему снится, что он в аду и что сатана хвалит его за хорошую кочегарскую работу'.

Многие предлоги обладают в норвежском языке способностью управлять придаточным предложением, вводимым союзом *at*. Например: *banen ble delvis ødelagt av vann og av at brannbilene kjørte på den* (Fr.) 'дорога была частично разрушена водой и тем, что пожарные автомобили ездили по ней'; *jeg smigrer mig med at jeg er den eneste vantro i dette meget troende folk* (G.) 'я льщу себе надеждой, что я единственный неверующий в этом очень верующем народе'; *med opspilte nerver ligger Benjamin og venter på at den neste skal komme* (G.) 'с напряженными нервами Бенъямин лежит и ждет следующего'; *han våkner ved at døren blir åpnet* (G.) 'он просыпается от того, что дверь открывается'; *ingen vet noe om ham uten at han er italiener* (G.) 'никто ничего не знает о нем, кроме того, что он итальянец'.

Роль придаточного этого типа в сложно-подчиненном пред-

ложении всегда определяется значением предлога. Однако соединение предлога с союзом *at* может быть в разной степени тесным. В вышеприведенных примерах оно всего теснее в двух последних примерах, где, пожалуй, уже можно говорить о составных союзах (*ved at* и *uten at*). Еще более тесное соединение предлога и союза *at* привело к возникновению союзов *etterat* 'после того как' и *forat* 'чтобы'.

Однако, поскольку в сочетании предлога с союзом *at* смысловое господство принадлежало предлогу, союз *at* мог совсем выпасть. Возможно, что такого происхождения подчинительные союзы *fra* 'с тех пор, как' и *til* 'до тех пор, пока не', внешне совпадающие с предлогами. В диалектной и разговорной речи встречаются и другие подчинительные союзы, совпадающие с предлогами (*av*, *i* и т. д.).

Иногда встречаются придаточные, вводимые союзом *at*, которыми управляет не просто предлог, а сочетание наречия *der* с предлогом (*deri at*. . . 'в том, что. . .', *derav at*. . . 'от того, что. . .', и т. п.).

Для обстоятельственных придаточных характерно, что в зависимости от их значения они вводятся различными союзами, причем многие из этих союзов составные. Так, временные придаточные вводятся союзами *da* 'когда' (о прошлом), *når* 'когда' (о настоящем или будущем), 'всякий раз, когда' (о прошлом), *som*, *mens*, *imens*, *alt imens* или *all den stund* 'в то время как', *idet* 'в тот момент, когда', *hvergang* 'каждый раз, когда', *dengang* 'когда', *før*, *før enn* или *innen* 'прежде чем', *til* или *inntil* 'до тех пор, пока не', *siden* или *fra* 'с тех пор, как', *straks*, *så snart* или *så fort* 'как только', *så lenge* 'пока', *altsom*, *alt ettersom*, *etterhånden som* или *etterhvert som* 'по мере того, как'; причинные придаточные вводятся союзами *da* 'так как', *fordi* или *for* 'потому что', *siden* 'поскольку', *ti* 'ибо'; условные вводятся союзами *om*, *hvis*, *når*, *dersom*, *ifall*, *om bare* 'если', *medmindre* 'разве только', *uten at* 'если не'; уступительные вводятся союзами *skjønt*, *enskjønt*, *omenskjønt*, *fordi om*, *om enn*, *allikevel* 'хотя', *selv om* 'даже если', *uaktet* или *til tross for at* 'несмотря на то, что', *alt det* 'как ни'; целевые вводятся союзами *så*. . . *at* 'так . . . что', *slik at* 'так что' и т. д. Многие из этих союзов вводят разные придаточные, т. е. имеют разные значения. Так, союз *da* вводит и временные и причинные, союз *om* — и условные, и уступительные, и дополнительные, союз *mens* — и временные, и сопоставительные, и т. д. Поэтому описание значения союзов, как и описание значений предлогов, всего удобнее давать в словаре.

Придаточные, вводимые относительным местоимением

§ 120. Словом, вводящим придаточное предложение, может быть относительное местоимение, т. е. слово, которое не только оформляет придаточное предложение, но и выступает в качестве одного из его членов (т. е. в качестве его подлежащего, сказуемого, дополнения или определения, но не обстоятельства). Например: *vi er av dem som våger å si at det er løgn* (G.) 'мы из тех, которые смеют сказать, что это ложь'; *han. . . stirrer ned i den funkende vei som skibet bestandig trekker efter sig* (G.) 'он смотрит вниз на искрящийся след, который все время тянется за кораблем'; *og en mand som De, der altid har kendt sig så dragen til det, som frit og vildt er* (I.) 'такой человек, как вы, которого всегда так притягивало все дикое'.

В книжном языке придаточное может вводиться словами типа *hvorefter* 'после чего', *hvorved* 'причем', *hvori* 'в чем' и т. п., которые совмещают функции относительного местоимения и предлога. В разговорном языке таким словам обычно соответствует относительное местоимение *som* с предлогом. Например: *den mann hvorom her skal fortelles* 'человек, о котором здесь будет рассказано' = *den mann her skal fortelles om*.

Среди придаточных нередко выделяют как особый тип вопросительные придаточные, т. е. придаточные, содержащие сомнение, косвенный вопрос или осведомление, и противопоставляют их остальным как повествовательным. Такие придаточные вводятся вопросительными словами, в частности вопросительными местоимениями. С формальной точки зрения разграничение повествовательных и вопросительных придаточных имеет смысл только в тех случаях, когда одно и то же местоимение может иметь в зависимости от интонации чисто относительное или вопросительно-относительное значение. Сравни, например: *han sier hva han vil* 'он говорит все, что хочет' (повествовательное придаточное) и *han sier hva han vil* 'он говорит, чего он хочет' (вопросительное придаточное). В других случаях интонация является формальным элементом придаточного не сама по себе, а в сочетании с другими формальными элементами, и поэтому трудно поддается выделению.

Придаточные без вводящего слова

§ 121. Слово, вводящее придаточное предложение, иногда вообще отсутствует. Такую форму могут иметь следующие придаточные;

1. Определительное «ограничительное» (см. § 124), если слово, к которому относится данное придаточное, не является его подлежащим (например: *var du i byen den gang han kom hjem?* (G.) 'ты был в городе тот раз, когда он вернулся?'), и особенно определительное «выделительное» (см. § 92.). Например: *det er jo Deres egen far, her er tale om!* (I.) 'ведь речь идет о вашем собственном отце!'; *det er meget jeg liker ved ham* (G.) 'мне нравится в нем многое'.

2. Дополнительное, если оно не предшествует своему главному и если оно не отделено от слова, к которому относится, каким-либо другим словом главного предложения. Например: *jeg tror der kommer nogen* (I.) 'мне кажется, что кто-то идет'; *jeg er redd De må gå nu* (G.) 'я боюсь, что вам нужно идти'.

3. Условное, если в нем собственно-глагольная форма стоит на первом месте. Например: *havde vi nu ikke lejet bort værelset, kunde du ha flyttet derind* (I.) 'если бы мы не сдали комнату, ты бы мог переехать в нее'; *skjer et uhell, gir flygerne sig selv skylden* (G.) 'если случается несчастье, летчики винят самих себя'.

4. Следственное. Например: *det var nu så mørkt de ikke så hverandres ansikter* 'было так темно, что они не видели лиц друг друга'.

Порядок слов в придаточном

§ 122. Элементом формы придаточного является порядок слов в нем и его место в сложно-подчиненном предложении.

Для придаточного характерно, что в нем, в противоположность простому предложению (в котором собственно-глагольная форма часто стоит до подлежащего, см. § 94), собственно-глагольная форма стоит, как правило, после подлежащего (см. все примеры выше). До подлежащего она стоит только в бессоюзных условных придаточных (см. пример в § 121, пункт 3). В других придаточных положение собственно-глагольной формы до подлежащего является редким исключением.

Для придаточного характерно, далее, что, в противоположность простому предложению, отрицание стоит в нем, как правило, не после собственно-глагольной формы, а до нее. Например: *men der er kanskje dem som ikke har et sånt hjerte* (G.) 'но может быть есть люди, у которых нет такого сердца' (сравни: *de har ikke et sånt hjerte* 'у них нет такого сердца').

Отрицание может стоять в придаточном и до подлежащего, если это подлежащее несет на себе ударение. Например: *men kan du skønne, at ikke far er kommet hjem endnu?* (I.) 'но пони-

маешь ли ты, что отец еще не пришел домой?'; *det vilde være en forbrytersk naivitet å tro at ikke krigen er begynt* (G.) 'было бы преступной наивностью думать, что война еще не началась'.

Положение до собственно-глагольной формы стремятся занять в придаточном и многие обстоятельственные слова, такие, как *aldri* 'никогда', *ofte* 'часто', *nå* 'теперь', *snart* 'скоро', *sjelden* 'редко', *straks* 'сразу', *bestandig* 'постоянно', *umulig* 'невозможно', *neppe* 'едва', *allikevel* 'все же', *gjerne* 'охотно', *endelig* 'наконец', и т. п. Например: *det er just det jeg umulig kan fatte og begribe* (I.) 'именно этого я не могу понять и постичь'; *han hadde sagt igår at han idag ikke kunde komme før senere* (B.) 'он сказал вчера, что сегодня может прийти только позже'.

Для придаточных, вводимых относительным местоимением *som*, характерно, что предлог, который им управляет, стоит всегда не перед ним, а в конце данного придаточного. Такой же порядок слов характерен для определительных придаточных без вводящего слова. Например: *avisen, som hun sendte artiklene sine til, hadde ikke tatt en linje* (G.) 'газета, в которую она посылала свои статьи, не приняла ни строчки'.

Наконец, в придаточных возможно, хотя и не обязательно, положение именной части сказуемого до связки. Например: *hun kan finde på alt det, som galt er* (I.) 'ей может прийти в голову все нехорошее'; *gjør det, som ret er* (Bo.) 'делайте то, что надо'.

Что касается главного предложения, то для него характерно, что, если оно следует за придаточным, собственно-глагольная форма стоит в нем, как правило, на первом месте. Например: *straks han blir ferdig med en vakt, pleier han å kripe til køys* (G.) 'как только он кончает вахту, он обычно залезает на свою койку'; *havde jeg vidst dette, hadde jeg selvsagt ikke uleilignet fru* (Bo.) 'если бы я это знал, я бы не побеспокоил вас'. В книжном языке, однако, в таком главном предложении подлежащее иногда ставится до собственно-глагольной формы с целью выделения главного предложения. Например: *om nogen hadde sagt mig det igår. . . jeg hadde sat mit liv in på at det var umuligt* (B.) 'если бы кто-нибудь сказал мне это вчера. . . я бы поручился жизнью за то, что это невозможно'.

Форма сказуемого в придаточном

§ 123. Элементом формы придаточного является в некоторых случаях и наклонение глагола, который образует сказуемое придаточного предложения или входит в состав его сказуемого.

Однако наклонение в придаточном предложении всегда является лишь одним из элементов формы придаточного предложения (сравни §§ 65, 66). В придаточных предложениях употребляется как изъявительное, так и сослагательное наклонения, в зависимости от модальности этого предложения, причем сослагательное со *skulle* I всегда может быть заменено формой сослагательного наклонения, омонимичной претериту изъявительного наклонения, а сослагательное со *skulle* II — формой сослагательного наклонения, омонимичной плюсквамперфекту изъявительного наклонения. Например: *han bærer seg at som han skulle være gal* (или *som han var gal*) 'он ведет себя, как будто он сошел с ума'; *skulle jeg være der* (или *var jeg der*) *ville jeg gjøre det* 'если бы я был там, я бы сделал это'; *skulle jeg ha vært der igår* (или *hadde jeg vært der igår*), *ville jeg ha gjort det* 'если бы я был там вчера, я бы сделал это'.

Наибольшую роль сослагательное наклонение играет в условном придаточном. И в этом случае глагол может стоять в сослагательном со *skulle* I или II, но чаще стоит в сослагательном, омонимичном претериту или плюсквамперфекту изъявительного наклонения. Например: *hvis vi ikke trodde det, hvad blev der så igjen av oss* (G.) 'если бы мы этому не верили, что стало бы с нами'; *jeg hadde dødd om jeg hadde blitt der nede et minutt til* (G.) 'я бы умер, если бы остался там внизу еще одну минуту'.

Соотношение придаточного и главного

§ 124. Хотя придаточное и главное предложения всегда только части предложения, а не целые предложения, степень их зависимости друг от друга может быть различна. Придаточное никогда не дает без главного законченного смысла. Что же касается главного, то хотя оно часто не дает законченного смысла без придаточного, однако в ряде случаев оно его дает. Это, в частности, имеет место в случае так называемых «описательных» определительных придаточных (остальные определительные, в отличие от «описательных», называются «ограничительными»). Например: *mindre betydning for Norge enn for Danmark og Sverige har det store angelsaksiske epos Beowulf, hvis handling er henlagt til Danmark og Sverige* (El.) 'меньшее значение для Норвегии, чем для Дании и Швеции, имеет большой англо-саксонский эпос Беовульф, в котором действие происходит в Дании и Швеции'; *hun laa med aabne Øjne i Mørket og lyttede til hans Ord, som han hviskede i en sørgmodig og*

ærbødig Tone (K.) 'она лежала с открытыми глазами в темноте и слушала его слова, которые он говорил печальным и почти-тельным тоном'; *i hennes båt kunde han blåse fløjte, som var blet banlyst hjemme* (B.) 'в ее лодке он мог играть на флейте, которая была запрещена дома'. «Описательное» придаточное содержит некоторые дополнительные сведения об одном из слов главного предложения. В случае удаления «описательного» придаточного, смысл главного остается тем же. Поэтому в сложно-подчиненных предложениях этого типа, также как и в предложениях с присоединительными придаточными, о которых говорилось в § 118, отношения между главным и придаточным наминают отношения между двумя предложениями, соединенными посредством сочинительного союза.

Несамостоятельности главного предложения способствует наличие в нем элементов, которые указывают на сопровождающее его придаточное (так называемая корреляция). Такими элементами обычно являются указательные местоимения или наречия. Например: *man mener derfor det er det versemål hvorav de andre er dannet* (El.) 'поэтому считают, что это тот размер, из которого развились другие'; *og så længe hørte jeg på henne, til jeg fik medfølelse* (B.) 'я слушал ее до тех пор, пока не почувствовал сострадания'.

Самостоятельность придаточного предложения может быть обусловлена неполнотой сложно-подчиненного предложения в целом. Так, в некоторых случаях от сложно-подчиненного предложения остается одно придаточное, вводимое союзом *at*, которое в этом случае является уже не частью предложения, а целым предложением. Например: *pastor Manders (rystet): At De har kunnet bære alt dette* (I.) 'пастор Мандерс (потрясенный): «Подумать, что вы смогли перенести все это!»; *å Anton, Anton, at du er død* (G.) 'о, Антон, Антон, подумать, что ты умер!'. ❦

Различие между главным и придаточным, впрочем, вообще относительно, так как не только придаточное может быть в то же время главным, т. е. иметь при себе придаточное второй или третьей степени (например: *nesten med ubygge forstår en at en lever i et land, hvor menneskene faktisk vet hvad de vil* (G.) 'почти с беспокойством понимаешь, что живешь в стране, в которой люди действительно знают, чего они хотят'), но придаточное может быть и неотличимо от главного вообще (например: *ikke før havde han sagt det, før en av Kattene skjød Labben bag Gryden* (A.) 'как только он это сказал, одна из кошек сунула лапу за котел') или быть переплетено с ним (например: *så*

mange visste jeg ikke de var (G.) 'я не знал что их так много'; men respekt for et menneske, hengivelse, skjønner du ikke hvad er (G.) 'но ты не понимаешь, что такое уважение к человеку, преданность').

Относительно и различие между подчиненным, или придаточным предложением, и сочиненным предложением, или предложением, соединенным с другим предложением посредством сочинительного союза (т. е. союза *og* 'и', *eller* 'или', *men* 'но' и т. п.), так как, с одной стороны, как уже указывалось, некоторые подчиненные предложения, которые присоединяются к главным, обладающим известной смысловой самостоятельностью, приближаются к сочиненным, а с другой стороны, и сочиненные предложения, поскольку они соединены союзом с другими предложениями, никогда не бывают абсолютно самостоятельны. Да, в сущности, и никакое предложение в связной речи не обладает абсолютной самостоятельностью. Поэтому в синтаксисе должны бы рассматриваться не только простое, сложно-подчиненное и сложно-сочиненное предложения, но также и образующиеся в речи сочетания таких предложений.

КЛЮЧ К ФОНЕМАТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

i: — долгое и; более закрытое и напряженное, чем краткое и.	u: — долгое огубленное у; более напряженное и закрытое, чем русское у.
i — краткое и.	u — краткое огубленное у; более напряженное и закрытое, чем русское у.
e: — долгое закрытое е; как русское е в «сень», но дифтонгоидное (eə или ea).	
ɛ — краткое полуоткрытое е; как русское е в «цеп».	ɛi øy õç ai oi ni
æ: — долгое открытое е; более открытое, чем русское е в «цеп».	} — дифтонги, состоящие из соответствующих гласных.
æ — краткое открытое е; несколько более открытое, чем долгое.	
a: — долгое а; отодвинутое назад по сравнению с русским а.	
a — краткое а.	
y: — долгое огубленное у.	
y — краткое огубленное у.	
ø: — долгое огубленное закрытое е.	p — как п, но в начале ударенного слога и в конце слов с легким придыханием.
ö — краткое огубленное полуоткрытое е.	b — как б.
u: — долгое у; более огубленное и напряженное, чем краткое и чем русское у.	m — как м.
u — краткое у.	t — как т, но апикальное; в начале ударенного слога и в конце слова с легким придыханием.
o: — долгое закрытое о; более закрытое, чем русское о.	d — как д, но апикальное.
ɔ — краткое полуоткрытое о; более открытое, чем русское о.	t̥ — какуминальное т.
ə — нейтральный гласный; вроде русского неударного а или о.	d̥ — какуминальное д.
	k — как к, но в начале ударенного слога и в конце слова с легким придыханием.
	g — как г.
	n — как н, но апикальное.
	ɲ — какуминальное н.
	ɳ — носовое г.
	f — как ф.
	v — как в.
	s — как с.
	j — как й, но более шумный.
	ʒ — глухое шумное й.

- ʃ — как ш, но несколько мягче.
 h — фарингальный согласный (глухой выдох).
 l — между л и ль.
 ɫ — какуминальное л.
 r — как р.
 ' — простое музыкальное ударение (равномерное повышение тона).
 ˘ — сложное музыкальное ударение (понижение тона, за которым следует его резкое повышение).
 : — дуеточие означает долготу предшествующего гласного или согласного.

ТАБЛИЦА СИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ¹

Инфинитив		Претерит	Причастие II
be (bede)	просить	ba (bad)	bedt
bedra	обманывать	bedro(g)	bedradd (bedratt)
binde	вязать	bandt	bundet
bite	кусать	bet (beit)	bitt
bli	оставаться	ble (blei)	blitt
brekke *	ломать	brakk	brukket (brekt)
brenne *	гореть	brant (brann)	brent
briste (breste)	треснуть	brast	bristet (brustet)
bryte	ломать	brøt (braut)	brutt
by (byde) *	предлагать	bød (baud, bau)	budt (bydd)
bære	нести	bar	båret
dette	шлешнуться	datt	dettet
dra (drage)	тянуть	dro(g)	dradd (dratt)
drepe *	убивать	drap	drept
drikke	пить	drakk	drukket
drive	гнать	drev (dreiv)	drevet
ete	поедать	åt	ett
falle	падать	falt	falt
fare	ехать	for	faret (fart)
finne	находить	fant (fann)	funnet
fly (flyge, flyve)	летать	fløy (flaug)	fløyet
flyte	течь	fløt (flaut)	flytt
fnyse *	фыркать	fnøs	fnyst (fnøset)
fornemme *	ощущать	fornam	fornemmet (for- nummet)
forsvinne	исчезать	forsvant	forsvunnet
fortryte	раскаиваться	fortrøt	fortrutt
fryse	мерзнуть	frøs (fraus)	frosset
fyke	нестись, кружиться	føk (fauk)	føket
få	получать	fikk (fek)	fått
gale *	петь	gol	galt
gi (gje)	давать	ga (gav)	gitt
gide	хотеть	gad	gidet
gjelde	считаться	gjaldt (galdt)	gjeldt
gli (glide) *	скользить	gled (gleid, glei)	glidd

¹ Звездочкой обозначены те глаголы, которые образуют также слабую форму претерита.

glippe (gleppe)	неудаваться	glapp	glippet (gleppet)
gnage *	грызть	gnog	gnagd
gnelle *	выть	gnall	gnelt
gni (gnide) *	тереть	gned (gneid, gnei)	gnidd
grave *	рыть	grov	gravd
grine *	усмехаться	grein (gren)	grint
gripe	хватать	grep (greip)	grepet
gråte	плакать	gråt (gret)	grått
gyse *	дрожать	gjøs	gyst
gyte *	лить	gjøt	gytt
gyve *	кружиться, лететь	gauv (gjøv)	gjøvet (gyvd)
gå	идти	gikk	gått
henge	висеть	hang	hengt
hete *	называться	het	bett
hjelpe	помогать	hjalp	hjulpet
holde	держат	holdt	holdt
hugge (hogge) *	рубить	hugg (hogg)	hugd (hogd)
klinge	звенеть	klang	klinget (klunget)
klyve *	карабкаться	kløv (klauv)	kløvet (klyvd)
knekke	треснуть	knakk	knek(ke)t
knipe	уцепиться	knep (kneip)	knepet
komme	приходить	kom	kommet
kreke *	ползти	krak	kreket (krekt)
krype	ползти	krøp (kraup)	krøpet
kvede	петь	kvad	kvedet
kvekke	вздрагивать	kvakk	kvekket
kverpe	вздрагивать	kvapp	kveppet
kverve	вертеться	kvarv	kvervet
kvine (hvine) *	выть	kvein (hven)	kvint (hvint)
la (late)	позволять	lot	latt
le	смеяться	lo	ledd
li *	течь	led (leid, lei)	lidd
lide	страдать	led (leid, lei)	lidt (lidd)
ligge	лежать	låg (låg)	ligget
lite *	полагаться	leit	litt
lyde	звучать	lød	lydt
lyve (lyge, ljuge)	лгать	løy (laug)	løyet (ljuget)
løpe	бежать	løp	løpet (løpt)
låte	звучать	låt	lått
male *	молоть	mol	mal(e)t
nyse *	чихать	nøs (naus)	nyst
nyte	наслаждаться	nøt (naut)	nytt
pipe	свистеть	per (peip)	pepet
reke *	бродить	rak	rekt
rekke	доставать, хватать ¹	rakk	rukket
renne	течь	rant (rann)	rent (runnet)
ri (ride) *	ездить верхом	red (reid, rei)	ridd
rinne	течь (о времени)	rant	runnet

¹ Ср. rekke 'протягивать', rakte, rakt.

rive	рвать	rev (reiv)	revet
ryke	дымиться	røk (røyk)	røket
se	видеть	så (såg)	sett
sige	опускаться	seig (seg)	seget
sitte	сидеть	satt	sittet
skinne *	светить	skjen (skein)	skinnen, skint
skjelve	дрожать	skalv	skjelvet
skjære	резать	skar	skåret
skride	шагать	skred (skreid, skrei)	skredet
skrike	кричать	skrek (skreik)	skreket
skrive	писать	skrev (skreiv)	skrevet
skryte *	хвастаться	skrøt	skrytt
skvette	вздрагивать	skvatt	skvettet
skyte	стрелять	skjøt (skaut)	skutt
skyve (skuve)	толкать	skjøv (skauv)	skjøvet
slenge *	шататься	slang	slengt
slippe (sleppe)	выпускать	slapp	sloppet (sluppet)
slite	изнашивать	slet (sleit)	slitt
slå	бить	slo (slog)	slått
smelle	хлопать	smalt (small)	smelt
smette	проскользнуть	smatt	smettet
smyge	красться	smøg (smaug)	smøget
snike *	втираться	snek	snikt (sneket)
snyte *	сморгаться	snøt	snytt
sove	спать	sov	sovet
spinne	прясть	spant (spann)	spunnet
sprekke	треснуть	sprakk	sprukket
sprette	подпрыгнуть	spratt	sprettet
springe	прыгать	sprang	sprunget
stige	подниматься	steg (steig)	steget
stikke	втыкать	stakk	stukket
stjele (stele)	красть	stjal (stal)	stjålet
strekke	доставать, хватать ¹	strakk	strukket
stri (stride) *	бороться	stred	stridd
stryke	гладить	strøk (strauk)	strøket
støkke	вздрогнуть	stokk	støkket (støkt)
stå	стоять	sto (stod)	stått
svelte	голодать	svalt	svoltet (sveltet)
sverge (sverje) *	клясться	svor	sverget (svoret)
svi *	жечь	sved (sveid, svei)	svidd
svike	обманывать	svek (sveik)	sveket
svinge *	махать	svang	sving(e)t (svunget)
svinne	убывать	svant	svunnet
svømme *	плыть	svøm	svømt
synge	петь	sang	sunget
synke	опускаться	sank	sunket

¹ Ср. strekke 'протягивать' strakte, strakt.

søkke	опускаться	sakk	søkket
ta	брать	tok	tatt
treffe	встречать	traff	truffet
trekke	тянуть	trakk	trukket
trine *	ступать	tren	trint
trive	хватать	treiv	trevet
trives *	хорошо себя чувствовать	treivs	triv(e)s
tryte	кончаться	traut	trytet
tvinge	заставлять	tvang	tvunget
tvinne *	скручивать	tvant	tvunnet (tvinnet)
tyte *	сочиться	tøt (taut)	tytt
vekke	вздрагнуть	vakk	vekket
vike *	уступать	vek (veik)	veket
vinde	обвивать	vandt	vundet
vinne	выигрывать	vant (vann)	vunnet
vri (vråde) *	выворачи- вать	vred (vreid, vrei)	vrid d
være ¹	быть	var	vært (været)

¹ Настоящее время этого глагола (er) образовано от другого корня.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ В ПРИМЕРАХ

Художественная литература

- A. — Peter Christen Asbjørnsen og Jørgen Moe.
 B. — Bjørnstjerne Bjørnson.
 Bo. — Johan Bojer.
 E. — Peter Egge.
 G. — Nordahl Grieg.
 I. — Henrik Ibsen.
 K. — Alexander Kielland.
 J. — Jonas Lie.

Прочая литература

- Fr. — Friheten, центральный орган Коммунистической партии Норвегии.
 El. — Kristian Elster d. y., Illustrert norsk litteraturhistorie, I—VI. Oslo, 1934—1935.
 S. — Didrik Arup Seip. Studier i norsk språkhistorie. Oslo, 1934.
 W. — August Western. Norsk riksmåls-grammatikk for studerende og lærere. Kristiania, 1921.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Введение	5
Норвежский литературный язык	5
Грамматическое и лексическое значения	8
Морфология и синтаксис	14
Морфология	22
Части речи	22
Существительное	24
Род	28
Число	33
Падеж	41
Артикль	51
Прилагательное	67
Согласование прилагательного	68
Функции прилагательного	71
Субстантивация прилагательного	72
Степени сравнения прилагательного	73
Числительное	76
Количественные числительные	79
Порядковые числительные	80
Дроби	81
Собирательные числительные	81
Счетные наречия	81
Местоимение	82
Личные местоимения	84
Возвратное местоимение	87
Взаимные местоимения	87
Притяжательные местоимения	88
Указательные местоимения	90
Вопросительные местоимения	92
Относительные местоимения	93
Отрицательные местоимения	94
Неопределенные местоимения	95
Прочие местоимения	96
Глагол	98
Морфологическая классификация глаголов	100

Слабые глаголы	100
Сильные глаголы	103
Претерито-презентные глаголы	103
Собственно-глагольные формы	104
Время	104
Пресенс	107
Претерит	108
Перфект	110
Плюсквамперфект	112
Будущее I	114
Будущее II	114
Будущее в прошедшем I	115
Будущее в прошедшем II	116
Залог	116
Страдательный залог	119
Безлично-страдательная конструкция	123
Отложительные глаголы	124
Возвратный оборот и возвратные глаголы	126
Наклонение	127
Повелительное наклонение	128
Сослагательное наклонение	128
Глагольно-именные формы	132
Инфинитив	132
Инфинитивная частица a	133
Временное и залоговое значение инфинитива	134
Функции инфинитива	135
Причастие	136
Залоговое, временное и видовое значение причастия	137
Функции причастия	138
Наречие	140
Образование наречий	140
Степени сравнения наречий	142
Функции наречия	143
Синтаксис	145
Словосочетание	145
Предложные словосочетания	148
Значение предлога	148
Связи в предложном словосочетании	157
Местоположение предлога	164
Союзные словосочетания	167
Флексивные словосочетания	168
Аналитические словосочетания	169
Предложение	171
Члены предложения	179
Подлежащее	183
Выражение подлежащего	183
Место подлежащего	183
Отсутствие подлежащего	184
Формальное подлежащее	184
Мнимое и безличное подлежащие	185
Предваряющее подлежащее	186

Сказуемое	188
Выражение сказуемого	188
Место сказуемого	189
Именное сказуемое	191
Связка <i> være </i> с причастием II как именное сказуемое	195
Глагольно-именное, или двойное сказуемое	197
Дополнение	198
Беспредложное и предложное дополнения	198
Дополнение, выраженное инфинитивом	201
Формальное дополнение	206
Прямое и косвенное дополнения	207
Сложное дополнение	208
Предикативный член дополнения	210
Обстоятельство	213
Выражение обстоятельства	214
Место обстоятельства	215
Определение	216
Определение — прилагательное	217
Определение — предложный оборот	218
Определение — существительное в родительном падеже	219
Определение — существительное в общем падеже	219
Определение в составе сложного существительного	220
Определение — инфинитив	221
Определение — наречие	221
Обособленное определение	222
Приложение	222
Придаточные предложения	223
Придаточные, вводимые подчинительным союзом	225
Придаточные, вводимые относительным местоимением	227
Придаточные без вводящего слова	227
Порядок слов в придаточном	228
Форма сказуемого в придаточном	229
Соотношение придаточного и главного	230
Ключ к фонематической транскрипции	233
Таблица сильных глаголов	235
Список сокращений в примерах	239

Михаил Иванович Стеблин-Каменский
Грамматика
Норвежского языка

Утверждено к печати
Институтом языкознания
Академии наук СССР

Редактор Издательства А. П. Конаков
Технический редактор Н. С. Тевритинова
Корректоры А. А. Гельфанд, Н. Д. Соколова
и Н. М. Шилова

РИСО АН СССР № 18—97В. Сдано в набор
15/IV 1957 г. Подписано к печати 17/XII 1957 г.
Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Бум. л. 7³/₈.
Печ. л. 15¹/₄=15¹/₄ усл. п. л. Уч.-изд. л. 14,44.
Изд. № 455. Тип. зак. № 869. М-37696.
Тираж 2500.

Цена 10 р. 15 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии
наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1
1-я тип. Изд. АН СССР.
Ленинград, В-34, 9-я лин., д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
53	11 снизу	[ˈjæ: tə]—hjertet [ˈjæ: tə]	[ˈjæt: ə]—hjertet [ˈjæt: ə]
70	1 »	[ˈø:]	[ˈrø:]
72	6 сверху	'один', verd 'стоящий'.	'один'.
122	3 снизу	giftgas	giftgass
218	8 сверху	ogsa	også
219	3 снизу	stikkelsebær	stikkelsbær

М. И. Стеблин-Каменский. Грамматика норвежского языка